

НАТАЛЬЯ
РЕЗАНОВА

**Игра
Времен**

Заклятые тиры

Наталья Резанова

Игра времен (сборник)

«Автор»
1996-2009

Резанова Н. В.

Игра времен (сборник) / Н. В. Резанова — «Автор», 1996-2009

Жестокий мир, где слабый обречен изначально. Мир, где женщине трудно, практически невозможно выжить в одиночку... если, конечно, она не умеет сражаться подобно мужчине или не носит в себе Силы колдовского дара. Однако в этой девушке, хрупкой телом, но сильной духом, магической Силы хватит на десятерых. Она верит, что сможет не только выжить, но и подчинить себе обстоятельства. Она полагает, что будет защищать Свет от Тьмы, Добро – от Зла. Одного только не понимает еще юная ведьма – Свет далеко не всегда является Добром, Тьма – Злом...

© Резанова Н. В., 1996-2009

© Автор, 1996-2009

Содержание

Игра времен	6
1. Лесная и оборотни	6
2. Кошки – мышки	28
3. Одно из имен дьявола	35
4. Камень Великой Матери	41
I. Деревенское колдовство	41
II. Ученый чернокнижник	46
III. Злой маг	56
5. Самоубийство по сговору	63
6. Веселый Джироламо	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Наталья Резанова

Игра времен (сборник)

© Н. Резанова, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Игра времен

1. Лесная и оборотни

Это произошло в годы, когда Западная империя падала под бременем смут, а Восточная империя во всей силе и славе своей была так же далека, как Индия или Китай. Христианство уже теснило древнюю веру, но многие жертвенники еще дымились. Деревянные города, окруженные бревенчатыми стенами и земляными валами, гордо именовались столицами королевств и герцогств, но самые названия тех государств, не то что их границы, не удержались в памяти последующих поколений. Летописи тех времен темны и запутанны, а саги и предания – страшны и дики.

Именно тогда железная дружина Сламбеда, еще не ставшего торговым союзом, отправилась на присвоение земель одного из таких эфемерных государств – Винхеда. О дальнейшем мы узнаем из сламбедской же хроники. Это редкий, хотя и не единичный случай, когда о событиях сообщают побежденные, не победители, ибо победители не знают грамоты.

Вот что пишет Амвросий Сламбедский в своей «Начальной хронике»:

«Отряды комеса не в силах были противостоять сламбедцам, несравнимо лучше обученным и экипированным, за что и прозваны были «железнобокими». Тогда, ища спасения, вызвали они из глубины винхедских лесов воинов-оборотней, как говорят, имевших волчьи, медвежьи и песьи головы. Сие утверждение – безусловное суеверие, противное истинной вере, но о том есть множество очевидцев. Сии оборотни, сказывают, от зрелища крови впадали в некое бешенство, ничем не остановимое, сражались они, не испытывая боли даже и от множества ран, и каждый из них в бою стоил десятерых. И сламбедцы в страхе отступили. Но и винхедам пришлось познать, что иное лекарство – горше болезни, ибо эти оборотни были столь свирепы, что не могли жить, не творя убийств, и проливали кровь, не ведая разницы между противниками и союзниками, без жалости и снисхождения и к тем, и к другим...»

Мальчик вырвался ночью из гибнущей деревни и бежал, покуда у него не подкосились ноги. Кровь струилась по его лицу, сознание мутилось. Задохнувшись, раскинув руки, он рухнул на землю.

Приходя в себя и еще не открыв глаз, он почувствовал запах, который сразу заставил его рот наполниться слюной. За свои десять лет он и хлеба-то никогда не ел досыта, не то что мяса. А пахло мясом. Мальчик открыл глаза и тут же снова зажмурился – светило солнце. Он лежал на небольшой лесной поляне. Рана на его виске была промыта и перевязана. Перед ним горел костер, а на углях жарились ломти мяса. За ними приглядывала сидевшая у огня девушка. У нее было темное лицо с гладкой, как шлифованный камень, кожей и светлые волосы. Если бы не эти волосы, которые шевелил ветер, она бы до странности сама напоминала каменное изваяние, настолько неподвижна она была. На ней было крестьянское платье, на плечи накинута овчина, на коленях – тяжелый посох, обитый медью. Очевидно, она заметила, что мальчик очнулся, и спокойно произнесла:

– Ты ешь, ешь. Веткой подцепи и ешь.

Он подполз на животе к костру, но вытащить кусок мяса не решался. Тогда она сделала это сама, вынув длинный нож с узким лезвием. Форма его рукоятки говорила, что он мог быть использован и как метательный. Очень трудно было следить за ее движениями. Они существовали словно бы сами по себе, в разрыве, а не длились. Но мальчик и не следил, а выхватил наконец кусок мяса и начал жадно есть, давясь и обжигаясь, перебрасывая ломоть из одной

ладони в другую и совершенно не обращая внимания на девушку. Однако, как видно, он о ней не забыл, потому что через некоторое время заговорил, смутно и сбивчиво:

– Железные пришли... все забрали, скотину свели, сестру свели... потом пришли Оборотни... а их нельзя убить железом... стали убивать железных... железные убежали... а Оборотни стали убивать нас... всех убивать... страшно... морды у них звериные... зубы... и они рычали и выли... в шкурах... и рубили...

Он замолчал, облизывая обожженные пальцы. Затем сжался в комок.

– Не бойся, – сказала девушка. – Никто тебя больше не тронет. Сейчас я отведу тебя в обитель, к отцу Лиутпранду.

– К святому отцу?

– Да. А туда они не придут.

– Я боюсь... они – оборотни...

– Они такие же оборотни, как я – святая дева.

Мальчик тупо уставился на ее светлые волосы и темное лицо, словно что-то с трудом припоминая. И затрясся всем телом.

– Да что с тобой, недоумок? – с досадой воскликнула она. – Ты не так понял. Я хочу сказать – они не настоящие оборотни.

Но больше мальчик не произнес ни единого слова.

Девушка тем временем уничтожила следы костра, засыпав его землей и уложив сверху нарезанный мох. Потом подошла к нему.

– Идем. – Поскольку он не двинулся, она рывком поставила его на ноги. – Идем!

Он не понимал, куда и сколько времени они шли. Опынев от непривычной сытости, от слабости, от страха, он двигался как в бреду, и если бы не сильная рука, цепко держащая его за плечо, он бы упал. Пожалуй, он больше ничего не ощущал, только эту руку. Однако, по всей вероятности, из леса они не выходили, и никто им не встречался. Не было ни дороги, ни тропинки, а деревья перед его глазами сливались в неразличимую зеленую гущу.

Прошло несколько часов, и деревья наконец расступились. Они стояли на опушке у подножия холма. По склону тянулась хорошо утоптанная пустынная дорога. Она вела к высившемуся на вершине холма большому приземистому зданию, увенчанному крестом и обнесенному высокой оградой из цельных мощных бревен. На воротах висел колокол.

– Вот монастырь, – сказала девушка, выпустив его плечо. – Иди туда и позвони в колокол. Тебя примут, накормят и не будут обижать. Мне туда нельзя. Иди один.

Медленно, не оглядываясь, он побрел вверх по склону. Закинув посох на плечо, девушка не отрываясь смотрела на крышу с крестом, и в глазах ее было странное выражение. В то мгновение, когда мальчик дернул за веревку, девушка, не дожидаясь появления привратника, беззвучно отступила назад, в лес.

Отец Лиутпранд, настоятель монастыря во имя Святого Духа, возвращался к себе в обитель. Приходских священников не было, приходилось посылать для совершения треб монахов и служить самому. Солнце припекало, но он не спешил уходить с лесной тропинки в тень и даже не прикрывал лысину капюшоном. «Старческая кровь леденит», – усмехался он про себя. Впрочем, внимательный глаз угадал бы в нем человека не столь старого, сколь преждевременно состарившегося от непосильных трудов. Он был худ, сутул, вокруг тонзуры, обратившейся в плешь, еще сохранились редкие рыжеватые-седые волосы. Настоятельствовал он в Винхеде много лет, проповедовал, крестил, венчал, хоронил. Он любил этих темных полуязычников и, пожалуй что, понимал их во всем, кроме тех областей жизни, коих понимать не хотел. Самого его также любили, почитали, называли святым, но не понимали совсем. Он мало что мог объяснить своей пастве, которая и имя-то его произносила с трудом. Не мог растолковать, почему на изобильной земле царит вечный голод, почему честные труженики живут в посто-

янном страхе, а те, кто не знает страха, так неизменно жестоки. Выход из этого тупика он видел только в обращении к Богу, но видел также, что большинство людей к Богу прийти не готовы.

Честно говоря, он устал не только от подобных мыслей, но и от голода. Путь до монастыря был не ближний, однако нищета в деревнях была столь вопиющей, что отец Лиутпранд не считал себя вправе брать со скудного крестьянского стола.

– Добрый день, отец святой!

Он обернулся на голос.

На краю тропы стояла девушка в крестьянском платье. В руках у нее была свежепойманная щука (пресвитер вспомнил, что поблизости – река), а у ног лежал посох, окованный медью, которым она, очевидно, глушила рыбу.

– Благослови тебя Господь.

– Я прошу тебя принять от меня эту рыбу, а после поговорить со мной.

Он принял щуку у нее из рук, но во взгляде его было сомнение. Что-то в ней мешало принять ее за деревенскую. Она была выше пресвитера ростом, на лице, чрезвычайно смуглом, выделялись серые глаза и крупный бледный рот.

– Устав запрещает тебе разделять трапезу с женщиной?

Отец Лиутпранд ответил откровенно:

– Я мог бы нарушить его, если б ты была старой или слабой и больной, нуждающейся в помощи. Но тебя нельзя отнести к таковым.

– Ты не прав. В помощи нуждаются не только недужные и убогие. Хотя мне нужен скорее совет. Готовь себе обед, святой отец, и пусть мое присутствие тебя не смущает. Я вернусь, когда ты насытишься.

Когда она ушла, он разложил костерок, разделал рыбу и поджарил ее, нанизав на прутик. Но съел не все, а только половину. Оставшееся он, аккуратно завернув в листья, уложил в сумку. Когда он покончил с этим занятием, девушка вновь стояла перед ним.

– Я не заметил, как ты подошла.

– В этом-то все и дело, – сказала она.

И исчезла.

Отец Лиутпранд, несколько ошеломленный, смотрел перед собой, пытаясь определить, как это случилось.

– Я у тебя за спиной, – раздался голос. Как только он убедился в этом, она опять исчезла. И в следующий раз вышла из-за дерева на другой стороне тропы.

– Это колдовство, – сказал он, не обвиняя, а просто признавая факт.

– Нет. Я же не стала невидимой взаправду. Просто ты перестал меня видеть. Это не колдовство, а человеческое умение. Правду говоря, я даже не знаю, что можно счесть настоящим колдовством.

– Зачем же ты сделала это?

– Просто чтоб начать разговор.

– Тогда еще, чтоб начать разговор. Несколько дней назад к нам в обитель пришел мальчик. Он был ранен, бредил и, возможно, так и останется не в полном уме. В бреду он говорил об убийствах, а также о том, что его спасла от Оборотней и привела к воротам монастыря святая дева. Кое-кто счел это за чудо, но я видел, что рана перевязана человеческими руками. Это была ты?

– Да.

– Так вот – кто ты и чем занимаешься?

– Я – Дейна из Лесных. Слежу за Оборотнями.

Отец Лиутпранд нахмурился.

– Я всегда считал, что Лесные и Оборотни – одно и то же. И до недавнего времени и тех, и других – суеверным вымыслом.

– Нет. Это разные кланы. Оборотни – воины, а Лесные были охотниками и пастухами зверей. Теперь Лесных больше нет. Одних убили Оборотни, другие стали христианами и ушли в деревни и монастыри.

Отец Лиутпранд хотел было спросить, что значит «пастухи зверей», но спросил другое:

– Ты – тоже христианка?

– Да. Ты сам меня крестил. Поэтому я к тебе и пришла.

Настоятель кивнул. Если она крестилась в детстве, немудрено, что он ее забыл – его паства была слишком велика. Тем не менее это сообщение его немного успокоило. Он поднялся на ноги.

– Пойдем. По дороге ты расскажешь мне о Лесных и Оборотнях.

Дейна рассказывала:

– Общего у Лесных и Оборотней только то, что живут они в лесу. А Лесные и вовсе его никогда не покидали. Только Лесных уже нет, а об Оборотнях давно ничего не было слышно, потому что в этих краях не было войны. Поэтому я надолго уходила отсюда, была в горах и дальше, а когда вернулась – здесь война, и они тоже.

– Постой. Мне кое-что неясно. Я видел твое «ненастоящее колдовство» или «человеческое умение». Предполагаю, есть и другие. Почему же, обладая такими способностями, Лесные были побеждены?

– Это и в самом деле удивительно, но Лесные не любили и не хотели убивать. Поэтому они так быстро обратились в христианство.

– А Оборотни – язычники?

– Да, но вера у них иная, чем у мирных язычников.

– Расскажи мне больше об этом племени.

– По-настоящему это не племя и не род. У них не бывает ни жен, ни семей, ни родственных связей. Все они мужчины и воины. Они объединяются во фратрии или братства. Мне известно всего четыре таких. Та, которая действует в Винхеде, именуется фратрией Медведя.

– Опять подожди! Ты говоришь так, будто Оборотни – это люди. Почему же их называют оборотнями?

– Потому что... я знаю следующее. Юноша приходит во фратрию, как только научается владеть оружием, и после долгих и очень жестоких испытаний становится полноправным членом братства. Если выживает, конечно. Во время испытаний он учится вызывать зверя. И, когда он идет в бой, в него вселяется этот зверь. То есть он вызывает в себе его. Есть разные способы... Мне трудно объяснить. Они рождены людьми, но людьми себя не считают и носят шкуры своих зверей – волков, рысей, псов, медведей, а на лицо надевают их маски. Они не изображают зверей, как ряженные на весенних праздниках. Они становятся зверями. Они одержимы. Они живут войной, любят войну, их радует убийство больше, чем добыча. Все остальное они ненавидят и презирают. Им все равно, кого убивать и зачем...

– Чудовищно... – прошептал отец Лиутпранд. – Безбожно...

Дейна промолчала. Некоторое время они шли, ничего не говоря. Затем отец Лиутпранд нерешительно произнес:

– А что до того, что их нельзя убить железом?

– Ошибка. Она исходит из того, что одержимый Оборотень не чувствует боли. Его на куски можно заживо резать, но остановится он не прежде, чем истечет кровью и умрет. Поэтому люди верят, будто Оборотней нельзя поразить железом, а только деревом, камнем или огнем.

– Но если это так, если на деле они не оборотни, а одержимые, они просто больны, и их можно излечить. Если их разделить и прибегнуть к помощи экзорцистов... – задумчиво проговорил отец Лиутпранд.

– Ты представляешь себе, как это можно сделать? – жестко спросила она.

Он ответил вопросом на вопрос:

– А чего хочешь ты? Ведь ты явно не за духовным утешением пришла ко мне?

– Пока нет. Хотя духовное утешение мне нужно. И если бы у нас имелась женская обитель, я бы, наверное, удалилась туда. Но прежде чем я уйду, я должна уничтожить Оборотней в Винхеде. Они исчезнут, как Лесные!

– Как?

Очень обыденно она сказала:

– Я проникну к Оборотням. Подчиню их себе. И отправлю на гибель. А ты мне помо-
жешь.

Он посмотрел ей в лицо, ища признаков безумия. И не нашел. Серые глаза были ясны и безмятежны.

И все же он устало произнес:

– Ты не в своем уме. – Не дождавшись ответа, продолжил. Это было тяжело – весь предшествующий разговор был тяжок, потому что доселе ему никогда в жизни не приходилось беседовать о чем-либо подобном с женщиной. За последнее соображение он и ухватился. – Ты заставляешь меня говорить вещи, о которых говорить я не должен, и даже думать о них мне не пристало. Ты – женщина. Ты молода и хороша собой. И ты идешь в банду озверелых негодяев-язычников. Неужели ты настолько глупа, будто не понимаешь, что тебя ждет? Или тебе это безразлично?

На сей раз она ответила, словно растолковывая неразумному ребенку нечто очевидное:

– А ты как думаешь, неужели я смогла бы поведать тебе все так подробно, если бы уже не побывала у них, и без всякого для себя вреда? Я и тебе сумела отвести глаза, а ты несравнимо умнее их.

На лезть отец Лиутпранд не поддался. Он с горечью осознал, что говорил с ней уже не как пастырь духовный, а как мирянин, старый, битый жизнью мирянин.

Она как будто попыталась его утешить.

– Ведь я же могу просто исчезнуть.

– Да просветит тебя всеблагой Господь, – пробормотал он.

Она кивнула и отступила с тропы. Отец Лиутпранд догадался, что сейчас она уйдет. А он не смог ее переубедить.

– Ты – такая же одержимая, как они! – выкрикнул он.

Она обернулась.

– Ошибаешься, отец. Я – гораздо хуже.

Он двигался по лесу, но никто не смог бы услышать его шагов, никто из людей, только дикий зверь, и то лишь знающий, что такое охота, и приученный бояться приближения человека. Но был ли он человеком? Только не с виду. С человеком его роднил исключительно способ передвижения – на двух ногах, но походку уже нельзя было назвать человеческой, равно как и все остальное – седую шкуру, прикрывавшую тело, оскаленную пасть, над которой тускло блистали глаза, а то, что чудовище почему-то встало на задние лапы, делало его еще страшнее. Хладнокровный и непредвзятый наблюдатель заметил бы, что волчья шкура облекает тело примерно до колен, оставляя свободными ноги в штанах и сапогах, в поясе она перехвачена ремнем с закрепленными на нем мечом и топором, а страшная морда волка была лишь личиной на лице, сохранившаяся же при выделке верхняя часть черепа могла служить шлемом новому хозяину. Но в том-то и дело, что он ни разу в жизни не встретил хладнокровного и непредвзяттого наблюдателя. Для всех прочих он был зверем, ужасным, невозможным, сверхъестественным. Оборотнем.

Он шел с севера на юг, шел уже много дней, и шаг его был все так же ровен и легкий, и до цели ему оставалось не так уж далеко. Он шел, лес обступал его со всех сторон, нависал над ним кронами деревьев, стлался под ноги пружинистым ковром палых листьев и хвои.

Внезапно он замедлил шаг и повернул голову. Лица его не было видно под маской, но поза выдавала напряженное внимание. Казалось, серая шерсть на спине его сейчас встанет дыбом. Затем он резко свернул со своей невидимой, словно в воздухе начертанной тропы и крадучись двинулся между деревьями. Пробираться ему пришлось недолго. Перед ним была небольшая прогалина, образовавшаяся после падения могучего старого вяза. На поваленном стволе, свесив ноги, сидела женщина, на плече у нее примостился ворон, и она наклонила голову так, будто птица что-то говорила ей, а она слушала. Он замер, вглядываясь. Женщина отвернулась, видна была лишь завеса светлых волос, но нечто в ее облике, в развороте плеч, прикрытых овчиной, говорило, что она молода. На много переходов кругом не было ни одной живой души, а женщина – на расстоянии одного прыжка. Он прыгнул, и в прыжке узкий охотничий нож вошел в его горло. Девушка не сидела, а стояла, и ворон, сорвавшись с плеча, с карканьем кружил над ее головой.

Нападавший по инерции пролетел вперед, упал ничком. Рукоять ножа ударилась о землю, и острое вышло у основания затылка. Девушка перевернула труп, вытащила нож, отерла лезвие, воткнув его в землю. Стянула волчью маску, вымазанную кровью, не взглянув на искаженные смертной гримасой черты лица, принялась пристально изучать знаки на оружии и одежде убитого – резьбу на рукояти топора, по-особому завязанные ременные застёжки рубахи, костяные амулеты, свисавшие с пояса. Ворон перестал кричать и уселся на ветку.

Есть разные способы выпустить зверя. Дым конопли, сок белены или сушеные мухоморы. Но те, чей дух и тело прошли через должные ритуалы посвящения, не нуждаются в этом. Достаточно удара в щит и боевого клича вождя.

Тюгви, старший среди братьев фратрии Медведя и сам Медведь, бил мечом о бронзовый щит, висающий на дереве. Только для этого щит и был нужен. В бою Оборотни щитами пренебрегали. Размеренный звон разносился над поляной, где размещался лагерь Оборотней. Обычно он был почти пуст, понятия дисциплины Оборотни не знали. Но теперь они собрались здесь. Тюгви не смотрел на них. Ему не было нужды. Он был старше их всех годами и давно забыл те времена, когда еще не стал Оборотнем. Высокий, кряжистый, в косматой медвежьей шкуре, он покуда еще не надвинул на лицо звериную маску, и она скалила клыки над темными, маленькими, глубоко сидящими глазами. Многие Оборотни под шкурами носили знаки своей удачи – золотые гривны и оплечья, драгоценные браслеты. Единственным украшением Тюгви был железный ошейник, на каких держат медведей. Он недаром был старшим среди братьев. Не потому что был храбрее других – не было «храбрее», трус не мог стать Оборотнем, и не потому что сильнее – слабых не было, слабые не выживали при испытаниях, но сила его была не только в теле, его могущество и власть имели основой то, чем другие Оборотни не обладали. Это можно было бы назвать магией, однако магические способности Оборотни считали достоянием презираемых врагов: Лесных, а также трусливых баб и христианских шаманов. Впрочем, Оборотни презирали всех, кроме Оборотней. Только одних они уничтожали походя, к другим же следовало применить воинскую силу. Особенно к железнобоким. Они называли себя воинами, но уповали лишь на крепость брони, защищавшей их ничтожные тела, да на быстроту ног своих коней (Оборотни никогда не сражались верхами), и за одно это их следовало наказывать. Совсем недавно Оборотни разбили и рассеяли их, и вот они снова собрались и вернулись. Как прежде, они захватывали жилища земляных червей, громили их погреба с пивом и брагой, брали их женщин, рубили на мясо их скот – все то, что по праву принадлежало Оборотням. Сами Оборотни земляных червей грабили редко – от лени и от презрения. Но отобрать добычу у хищника... у того, кто смеет выдавать себя за хищника!

Тюгви ударил в последний раз, четко определив момент превращения. Вокруг него не было ни одного человека. Звериные шкуры приросли к телам, лица стали мордами. И Тюгви рывком натянул на лицо медвежью маску, и рев вырвался из его легких. Ему ответил вой остальных. Сам Тюгви мог совершить превращение без подготовки, которая требовалась прочим. Теперь он чувствовал их единую волю, их желания и устремления, которыми без труда можно было управлять. Ибо Оборотни, в редкие мирные часы не признававшие ни дисциплины, ни порядка, после превращения становились едины и жили единым.

Бой!

Все остальное – стерто.

Они передвигались по-звериному – бесшумно, при ходьбе наклонившись вперед. Стояла уже глубокая ночь, когда они добрались до места, а вышли они с закатом. Ночь – их время.

Железнобокие расположились в селении земляных червей, разогнав хозяев. Оборотни тихо окружили деревню, сняли часовых. Но дальше... перерезать спящих врагов не составило бы никакой чести, не доставило бы радости. И Тюгви вновь зарычал, а остальные завывали, пробуждая уснувших.

Первые минуты среди железных царил суматоха. Пока они метались, вскочив с тюфяков, либо натягивали свое тяжелое вооружение, кто-то из них с факелом в руке выбежал к коновязи, догадавшись погнать на Оборотней запасных коней. Лошади железнобоких – необычайно для здешних мест сильные, тяжелые и рослые, иначе бы они не годились для закованных в латы всадников, – подгоняемые огнем, тяжелым скоком вынеслись на улицу селения. Их оскаленные морды с горящими глазами напоминали демонов ада, копыта вырывали комья земли. Железнобокий что-то гортанно кричал. Один из Оборотней змеей проскользнул между лошадьми и вырос прямо перед дружинником, замахнувшись на него факелом. На мгновение пламя осветило их обоих – высокий, светловолосый дружинник в лорике, с факелом в правой руке и дротиком в левой, и Оборотень в волчьей шкуре, вооруженный коротким прямым мечом. Только на мгновение, затем выбитый факел упал на землю, а за ним тот, кто его держал. Оборотень же метнулся вперед, за ним – остальные. Факел затоптали – Оборотни видели в темноте. Легкие, быстрые тени заполнили селение. Теперь наступало время одиночных поединков, более всего ценимых оборотнями и доставлявшим им самое сильное наслаждение. Тюгви-медведь первым поднял топор, врубился в группу дружинников, разведя их клинки, словно они были сделаны из камыша. Дротик, брошенный из переулка, вонзился в бок Оборотня в рысей шкуре, но тот даже не приостановился, чтобы вырвать его. Во владеющем ими сейчас воинском экстазе Оборотни не только не чувствовали боли – они были сильнее и в то же время легче и подвижнее, чем большинство людей. Но у железнобоких были свои преимущества – их защитное оружие, само наличие которого презирали Оборотни, помощь пешей obsługi, наконец, привычка во всем следовать определенным правилам, доведенная до автоматизма. После краткого замешательства они сумели построиться в боевом порядке, пригодном для пешего сражения. На них были пластинчатые доспехи, более тяжелые и прочные, чем лорики obsługi, на головах – высокие остроконечные шлемы. Вооружение их составляли широкие мечи и копья, и они загородились высокими, в рост, деревянными щитами, обитыми бронзой, о которые мог разбиться и безудержный порыв Оборотней. Обслуга заняла позиции в переулках, вооружившись луками и стрелами. Несколько факелов были заброшены на покрытые дранкой кровли, и пламя занимавшихся пожаров осветило пространство сражения – выстроившихся в круг посредине улицы облитых металлом железных, перебегающих, петляя, от дома к дому Оборотней. И только Оборотням была видна еще одна фигура на крыше жилища рядом с кольцом железных, и мертвый свет луны, и рыжий свет пожара озаряли стоящие торчком уши и вздыбленную седую шерсть на волчьей голове. Казалось, очень медленно, как во сне, а на самом деле одним стремительным движением волчьеголовый взмахнул поднятым мечом и молча прыгнул прямо в середину круга, в гущу воинов противника. Он исчез из глаз Обо-

ротней, но в рядах железных произошло движение, строй их сломался, и этого было достаточно, чтобы бросить Оборотней в сокрушительную атаку. Им не нужно было приказа Тюгви – ничьего приказа. Прорвавшись в круг железных – распавшийся круг, – они в яростном самозабвении крушили щиты топорами, разбивали мечами шлемы, а если кому-то удавалось сбить шейную пластину с доспеха, впивались зубами в глотки врагов, опьяняясь их кровью, и лучники не могли больше стрелять, ибо в этом смешении тел не могли отличить своих от чужих.

Вскоре в деревне не осталось никого, кто мог бы противостоять Оборотням. Враги бежали либо были перебиты. Настало время грабежа. Одни Оборотни разбрелись по домам, выискивая то, что не успели захватить либо выпить железные. Другие обшаривали трупы, забирая золото: пряжки, гривны, наручи, кольца – украшения, бесполезные для Оборотней, но ценимые ими. Третьи свеживали убитых лошадей и жарили конину на углях. Наконец, нужно было позаботиться о павших Оборотнях. Их оказалось двое, и с ними поступили по обычаю – с оружием в руках положили на костер. Никто не оплакивал убитых братьев. Ведь они умерли не от болезней и старости, а так, как им надлежит. Когда тела их сгорят, оставшиеся возьмут по горсти пепла, разведут вином и выпьют на пиру за их новое рождение. Чрево женщины не способно выносить Оборотня. Только прах его, носясь в воздухе и проникая в дыхание, способен возродить его к жизни. А часть праха, что выпьют с вином или веселым медом братья, всегда пребудет с ними. Так что Оборотни не умирают, и нечего бояться смерти в бою и нечего о ней плакать.

Близился рассвет. Уход зверя и возвращение человека всегда тягостны для Оборотня, туманя сознание и отнимая силы. Тюгви, благодаря своей воле, удерживался на грани между этими двумя состояниями. Он сам не знал, что мешает ему соскользнуть в расслабление.

Он поднял голову, сдвинув маску. На затянутой дымом и предутренним туманом улице среди догорающих домов медленно передвигающиеся фигуры Оборотней казались призраками, собственными тенями.

Мимо прошел волчьеголовый, чьи действия нынче во многом решили исход боя.

– Младший.

Тюгви не повышал голоса, но властность в нем была непререкаема.

Волчьеголовый приблизился.

– Ты хорошо нынче рубился. – И без паузы: – Сними маску.

Волчья голова сдвинулась на лоб, и открылось совсем молодое лицо с резкими чертами, с кожей гладкой, как из камня. Глаза, очень светлые на темном, глянули в глаза Тюгви.

– Я не знаю тебя, – утвердительно сказал Тюгви.

– Так, старший. – В его тихом голосе словно перекатывалось приглушенное рычание. И еще Тюгви расслышал в нем слабый акцент. Да и детали вооружения говорили за себя.

– Север? Фратрия Волка?

– Все так, старший.

– Имя?

– Ульф.

– Почему ты явился к нам, Ульф?

– На севере нет войны.

Ответ был исчерпывающий, можно больше ни о чем не спрашивать. В отсутствие сражений и воинских подвигов, коснея в бездействии, Оборотни либо легко падали духом, либо, ведомые неодолимым беспокойством, оставляли собственные фратрии и перебирались в те, что воевали. Так бывало всегда. В появлении Ульфа не было ничего странного, а по оружию его, знакам на поясе, да и потому, как он сражался, ясно, что он – полноправный воин. И все же...

По улице брел Хагано, один из ближайших учеников Тюгви. Он снял свою собачью маску и шурился от дыма. Лицо его было бледно, на губах и усах засыхала кровь. На него навалива-

лась слабость, как всегда бывает с Оборотнями после обратного превращения. Но, когда Тюгви велел ему и Ульфу следовать за ним, Хагано беспрекословно подчинился. Он не размышлял над тем, почему старший так торопится, и принимал это как данное. Так они и шли: впереди Тюгви – твердым и решительным шагом, за ним Ульф – почти неслышным, последним, вялый и спотыкающийся, – Хагано.

А Тюгви спешил. Он хотел утвердиться в своих подозрениях до наступления дня, а когда они подошли к лесу, солнце уже выползло из-за кромки деревьев. Правда, в лесу еще стоял сумрак. Они двигались между деревьями, Хагано споткнулся о сырой полусгнивший ствол и чуть было не упал. Сейчас от его ночной ловкости и легкости движений не осталось и следа. Тюгви обернулся и положил руку ему на плечо.

– Сиди здесь и жди.

Они с Ульфом пошли дальше, пока не продрались на круглую поляну, со всех сторон окруженную густыми зарослями можжевельника. Тюгви жестом приказал Ульфу остановиться, обошел его кругом противосолонь: голова опущена, руки свисают, вновь зашел ему за спину...

Потом послышался глухой рев.

Ульф обернулся. На него надвигался старый бурый медведь, матерый, со множеством шрамов, проглядывающих сквозь мех. Но прежде чем он успел приблизиться, к земле припал, показывая клыки, молодой волк, худой, но крупный. Шерсть, светлая и оттого глядящая седой, стояла дыбом на его загривке. Медведь был много тяжелее, он мог одним ударом передней лапы переломить противнику позвоночник, но в желтых волчьих глазах горела такая лютая злоба, что медведь не решился нападать открыто, а попытался обойти противника, тяжело затрусив по поляне. Но не тут-то было. Волк, не выпуская медведя из виду, каждый раз встречал его оскалом кинжальных зубов. Сам он не нападал, выжидая, пока медведь не устанет или не выкажет слабости. Наконец игра надоела медведю, он поднялся на задние лапы, готовый всей своей тяжестью превратить в месиво хребет волка, и занес вооруженные смертоносными когтями передние лапы, но в это мгновение волк неожиданно легко оттолкнулся от земли, серой тенью преодолел пространство до открывшегося горла противника и сомкнул на нем челюсти. Медведь взревел, пытаясь стряхнуть повисшего на нем волка, потом рухнул и покатился вместе с ним по земле, тщаь раздавить врага, но безжалостная хватка становилась все крепче... и крепче...

Хагано дремал, сидя на бревне. Из забытья его вывел чей-то взгляд – тяжелый, упорный. Он поднял глаза. Перед ним стоял волчьеголовый.

– Иди помоги старшему, – сказал он.

Прежде чем до Хагано дошел смысл его слов, волчьеголовый исчез. Мгновение Хагано медлил, раздираемый сомнениями – бежать ли за ним, или спешить на помощь Тюгви? Преданность старшему победила, и Хагано устремился к нему. Он увидел Тюгви посередине круглой поляны. Тот лежал навзничь, неподвижно. Маска съехала, и лицо старшего из Оборотней было так бледно, будто кровь в нем заменилась мелом. Казалось, он мертв, но, когда Хагано склонился над ним, он не заметил на теле старшего ни одной раны. Потом Тюгви открыл глаза, и Хагано отшатнулся – такая безумная иступленная радость читалась в его взгляде. Так бывает, когда свершается то, на что давно перестал надеяться.

– Слушайся Ульфа, – прошептал он, – его сила больше моей... Когда я умру, он займет мое место.

Обычно в промежутках между сражениями Оборотни, за исключением учеников, не прошедших еще испытаний и занятых изучением воинских искусств под надзором своих наставников, делали что хотели, не отдавая никому отчета, в основном – спали либо охотились. На охоту пошли и Тюгви с Хагано, пешие, без собак – звери убивают зверей, но звери не служат зве-

рям. Передвигаясь беззвучно, как подобает Оборотням, в плотном, прогретом июльским солнцем воздухе они улавливали малейшее дуновение, приносящее разнообразные запахи, и самые отдаленные звуки. Пока что и то, и другое указывало вполне определенно. Осторожно озираясь, они вышли на поляну, заросшую высокой, уже начинающей терять соки травой. Как подобает Оборотням, они не любили ни солнца, ни открытых пространств, но охотничий инстинкт был сильнее. Маски их были сдвинуты, оба смотрели вперед. И так же, не оглядываясь, ровным голосом Тюгви произнес:

– Ты осуждаешь меня, младший.

Хагано, шагавший ему вслед, ничего не ответил. Его худое лицо напряглось.

– Осуждаешь. Язык твой не поворачивается сказать этого, но после стольких лет ученичества тебе не скрыть от меня своих мыслей.

Тюгви говорил правду. Отношения между старшим воином и его учеником во фратрии бывали ближе, чем между отцом и сыном, тем паче что Оборотни забыли своих отцов и знать не желали своих детей. Они без слов понимали друг друга. Но сейчас Тюгви счел возможным начать разговор.

– Да, ты был моим учеником, и я полагал, что на смену мне придешь ты. И твое место занял чужак, юнец, едва прошедший воинские испытания. Но так нужно. Он – больше чужой, чем ты думаешь. Я сразу заметил, что он не такой, как мы, и теперь, по прошествии дней, в этом убедился.

Хагано внимательно слушал.

– Это не воин-оборотень, а оборотень-воин. Не человек с душой волка, а волк с душой человека. Мы принимаем в бою звериный облик, он – наоборот. Я слышал о подобных ему прежде, но сам раньше никогда не видал. Он никогда не выходит из леса, кроме как ради сражения. Он никогда не ест человеческой пищи. Он появляется и исчезает незаметно. Тебе мало примет? Хагано, сын мой. Ульф для фратрии важнее тебя. Сейчас он еще слишком молод, но с годами это будет вождь, каких еще не знал мир!

Поглощенный видением, представшим его воображению, Тюгви не смотрел на своего ученика. Он был Оборотнем и мыслил как Оборотень. А потому Тюгви ровно ничего не понимал в людях. Оборотень не мог испытывать зависти – самого человеческого из всех чувств.

– Он – больше зверь, чем все мы... – продолжал Тюгви, на что Хагано, прервав молчание, задал неожиданный вопрос:

– А если он поест в человеческом облике, он так и останется навсегда человеком?

Тюгви не успел ответить. Он прислушался и поднял руку в знак внимания. Хагано последовал немоту приказу. Быстро и осторожно они пересекли поляну и оказались на обрыве над рекой. Слух не обманул старого Оборотня – на узком песчаном мыске под обрывом стояла и пила воду молодая олениха. Тюгви сделал шаг назад и бросил на Хагано короткий взгляд, смысл которого был ясен – честь удара предоставлялась младшему. Один-единственный удар ножом, иначе ты плохой охотник. Хагано, подбираясь для прыжка, вытягивал нож из-под шкуры.

Когда Тюгви вновь подошел к краю обрыва, Хагано уже снова вытягивал нож – из-под лопатки оленихи, лежавшей на песке. Затем он, полоснув лезвием по горлу животного, припав к открывшейся ране, согласно обычаю, напился горячей крови. Это было его право. Когда он поднялся, то, глядя на кровь на его губах, Тюгви кивнул, словно в согласии с какими-то собственными соображениями. Потом велел тащить тушу наверх.

Почти одновременно с Тюгви и Хагано вернулся Гаури, Оборотень в рысей шкуре. Он разбил погреб одного земляного червя и приволок с собой два бочонка меда. При виде этого Оборотни, бывшие в лагере – те, что спали или просто безразлично валялись на земле, – зашевелились. Подбросили дров в почти потухший было костер, начали сбивать крышки с бочон-

ков, нацелились разделывать тушу. Но Тюгви прекратил приготовления единым движением руки. Все Оборотни смотрели на него. Видно было, что старший желает говорить. Он стоял над тушей оленихи, вынув меч из ножен, и оглядывал собравшихся. Это означало важное. А что может быть важнее битвы? Значит, бой... но пойдут ли они в бой сейчас или после пира?

Однако старший заговорил о другом.

– Братья-оборотни, – медленно начал он. – Воины, свободные люди, непобедимые герои. Единственно достойные имени мужчин. Но прежде всего – братья. Ни один род не сравнится с вами крепостью уз. Единый дух, единая плоть, единая воля, единая кровь. Ни смерть, ни предательство не нарушат нашего союза. И мертвый, и предавший все равно будет связан клятвой. Всегда и везде вы будете вместе. А кто хоть на миг забыл об этом, тому я напомню.

Никто не умел сказать так, как старший. И прежде чем успел он закончить, они стояли вокруг него – все, кто был здесь, числом около трех десятков. Тюгви напомнил о древнем братском ритуале – одном из многих, одном из самых сильных: когда собравшиеся воины вместе погружают руки в кровь убитого зверя и эта кровь соединяет их навеки.

Так и было сделано.

И только после этого тушу разделали и зажарили на костре. Ночь обещала много сочного мяса, сладкий мед и братские поединки. И это тоже была жизнь, достойная Оборотня.

Хагано не был пьян, он слишком мало выпил для этого. Однако ноги слегка отяжелели – он почувствовал это, когда отошел от бочки к костру. Какое-то беспокойство томило его. Между пирующими он увидел Ульфа. Остальные дружно насыщались, рычали, хохотали, костер отбрасывал блики на их побагровевшие лица. Ульф сидел неподвижно, опустив на лицо волчью маску. Руки его, сжатые в кулаки, лежали на коленях – так же, как и у Хагано, они были покрыты коркой темной засохшей крови.

Отпихнув ближайшего соседа, Хагано уселся рядом с Ульфом. Волчьеголовый не шевельнулся, но, конечно, заметил его. Нет, он не настолько пьян, чтобы затевать драку с Ульфом... И все же... Он повернулся и спросил напрямик:

– Боишься есть человеческую пищу?

Полусдвинув маску, Ульф молча вытащил свой длинный нож и подцепил ближайшей кусок оленины, жесткой, едва прожаренной. Хагано отвел взгляд. Или волчьеголовый готов ради доказательства своего бесстрашия поступиться оборотническим даром, или... волки тоже едят оленину.

Между тем Тюгви, сидя под деревом, пил черпак за черпаком. Все прошло так, как он хотел. И скоро тяжелая ноша спадет с его плеч, и он снова станет свободен на празднике битвы, подчиняясь лишь единой воле братства, избавленный от участи подчинять ее себе.

Случилось так, что Гаури-рысь пошел в деревню земляных червей за добычей. И там его подстерегли железные. Он был один против всех, и они окружили его, взяв в кольцо, сами скрывшись за своими высокими щитами, и, смыкаясь все плотнее, задавили этими щитами насмерть. Так выяснилось, что не все железные, разбитые Оборотнями, погибли или бежали из Винхеда. И они вновь принялись за свое, но при том изменили тактику, никогда не задерживаясь подолгу в одном месте, ограничиваясь единой ночевкой, догнать же их не представлялось возможным, благо они были верхами. Теперь это не были железные отряды Сламбеда, вернее, их остатки, но банда убийц и мародеров. Так железнобокие и Оборотни, которые были врагами, совместно рвали и терзали маленький лесной край, а дружина комеса, призванная своим служением оградить мирных жителей от воинственных пришлецов, заперлась в деревянной крепости своей Винхед, не решаясь вмешиваться в дела лучше вооруженных, лучше обученных, и несравненно более злых противников.

И случилось так, что Оборотни решили отомстить за собрата, погибшего без чести и потерявшего долю в будущем рождении. Но когда они собрались для этого, Тюгви отказался вести их. Смятение охватило Оборотней, но однако они слушали его со вниманием, а он стоял, наклонив большую голову под медвежьим шлемом, и говорил, потому что говорить может только старший, остальные – просто болтают.

– Я уже стар, чтобы вести вас. Силы в моих руках, чтобы держать меч и топор, еще достаточно, но сила Оборотня во мне ослабевает. Я не брошу оружия, и смерть моя не будет смертью труса. В бою я найду свой конец, и это будет скоро. Пора братьям отплатить мне за сладкий мед и отпустить старого вожака на свободу. Фратрии нужен новый вожак, который поведет вас к новой славе.

Смятение, проникшее в круг Оборотней, не покидало его. Вожак всегда выбирали, но крайне редко выбирали прежде смерти прежнего. А Тюгви всем казался так силен и могуч, что никто и не задумывался о преемнике. К тому же бывало так, что, не сумев выбрать старшего, фратрия либо сама уничтожала себя в раздорах, либо просто распадалась. Они зашумели и загомонили:

– Но кто им будет?

– Кто?

Один голос, перекрывая остальные, громко выкрикнул имя:

– Ульф!

Кричал Хагано, и Тюгви про себя отметил это, удовлетворенно кивнул. Он не ошибся в ученике. И тихо повторил:

– Ульф.

Остальные были в недоумении. Щенок, мальчишка, показавший себя, хоть и прекрасно, только в одном бою? Многие не преминули высказать это вслух и еще добавили:

– У него нет ни чести, ни славы! Нужно доказать, что можешь быть вожаком!

– Так пусть докажет! – крикнул Хагано, и Тюгви снова кивнул.

Ульф стоял тут же. Он был, как и большинство собравшихся, в маске, и кое-кто заметил, что, прислушиваясь к остальным, он не поворачивал головы, но оборачивался всем телом. Как волк.

– Пусть докажет, – повторил Тюгви.

Оборотни отступили от Ульфа.

Говорить умеет только старший. Ульф всегда говорил мало и так, словно ему было трудно произносить слова. Но сейчас он был вынужден говорить.

– Железные, – сказал он. – Мы убьем их. Но на привале мы их уже убивали. Больше нет веселья. Нужно взять их на марше.

И смолк. Это была самая длинная речь, произнесенная им за время пребывания во фратрии Медведя. Она понравилась. Но не все с ней согласились.

– На марше – нетрудно сказать! А если они сбегут – они же трусы?

– Когда они верхами, их нипочем не догнать!

– Особенно днем, а ночью они не ездят!

Ульф не стал никого перебивать, а выждал, пока все прокричатся.

– Я задержу их в пути, – голос клокотал в его горле с мучительными усилиями, – так что они поедут в сумерках. Потом я их остановлю.

И хоть с трудом, но так он это сказал, что лишь один из Оборотней спросил:

– Как?

– Я позову моих братьев, – медленно ответил Ульф и в образовавшейся тишине добавил: – *Иных* братьев.

Все молча смотрели на него. Уверенность Тюгви, подозрение, в котором пытался увериться Хагано: в том, что Ульф – превращенный волк, – сейчас догадкой коснулось многих.

Это настораживало. Ибо волки-оборотни настоящих волков избегают. Но это и привлекало – всем хотелось видеть, на что способна в бою чародейная тварь, кроме мастерского владения оружием. А если так...

– ...пусть так и будет! – Это снова был Хагано. И остальные подхватили его крик.

Тюгви мог быть доволен. Хагано оказался достойным воином и достойным Оборотнем. Если он не сумел распознать силу, то сумел принять ее и склониться перед ней. И фратрии не понадобилась подсказка. Теперь оставалась самая малость – Ульф должен доказать, что он не просто волк, но вожак стаи.

На закате они пришли на место, указанное им Ульфом, – у излучины реки, где конная тропа выбегала из леса и уводила к деревне, огибая горбатый холм. Проще всего было бы напасть на железнобоких в лесу, но, вероятно, именно потому Ульф этого не захотел. Сам он все еще не появлялся. Он обещался задержать врагов. Никто не спрашивал его, как он это сделает – собьет железных с пути, устроит засеки на тропе или придумает еще что-нибудь. Однако, уходя, он казался совершенно уверенным в своих силах – и, похоже, был прав: темноло, а железные из леса не выезжали. Но не переусердствовал ли он? Что, если железные решили заночевать в лесу? Это противоречило всему, что было известно о повадках железных, и все же могло случиться.

Но чуткое ухо Оборотня уже улавливало доносящийся топот. Пусть он был еще далеко. Пусть. Враги приближаются. Пора готовиться.

Первый железнобокий, показавшийся из леса, издал радостный вопль. Лес они ненавидели и теперь, выбравшись на открытое место, позволили себе расслабиться. Сбив строй, они выехали на тропу – нелепые и страшные одновременно – огромные, тяжелые и неподвижные, каждый – башня из кованой брони и кольчужной сетки. Многие бросили поводья. Никто не смотрел по сторонам. Железные медленно трусили на своих могучих конях по направлению к деревне, переговариваясь на своем наречии, которое Оборотни не снисходили понимать. Быстро темнело. Только река поблескивала в сумерках, и черные силуэты железных выделялись на фоне серого неба. Пора было нападать. Оборотни, бесясь от нетерпения, ожидали знака от Ульфа, и один Тюгви понимал, что никакого знака не будет. Все произойдет по-другому...

Это случилось, возможно, в ту минуту, когда солнце полностью скрылось за горизонтом, луны же не было и в помине. Оборотни, залегшие на склоне, поначалу ничего не увидели, да и сами железнобокие в первый миг не сообразили, что за безумие охватило их лошадей, а когда поняли, было уже поздно. Никогда такого не бывало, чтобы посреди лета, когда звери не голодают, стая волков бросилась на отряд хорошо вооруженных людей. Но это произошло. Серые тени вырвались не из леса, откуда только что появились железнобокие, а справа, от реки, будто нарочно обойдя противника. Волки не могли загрызть закованных в броню всадников, но были в состоянии посеять среди них смятение. Железные не понимали, простые ли звери напали на них, или дьявольские порождения ненавистных им леса и ночи. Зато лошади это понимали отлично. Их обуяла паника, и они начали метаться, грызть удила, бить задом и бросаться на дыбы. Укротить их было невозможно, и так же невозможно было быстро подняться с земли тяжеловооруженному железному, если он упал. А они падали, и между ними и над ними в сгущавшемся мраке продолжали кружить серые призраки, и Оборотни силились разглядеть среди них человеческую фигуру, но тщетно. Тогда сердца Оборотней наполнились весельем, как от пьяного меда, – Ульф натравил на железнобоких стаю волков, словно свору собак, о, Ульф был прав, когда говорил о веселье, он понимал в этом толк. Они не хотели упускать своей доли в пиршестве крови и словно по приказу, которого они так и не дождались, ринулись по склону на спешенных железнобоких. Тем же помстилось, верно, что сам ад выбрался на волю. А когда взошла наконец луна, и некому было обороняться на истоптанной дороге, и Оборотни

насытились весельем среди безмолвных волков и храпящих лошадей, они заметили, что все волки исчезли.

Кроме одного.

Никто не видел, как он появился, а может быть, он все время был здесь, только в ином обличье, возглавляя стаю. Сейчас же он стоял на двух ногах, в руке его был меч, а над головой у него висела луна, как во время предыдущего боя, в деревне, словно бы он и ее водил за собой на привязи. Он запрокинул голову к луне и завыл. Ответом ему был общий вой. Оборотни приветствовали его. Он был вожак. Ибо среди волков и людей он был волком в облике человека.

– Вот видишь, как просто, – сказала Дейна.

– Куда уж проще, – пробормотал отец Лиутпранд.

Когда она подошла к нему после панихиды по убитым, он ее не узнал. После встречи в лесу он был совершенно уверен, что больше никогда ее не увидит. Тогда он не смог ее переубедить, а ее решение представлялось ему самоубийственным. Принести в жертву жизнь, честь, веру, достоинство – при мысли об этом тошнота подкатывала к горлу – ради такой бессмысленной цели, как месть... И теперь отец Лиутпранд был так потрясен, что забыл о кощунстве, каковое являл собою ее приход на кладбище.

Волчью шкуру, перевязь с мечом и сапоги она где-то спрятала и теперь была только в рубахе и штанах, вооруженная своим старым посохом. От постоянного ношения шлема волосы ее, очень коротко обрезанные, сваялись и приобрели тусклый оттенок пакли. Теперь никто бы не выделил ее среди деревенских жителей. Никто и не выделил.

– До меня доходят новые слухи, все более страшные. И ты утверждаешь, что сумела исполнить свой замысел?

Дейна огляделась, вначале, видимо, собираясь сесть на ближайшую могилу, затем передумала и опустилась на колени. Если бы кто-нибудь забрел на погост, он увидел бы только крестьянского парня, исповедующегося перед настоятелем.

– Первую половину. Подчинить Оборотней и выбить железных из долины.

– Каким образом тебе это удалось?

– Нам, Лесным, дана власть над зверями. А Оборотни и есть звери, к тому же не самые умные из них.

– Значит, ты теперь предводительствуешь ими?

– Считается, что старшим остается Тюгви, и принимать решения должен он. Я командую только в бою. На самом деле решения в голову Тюгви вкладываю тоже я.

– Кто такой Тюгви?

– Самый старый Оборотень. И самый одаренный. Он тоже заставляет людей видеть то, чего они не видят.

– Тоже?

Дейна уклонилась от прямого ответа.

– У него есть задатки Лесного. Но его уже поздно переучивать.

– А железные?

– Их ты можешь сбросить со счетов. Мы дали им полный окорот. Ладно, перейдем к делу. Пора заняться Оборотнями. Я сделаю все, чтобы завести их в ловушку, а тебе нужно будет поработать с крестьянами, чтобы эту ловушку подготовить. Почти все они бьют дичь, несмотря на запреты комеса, особенно после того, как Лесных не стало, умеют стрелять и ставить капканы. У них есть дубинки и кремневые стрелы...

Повелительный тон ее был неприятен отцу Лиутпранду, но сейчас он не стал останавливать на этом внимания.

– Но ведь есть еще комес и его дружина.

– Которые и призвали Оборотней в Винхед! Кроме того, они трусы. Пугнуть их пару раз как следует, и их как ветром сдует из долины. А крестьянам деваться некуда. Когда они будут готовы, дашь мне знак. Скажем, выставишь на крыше монастырской церкви сноп, как в Пятидесятницу...

Отец Лиутпранд наконец нашел в себе силы прервать ее:

– Довольно! Ты, я вижу, твердо решила погубить свою душу, но это еще не причина, чтобы губить мою! – Ему показалось, что он произнес это слишком резко, и он продолжал, понизив голос: – Пойми, я – не воитель, а пастырь духовный. И не должен призывать паству к насилию. Кроме того, я не вижу в этом надобности. Если Оборотни так любят войну, то, лишившись противника, они сами уйдут, и так мы избавимся от них.

– Прежде они уйдут в ад! – быстро сказала она.

– Ты все еще думаешь о мести. – Он протянул руку со сложенными для крестного знамения пальцами над ее головой, как бы стремясь отвести зло. – Это дело Божие. Ибо сказано: не мстите за себя, но дайте место гневу Божию.

Он вскинула голову, уклоняясь от простертой руки.

– Как ты думаешь, зачем я пересекала горы? – спросила она. – Чтобы найти Лесных. Но их нет. Их больше нет нигде. Ты не знаешь, что такое – быть последней.

– Ты называешь себя христианкой и говоришь такое? – вскипел отец Лиутпранд. – Нет у бога ни первых, ни последних!

Она не ответила, и он вновь одернул себя:

– Бедная заблудшая душа...

– Я вернусь на верный путь, – произнесла она необычайно ясно и звонко и добавила: – Потом.

Встала на ноги. Кладбищенская земля оставила пятна на коленях ее холщовых штанов. Уже знакомым отцу Лиутпранду движением заложила посох на плечи, придерживая его обеими руками. При виде свежих могил пресвитеру пришло на ум еще одно горькое обстоятельство. В могилах лежали железнобокие. Они были врагами, насильниками и человекоубийцами, но все же людьми и христианами, и отец Лиутпранд не мог отказать им в праве последнего успокоения и самолично отпел их.

– Ты хочешь отомстить Оборотням за своих сородичей. Я не одобряю этого, но могу понять. Но люди из Сламбеда... они тебе ничего не сделали, но ты все равно погубила их!

– Это не я, – безразлично-искренне сказала она. – Это Ульф... – И не дав отцу Лиутпранду вмешаться, продолжила: – У тебя еще есть немного времени на раздумья. Совсем немного. И после все может повернуться так, что уже не поправишь...

– Не понимаю, зачем я вообще тебе нужен.

– Потому что ты – пастырь духовный. Крестьяне пойдут за тобой. А за мной – нет. За мной могут пойти только Оборотни.

– Не возвращайся к ним, слышишь? Я найду для тебя приют. Ты должны внимать словам Писания и молиться. Ведь ты же умна, ты должна понять... Или нет, как раз это тебе и мешает. Ты должна отвергнуть мирское разумение и все, что ты называешь ненастоящим колдовством, что бы под этим ни скрывалось, смирить себя, умалиться...

– Я буду слушать слова Писания и смирять себя молитвами, когда покончу со своим делом. – Полуотвернувшись, добавила: – У земляных есть поверье – тот, на кого посмотрит волк, сам превращается в волка.

– Это ты к чему?

– Просто так...

Он почувствовал, что она сказала о чем-то, лично ее касавшемся. Впрочем, определить это мог лишь человек, принявший на своем веку, подобно отцу Лиутпранду, множество исповедей.

Не попрощавшись, она повернулась и зашагала прочь, мимо могильных холмов, к теснящему тесовую кладбищенскую ограду лесу. С освященной земли – во тьму. Настоятель хотел было еще раз сказать: «Бедная заблудшая душа», но не смог. Очень трудно жалеть тех, кто сильнее тебя. А если все же жалеешь, то еще и страшно.

Братство Медведя начинало томиться от безделья. Были братья сыты, хотя сейчас не охотились – Ульф разведаль, куда железные перегнали захваченный у земляных червей скот, и отбил его. Но, за исключением нескольких стычек с недобитыми железными, применить силу было негде. Хотели сжечь дом монахов, но Ульф сказал – что за радость нападать на презренных, которые даже не защищаются? К тому же у них нечего взять, кроме годовых запасов зерна, свезенного туда земляными, а это позорная добыча для Оборотня. Ульф хорошо разбирался в таких вещах, как и надлежит прирожденному вождю, и Тюгви радовался, глядя, как возрастает доверие Оборотней к волчьеголовому. И еще он сказал – подождите немного, я найду противника, достойного нас, и мы устроим славную травлю. Они согласились, потому что верили – он приведет их к славе.

Свои разведывательные рейды Ульф обычно совершал один, но на сей раз, когда он уже порядком удалился от лагеря, его догнал Хагано, и дальше они пошли вместе: волк и пес.

Ульф вроде бы все время шел впереди, но Хагано не всегда видел его перед собой. Иногда он каким-то образом оказывался рядом, а порой и вовсе пропадал из виду. Очень трудно было уследить за его движениями, а то и вовсе невозможно. Шли всю ночь, не останавливаясь. Если Ульф надеялся измотать своего спутника и заставить его отступить, то он просчитался – Оборотни не любят много ходить пешком без необходимости, но при желании могут. Впрочем, возможно, ничего подобного он не задумывал. Хагано хорошо ориентировался в лесу и, оставь его сейчас Ульф, легко нашел бы дорогу назад, но куда ведет его волчьеголовый и по каким признакам прокладывает путь, понятия не имел. Тот постоянно к чему-то прислушивался. Треугольные уши на его волчьей голове стояли торчком, и казалось, это и есть его настоящие уши, ловящие каждый шорох.

Путь им преградил глубокий сырой овраг. Ульф, не колеблясь, шагнул вниз. Хагано – за ним. Съезжая на спине по гниющим листьям, Хагано увидел, что небо над его головой посветлело. На другой стороне оврага стеной вставал лес. Вершины деревьев тянулись сколько хватал глаз. Неожиданно Хагано осознал то, что всегда было ему известно: они могут идти много дней, и вокруг будет один только лес.

- Глупо, что в Винхеде нет богатых усадеб, – произнес он вслух.
- Зато в Винхеде есть комес и его дружина, – откликнулся Ульф, стоявший на дне оврага.
- Но крепость – в другой стороне.
- Верно.
- Зачем же мы сюда идем?
- Увидишь.

Едва лишь Ульф смолк, как тишину разорвало карканье. Навстречу, хлопая крыльями, летел лоснящийся черный ворон. Обогнув вершину высокого вяза и, продолжая кричать, спустился на протянутую руку Ульфа. В ответ волчьеголовый хрипло выговорил какое-то короткое слово, похожее на «скоро», а может быть, Хагано так показалось, и подбросил птицу в воздух.

Вслед за этим он выбрался на другую сторону оврага, подошел к тому самому вязу и начал карабкаться вверх.

Хагано, несколько сбитый с толку разговором Ульфа с вороном, остался ждать на краю оврага. Ворон и волк, спутники смерти, вспомнил он. Из-за этого соображения его не волновало, что видит Ульф.

А Ульф видел, сдвинув для лучшего обзора свою волчью личину: по тайной тропе, удивившей через предгорья на юг, минуя главный тракт, двигались люди. Сейчас, в предрассветном полумраке, трудно было их сосчитать, но, похоже, там их было не меньше трех сотен – в десять раз больше, чем Оборотней. Все это были мужчины, экипированные не так хорошо, как железнобокие из Сламбеда, но достаточно достойно – в кожаных куртках, обшитых бронзовыми бляхами, или чешуйчатых панцирях, в круглых шлемах с гребнями, некоторые также имели накладные кольчужные капюшоны. Однако полная кольчуга была только у бородатого предводителя, а у его крупного солового коня – кольчужный нагрудник. Вооружены они были короткими утяжеленными мечами, круглые деревянные щиты, обшитые кожей, заброшены за спины. Почти все были верхами, тем не менее даже чуткое ухо Оборотня не услышало бы на таком расстоянии их продвижения.

Среди них было немало охотников, они знали тропы, и сейчас они уходили тайно, замотав тряпками копыта лошадей, уstraшенные дьявольским противником, ни разу не встретившись с ним в бою, из долины, которую присягнули держать.

Ульф мягко прыгнул с последней ветки, обернулся к Хагано.

– Комес с дружиной бегут.

– Так надо спешить к нашим! Еще успеем перехватить и ударить!

– Можно, конечно, – медленно начал Ульф, – поиграть с ними, поводить, запутать... Только зачем? Они не хотят боя, так пусть бегут.

Хагано ожидал, что Ульф добавит свою обычную присказку насчет радости и веселья, но тот смолк. Другое привлекло внимание Хагано: теперь Ульф говорил гладко и не запинаясь, как обычно, когда речь словно бы требовала от него мучительных усилий. И голос его звучал заметно выше.

– Где же достойный противник? – с издевкой спросил Хагано.

– Противник будет... – Ульф почти вызывающе отвернулся от Хагано.

– Уж не сотворишь ли ты его своим колдовством? – долго сдерживаемое раздражение рвалось наружу.

– Тебе не нравится мое колдовство? – продолжал Ульф все тем же ровным, высоким, незнакомым голосом. – Хотя бы потому, что из-за него ты не решаешься вынуть меч из ножен и воткнуть его мне в спину. А ведь именно для этого ты за мной и увязался.

– Что ты несешь? Или ты забыл, что я первым кричал твое избрание?

– Ты кричал за мое избрание, потому что сам хотел быть вожаком. Ты не мог убрать Тюгви, потому что привык почитать его, и соглашался ждать, тем паче что Тюгви стар и ждать пришлось бы недолго. Я – другое дело. Ты сообразил – пусть Тюгви уступит мне свое место, устранился от власти – тебе легко будет меня убрать.

– Ты умен, – выдохнул Хагано. – Не по-человечески умен... Чего тебе от нас надо, ты же не человек!

– Во мне больше человеческого, чем во всех вас! – Он обернулся, и лицо под оскаленной пастью опровергало его слова – темное, с гладкой, как камень, кожей, таким не бывает лицо человека.

– Поберегись, Ульф, какой ты ни есть вожак, я могу вынуть твое сердце!

– Я не Ульф. – Мгновенная вспышка угасла.

– Что?!

– Ульфа нет. Его кости давно растащили волки, *которые не были его братьями.*

В этот миг Хагано понял, почему таким странным казалось лицо Ульфа – оно вовсе не было нечеловеческим, оно было просто не мужским, и невероятным представлялось, как его вообще можно было принять за лицо мужчины. Но в мгновение следующее это лицо стало вытягиваться и заостряться, зарастать серой шерстью, а глаза явственно поменяли цвет.

Хагано, выхватывая меч, бросился на жуткую тварь, ибо мог быть кем угодно, но не трусом, и так и не узнал, что именно пронзило его горло – волчьи зубы или длинный охотничий нож.

На сей раз она заявила прямо в монастырь. Как она туда проникла – бог весть, отца Лиутпранда это не слишком интересовало. Важнее другое – раньше она хотя бы не совершала явного кощунства, теперь перешагнула и через этот запрет. Нарушив молитвенное уединение настоятеля в монастырской церкви. Он не стал кликать братию – почему-то это показалось ему таким же недостойным и непристойным деянием, как и ее приход. Но попытался говорить с ней сурово:

– Зачем ты пришла?

– Затем, что я не вижу снопа на крыше! – резко сказала она.

– К твоим безумным предприятиям...

Она не дала ему закончить, заговорила скоро и отрывисто:

– Комес с дружиной сбежали. Они сделали это тайно, никто еще не знает, Оборотни тоже, разведка у них из рук вон, но они узнают. Пора собирать людей. Только скажи им, чтоб ни в коем случае не вступали в ближний бой. Оружие необученных – стрелы, камни, бревна, а больше всего – огонь, все то, что Оборотни презирают...

– ...я не причастен! Ты слишком далеко заходишь, требуя, чтоб я предал ради тебя то, что проповедовал всю жизнь! Ты – мирянка и больше подвержена дьявольским искушениям. Но я – священник, слуга Господень, для меня путь зла и насилия, по которому так охотно идут люди, закрыт, а месть – приманка для слабодушных... Хотя я уже говорил тебе об этом.

– Месть. Я думала, что буду радоваться, когда перед гибелью открою уничижающую их тайну. Но когда я попробовала, то не почувствовала ничего. Ты прав, месть – пустое. Их нужно просто уничтожить.

– Неужели они все еще не сыты насилием?

– И не насытятся.

– Возможно ли это?

– Ты не знаешь их так, как знаю я. «Весь мир – для Оборотней!» – говорят они. Три десятка безумцев в глухом лесу... Впрочем, слыхала я – и от тебя же, – что апостолов вначале было даже меньше...

Отец Лиутпранд едва не онемел.

– Я не слушаю тебя! Еще одно кощунство – и я лишаю тебя своего пастырского благословения, и ты больше не моя духовная дочь!

– Мы после поговорим об этом. Но не забывай, что твой монастырь еще стоит, потому что я так хочу!

– На все воля Божья. А не твоя.

– Значит, тебе все равно, если монастырь падет? Верю. Ты перенесешь. Ты сильный. Но другие-то, слабые? Для них твой монастырь – последняя надежда! И вселил эту надежду в них ты! Захочешь ты ее у них отнять? Ведь они впадут в отчаяние и убедятся, что твои слова – ложь. Нет, не верю я, что ты этого захочешь. И тогда ты меня позовешь!

Что-то в ее голосе не понравилось отцу Лиутпранду. Он прозвучал резко и хрипло, и в нем словно бы перекачивалось эхо рычания – голос совсем другого человека. И уж точно не женщины. Но он сдержал слова порицания, чувствуя, что угрозы на нее действуют скорее в обратном смысле.

– Наше различие в том, что я хочу помочь крестьянам, а ты – уничтожить Оборотней.

– Не вижу различия. Разве уничтожение не есть помощь?

– Да. В данном случае. Но ты поступила бы так, даже если бы, кроме тебя и них, в окрестностях не осталось бы ни одного человека.

Она промолчала. Отец Лиутпранд продолжал:

– А известно: «Кто ненавидит брата, тот пребывает в смерти...»

– Братьев, – сказала она.

– Апостол рек: «брата...»

Дейна подняла на него взгляд. Ее серые глаза казались бесцветными.

– Самое трудное и самое тяжкое – то, что мне легко и просто быть Ульфом...

– Это языческая привычка – изъясняться загадками!

Она, похоже, не слушала.

– Если бы Тюгви вздумал испытывать меня на оружии, то я бы наверняка проиграла. Но он решил испытать меня в том, в чем считал себя сильнее, – в магии. И проиграл. Кто знает, в чем его сила?

– Кто знает, в чем его слабость? Много есть описаний искушений, испытанных великими отцами, но такого, какому подвергаешь меня ты, я не встречал. Если бы ты была из тех женщин, что искушают монахов плотской любовью, мирскими удовольствиями, властью, богатством, я бы посмеялся над тобой и пожалел тебя, убогую. Но ты нашла слабое место – помощь, сострадание к слабым, духовное отцовство...

– Хорошо же! Тебе не по сердцу, что я здесь. Я ухожу. И больше не приду без зова. Но может случиться так, что ты просто не успеешь позвать...

Последние слова Дейны отец Лиутпранд склонен был трактовать однозначно – она перестанет сдерживать Оборотней, и те обрушатся на монастырь. Но произошло по-другому. Возможно, это тоже входило в ее планы. В обитель явились не Оборотни, а деревенские старшины – те, кто остался в живых. Они были невежественны, они были напуганы, они были косноязычны. Ему пришлось приложить много сил, дабы понять, что они хотят. А хотели они – ни больше ни меньше – чтоб он повел их на Оборотней. Терпение исчерпалось. Все. При комесе и железных тоже было тяжело, но те хоть были люди, с ними можно было сговориться, от них можно было откупиться... С Оборотнями сговориться нельзя. Или ты от них убегаешь, или они тебя убивают. А теперь, сказывают, и комес удрал. Сами не видели, но люди говорят. А нам от хозяйства бежать некуда. Короче, они были готовы. Но они не привыкли сами принимать решений. Им нужен был вождь, тот-кто-отдает-приказы. Спорить с ними, так же, как и с Дейной, было невозможно. Но по-иному. Они покорно выслушивали доводы пресвитера, после чего повторяли все то же самое, и продолжаться это могло сколь угодно долго. После нескольких часов бесплодных прений он оставил их, сказав, что должен пойти помолиться и спросить совета у Господа. У входа в церковь отец Лиутпранд оглянулся. Они уселись на землю с тем же покорным видом, готовые ждать, сколько понадобится.

Отец Лиутпранд знал, как страшны могут быть такие покорные люди.

Он был один в темной церкви, на коленях перед алтарем. Сказав крестьянам, что собирается молиться, он поступил так не ради отсрочки. Молитва, единение с собственной душой, размышления были ему необходимы. «На все воля Божья», – говорил он недавно Дейне. Отец Лиутпранд был не столь наивен и самонадеян, чтобы ожидать знамения свыше. Воля Божья может проявиться неявно. Возможно, она уже выражена, а он, в слепоте своей и ограниченности, ее не видит. Посему ему нужна была ясность духа. Нужна молитва.

Как прекрасно все было предуказано Провидением. Священник молится, крестьянин пашет, воин защищает их обоих. Если хоть один откажется от своего предназначения, гармония рухнет. Это же так ясно! Но люди, люди... И вот – они сбежали. И те, кто призвал Оборотней в долину, и те, из-за кого их призвали. А Оборотни остались. И нет защиты у слабого. И вся надежда на веру. У Оборотней веры нет. Только безумие и сила. Страшно сие сочетание! Но Бог есть любовь, а боящийся не совершенен в любви... Незаметно для себя отец Лиутпранд перешел к близким ему категориям Писания. Но Бог также ревнитель, грозный судия,

крепость моя и слава моя, муж брани, Иегова имя ему... Услышали народы и трепещут, ужас объял жителей филистимских...

Он поднял глаза на темное грубое распятие. Разве не Он, Пастырь Добрый, сказал: «Огонь пришел Я низвести на землю»?

Огонь.

Может быть, в этом и есть решение.

Он поднялся с колен.

Завидев его, крестьяне тоже поднялись на ноги. Он помолчал. Набрал воздуха в легкие... Внезапно у него возникло ощущение, будто его настойчиво приглашают сесть за шахматную доску... а игра – большой грех.

– Эти мужи крови, губящие вас, отринули Бога любви, так пусть узнают, что есть Господь сил, Господь воинств, Бог мстящий. Да устрашатся смоляного костра!

Взглянул на крышу церкви. Потом на окруживших его крестьян. Они явно ничего не поняли. Тогда отец Лиутпранд просто сказал:

– Готовьтесь.

Теперь вся долина принадлежала им. И можно было уходить дальше, на поиски новых врагов и новой славы. Но Ульф говорил другое:

– Рано. Есть еще комес и его дружина. Разочтемся с ними.

Ему возражали:

– Они отсиживаются за стенами, и победить их – не к чести.

– Но если мы уйдем, они станут похваляться на весь свет, что победили Оборотней и прогнали их. Это к чести?

– Эти трусы, которые не смеют даже зубы оскалить в нашу сторону, не то что зарычать?

– Верно. Не смеют. И в открытое поле не выйдут никогда.

– Что же ты, выманишь их оттуда?

Они знали – он может. Доверие Оборотней к Ульфу теперь было безгранично, хоть они и спорили с ним – ведь Ульф все же не был старшим. Старшим оставался Тюгви. Но тот соглашался со всем, что говорил волчьеголовый. Ульф был в какой-то мере его порождением. Все Оборотни умели вызывать зверя, но только на зов Тюгви зверь явился воочию и во плоти. И Тюгви был этим горд и счастлив, как воплощению веры в дар Оборотней, так и доказательству собственной силы. Это связывает сильнее, чем простое ученичество, как с Хагано. И больше, чем родство по крови. Ульф был ему братом и сыном одновременно.

Хагано ему теперь не мешал. Либо перемирие наскучило ему, либо зависть вконец обуяла, однако он куда-то подевался. Никто его не искал.

– Нет, – отвечал Ульф. – Мы возьмем крепость. Наступает осень, зимой перевалы закроются. Зачем уходить из долины? В крепости много оружия. И если мы утвердимся там, то объявим Тюгви королем и завоюем ему королевство. Нет, не эту долину, она и так наша. Мы пойдем дальше, и с нами пойдут звери битвы – волки и вороны. Весь мир для Оборотней!

И от этих слов горячая кровь быстрее бежала по венам, словно от пряного заморского вина или доброго поединка. Такой косноязычный вначале, Ульф умел говорить лучше скальдов, лучше одержимых богами, лучше даже, чем старший. Но старшему отныне и не нужно говорить. Иная слава ожидает его. Король и его военный предводитель!

– Кроме того, – говорил Ульф, когда они еще ловили отблески этой будущей славы, – мы еще не брали крепостей. Нас ждет новое веселье.

– А ворота?

– Ворота я открою.

В сумерки, волчий час, они подобрались к подножию холма, на котором располагалась крепость Винхеда. Ульф с ними не было. Все знали, что он появится в нужное время.

По склону холма тянулась довольно широкая, плотно утоптанная дорога, упираясь в массивные ворота. Они были деревянные, как и стены крепости, сложенные из тяжелых, вековых бревен. Палисад имел неправильную четырехугольную форму со сторожевыми вышками по углам. В них, отбрасывая дрожащие желтые и багровые отсветы, пылали огни стражей, ибо смеркалось теперь все раньше, а ночи становились все темнее. Через равномерные промежутки времени стражники невнятно перекликались.

Внезапно послышался топот, тупой и частый. Топот, сопровождаемый громоуханием. Он приближался.

Из лесу вылетела повозка. Нет, не повозка. Два могучих коня, вероятно, принадлежавшие ранее железным, влекли за собой примитивное стенобитное орудие – тяжелый дубовый ствол, водруженный на остов повозки из обоза сламбедцев. А на бревне, вцепившись в поводья, стоял Ульф. По мере приближения стало видно, что хлыста или чего-либо подобного у него нет, а самое странное – лошадей он гнал молча, словно они не нуждались в окриках. Такой таран, что он соорудил, могли бы сделать и сами Оборотни и ударить им по воротам, но нрав Ульфа толкал его делать все самолично, как любого Оборотня, всегда ищущего в бою поединка один на один. И это зрелище – безмолвный наездник, огромные, сильные кони, будто обезумев, несущиеся на ворота, грохот и треск – наполнило сердца Оборотней воодушевлением боя, объединило их всех воедино, выпустило зверя. Когда Ульф промчался мимо, Тюгви хрипло завыл, и Оборотни ринулись вслед. Никому даже в голову не пришло, как Ульф может ударить по воротам, если таран находится позади лошадей.

Но сам-то Ульф, несомненно, об этом подумал. Неизвестно, видел ли он и понимал все происходящие, или действовал бессознательно, в трансе, как Оборотни, однако лошадей он гнал так, что это уже представлялось невозможным, а когда до ворот оставалось всего ничего, полоснул ножом по упряжи. Кони, повинаясь инстинкту либо безмолвному приказу возницы, шарахнулись в стороны. Взятый разгон был так силен, что повозка продолжала нестись вперед, а Ульф все еще стоял на таране и лишь в нескольких шагах от ворот спрыгнул на землю. Кажется, все произошло почти мгновенно, и было почти неразличимо – жуткое конское ржание, тяжелый грохот, треск, одиночные выстрелы с башен, на которые никто не обращал внимания, и стрелы шли мимо цели... Таран пробил ворота, и Оборотни, воя, ударили по пролому. Еще через несколько мгновений они ворвались в крепость.

И тут же на них хлынул дождь огненный и каменный. Крестьяне, засевшие наверху, в сторожевых башнях, обрушили на них заранее заготовленные бочки с горячей смолой. Двор крепости был основательно устлан хворостом, соломой. Сюда же свезли имеющуюся в наличии пеньку. Все это сразу же занялось. Те же, кто оставался за стенами, тоже не сидели сложа руки. Вылезши из вырытых ям, замаскированных дерном и соломой, они вновь затворили ворота. Если кому-то из Оборотней удавалось прорваться наружу, в него стреляли из луков, забивали дубьем. Отец Лиутпранд, подоткнув рясу, бегал среди них, отдавая распоряжения. Хотя план был придуман Дейной, все подробности разработал он сам. Ему удалось повернуть суеверную убежденность крестьян, что Оборотней не берет железо, против самих же Оборотней. Невольно сыграли на руку и сламбедцы, задавив одного из Оборотней деревянными щитами, чему было немало свидетелей. Вооруженные огнем, кремневыми стрелами и дубинами крестьяне не боялись ничего. Их темная ярость была много страшнее священного безумия Оборотней.

Теперь, когда пожар пожирал крепость изнутри, те, кто были на вышках, начали спускаться вниз по веревкам. Стены уже были обложены вязанками хвороста. Их подпалили с неким упоением. Выбраться явно успели не все, но о них не думали. Главное было – покончить с Оборотнями. Была поздняя ночь, и, осеняя во тьме холм и лес вокруг, питаемый огнем

и дымом столб поднялся к небу. К небу же отец Лиутпранд воздел запачканные смолой, ободранные, обожженные руки.

– Не отлучался столп облачный днем, и столп огненный ночью от лица народа! – прокричал он. И внезапно словно раскаленная игла пронзила его сердце. Дейна! Ее нигде не было видно. Если она не успела оторваться от Оборотней, никакое «человеческое умение» ей уже не поможет.

Согнувшись, он заковылял вдоль пылающей стены. Навстречу ему как будто из-под земли выросла фигура в звериной шкуре. Темное лицо озаряли языки пламени, а над ним скалилась волчья пасть.

– Хвала Господу! – Он едва слышал собственный голос сквозь треск огня и грохот рушащихся бревен. – Ты здесь! А я уж было подумал, что ты осталась с ними... и огонь уже не погасить.

Она смотрела поверх его головы в черный купол небес, куда улетали искры.

– Да... – продолжал отец Лиутпранд, – это было страшно... но их больше нет... долина избавлена от Оборотней...

– Ты уверен? – Ее хриплый голос звучал совершенно отчетливо.

Он оглянулся, решив, что кто-то из Оборотней сумел спастись от расправы и Дейна его увидела. Хотя сейчас, во мраке и сполохах огня, трудно было кого-либо узнать.

– Я ходила с ним в бой... и убивала в бою... и мне это было легко... Я притворилась, что стала как они... и стала как они... Нельзя надевать волчью шкуру безнаказанно. И я буду страшнее их... потому что у меня есть моя сила и власть, какой у них не было... Их нет. Я есть... но мертвые и предавшие связаны клятвой...

Она рывком опустила маску на лицо, и сквозь прорези на отца Лиутпранда явственно глянули желтые волчьи глаза. В отчаянии он закрыл лицо руками, а когда нашел в себе силы отвести их, то перед ним уже никого не было. Только стена огня.

Больше отец Лиутпранд никогда не видел Дейну, а дожил он до весьма преклонных лет. Но, когда впоследствии он рассказывал ее историю своей пастве поучения ради, он уверял прихожан, что Дейна вовсе не погибла в огне, а исчезла, став невидимой. По счастью, церковным иерархам в те годы было не до бредней старого монаха в лесной глуши, и он не поплатился за свои измышления.

В долину, успевшую не раз сменить имя, с тех пор приходило множество других завоевателей, но среди них больше никогда не было Оборотней.

На месте сгоревшей крепости построили женский монастырь. Но кто его основал, неизвестно.

2. Кошки – мышки

Она появилась у нас, когда волны мятежа, затопившего государство, схлынули и пошли на убыль. Это было время темное и мрачное, наставшее взамен времени страшному и буйному. Толпы людей из разоренных городов и деревень скитались по дорогам и умирали на обочинах, а на местах, где некогда стояли процветающие монастыри, еще не заросли пепелища. Но наша обитель – древняя обитель, и неизвестно, кто основал ее в этой долине, – уцелела, хотя общие для всей страны невзгоды не обошли ее стороной. И многие сестры забыли свой долг, совлеченные с пути спасения всеобщим же примером порока и буйства, чаще же голодом. Вот тогда она и пришла к нам, босая, исхудавшая, с запавшими глазами и обветренным лицом, в ветхой одежде, подпоясанной простой веревкой. Впрочем, все мы тогда были таковы, даже те, кто никогда не покидал пределов монастыря. И она рассказала о себе, что с детства жила при женском бенедиктинском монастыре в Эйлерте, там же и приняла постриг под именем сестры Схоластики, потом была отослана как наставница и чтица королевы в часовню при летней резиденции, а когда столица была захвачена мятежниками, бежала и долго скиталась, укрываясь в безлюдных местах, а теперь ищет пристанища в какой-нибудь обители. И когда мать-настоятельница спросила ее, какой работе она обучена, та отвечала, что сизмальства привыкла работать в саду. И ее приняли к нам. Так прошло некоторое время, и, хотя изобилия попрежнему не было, жизнь стала спокойнее. И мы перестали с ужасом прислушиваться к вою ветра, ожидая услышать в нем топот копыт или конское ржание. Сестра Схоластика прижилась у нас. Пусть ей и приходилось проводить больше времени за работой, чем в церкви. Потому что в те годы постриг принимали только старые, больные и увечные, и у сестры Схоластики, которая была сильной и крепкой, обязанностей было предостаточно. Но она не роптала, как и следует хорошей инокине. В те годы обители не по средствам было содержать крепостных, поэтому сестра Схоластика собственноручно копала и рыхлила землю и выполняла иные тяжелые работы, содержа в порядке сад и огород. Сверх того, подменяла в случае надобности тех, кто трудился на кухне и в пекарне, а также собирала целебные травы, коими пользовали больных в лазарете. Надобно сказать, что обитель наша была заложена в те времена, когда люди были искренне привержены Богу, и рассчитана на большое количество сестер, а сейчас их обреталось здесь чуть ли не втрое меньше, чем первоначально. Мать-настоятельница, уже в летах и немощная плотью, но бодрая духом, разместила сестер в правом крыле монастыря, а в освободившейся центральной части устроила лечебницу для больных и убогих. Левое крыло полностью пустовало, и настоятельница приказала накрепко забить досками вход на ту половину. Это было сразу после мятежа, когда больных и калек в округе имелось более, чем обычно. Но с течением времени все успокоилось, и бывало, что лечебница пустовала целыми неделями. Так было до тех пор, пока у нас не появился судья Регимбальд. Он отличился в рыцарском ополчении при подавлении мятежа на севере, а теперь его прислали наводить порядок в наши края. Вместе со свитой он охотился неподалеку от нашего монастыря. При переправе через реку его конь поскользнулся. Регимбальд упал на камни и сильно расшибся. Иначе как бы такой богатый и знатный человек оказался в лечебнице для бедных при женском монастыре? Но у него были сломаны ребра, он обливался кровью, и его нельзя было везти далеко. Ни на одной из окрестных ферм никто бы не сумел оказать правильную помощь, и, кроме того, как нам объяснили, у Регимбальда было слишком много врагов, которые не преминули бы воспользоваться его беспомощным состоянием, и он предпочитал укрыться за прочными стенами. Мать-настоятельница была весьма обеспокоена. Уже давно ни один мужчина не появлялся у нас, за исключением нашего дряхлого духовника отца Бодуэна и некоторых бедных калек, опекаемых милосердия ради. И, конечно, появление судьи, да еще с охраной, грубо нарушало устав. Но настоятельница, как добрая самаритянка, не могла отказать страждущему, и к тому же в это

смутное время монастырь во многом зависел от власти Регимбальда. Он был, если память не изменяет, человеком в возрасте, весьма полнокровным и обильным телом, с лицом багровым и широким, украшенным круглой густой бородой. Его раны следовало обмыть и перевязать, но он так страшно бранился и богохульствовал, что даже тем из нас, кто привык слышать крики и стоны больных, делалось не по себе. Тогда мать-настоятельница велела позвать за сестрой Схоластикой. Пошли за сестрой Схоластикой и нашли ее, как всегда, в саду, подвязывающей ветки (а дело было осенью). Вместе с сестрой Схоластикой мать-настоятельница приготовила целебный отвар, который должен был успокоить страдальца, и направились к нему в келью. Но раненый не захотел пить. Страшными словами поносил он монахинь, и не только тех, кто стоял у его одра, но монахинь вообще, говоря о них такие вещи, что здесь невозможно повторить, и не было такой хулы, которой бы он на них не возвел. И говорил также, что в монастыре плетут вредоносный заговор и злоумышляют на его жизнь. Мать-настоятельница была в полной растерянности и не знала, что и предпринять. Тогда сестра Схоластика, безмолвно стоявшая в темном углу кельи, тихими стопами приблизилась к постели и, взяв чашу с настоем, сделала из нее большой глоток. Удостоверившись, что его не окормят здесь ядом, Регимбальд принял чашу и выпил ее содержимое. Мать-настоятельница взглянула на сестру Схоластику с благодарностью. Когда отвар оказал свое действие, Регимбальд, утихнув, позволил себя перевязать. Когда же судья уснул, мать-настоятельница отпустила сестру Схоластику и призвала другую сестру, почтенную возрастом, чтобы блюсти сон болящего. Самой же матери-настоятельнице, в силу сана своего обязанной заботиться о многом, предстояло решить непосильную задачу. Сказать по правде, в те времена монастырь наш и на раздачу нищим хлеба едва наскребал, а теперь предстояло содержать еще и охрану Регимбальда. И, осмотрев кладовые, мать-настоятельница поняла, что объедят они нас, подобно библейской саранче, и введут в полное разорение, и порешила просить Регимбальда отослать хотя бы часть своих людей. Утром она предстала перед судьей. Регимбальд чувствовал себя лучше и потому пребывал в добром расположении духа. На просьбу настоятельницы он отвечал, что решил оставить себе пять человек охраны – часовые, сменяясь по мере надобности, должны были стоять у ворот монастыря, а также у входа в лечебницу. То есть поначалу Регимбальд решил поставить охрану у всех выходов, но мать-настоятельница заверила его, что со стороны жилых келий пройти невозможно, а вход на левую половину забит. Вызванный Регимбальдом охранник удостоверился, что так оно и есть, и потому Регимбальд ограничился стражей у тех дверей, что вели в лечебницу со двора.

– И не гневайся на то, что я говорил тебе вчера, – добавил он. – На дух я вашу сестру не выношу. Ничего я к тебе не имею, только все вы, монашки, гадины ядовитые.

– За что ж такая немилость? – спросила настоятельница.

– Значит, есть причина. Или вы здесь, в глуши, про большой мятеж не слышали?

– Как не слышать!

– Значит, мало слышали, потому что все кругом говорили, что в северных краях, где мне пришлось порядком потрудиться, заправляла женщина по прозвищу Монашка. Под началом у нее было до трех тысяч головорезов, и она вела и направляла их своими советами, коварными и злоехидными. Подлинного имени ее так и не дознались, известно только, что она и в самом деле носила монашескую одежду.

– Конечно же, она лишь выдавала себя за монашку, но не была ею! – воскликнула настоятельница. – Господь не допустил бы такого духовного извращения.

– Была или не была, мне безразлично. Говорю, что слышал от многих.

– И... что с ней сделали?

– Сгинула она без следа, когда рыцарское ополчение громило шайки мятежников. Должно быть, получила свое... – Тут судья Регимбальд снова с чувством выругался и сплюнул.

Днем солдаты Регимбальда ушли, а назавтра раны его вновь воспалились, и дурной нрав судьи опять показал себя. Он призвал настоятельницу и долго допрашивал ее, много ли монахинь в обители и сколько среди них молодых. Настоятельница, собравшись с духом, отвечала, что монахинь здесь ровным счетом двадцать семь, и большинство из них живет в обители сызмальства, и поелику люди нынче утеряли благочестие и не обручают дочерей Христу, молодых среди них почти что нет, а все, кто есть, имеют разные телесные недуги и калечества, а ему, Регимбальду, на одре болезни лучше бы оставить грешные мысли...

– Не твое дело, старая ведьма, – перебил ее Регимбальд, – сам знаю, что творю... – Тут кровь прилила ему к голове, и стало ему дурно, и пришлось вновь прибегнуть к помощи целебных трав.

Так прошло еще несколько дней, и здоровье Регимбальда не улучшалось, весь он опух, и на его как бы пораженном водянкою теле появлялись новые язвы, старые же не заживали. Настоятельница пришла к выводу, что из-за дурно, как она сразу заметила, наложенных после падения повязок раны не уберегли от грязи, и теперь Регимбальда терзает антонов огонь. Но сам Регимбальд считал иначе. Изредка ему удавалось забыться сном, но большую часть времени он, изводимый болями, пребывал в бодрствовании и постоянно повторял, что его извели злым колдовством. Тщетно заверяла его мать-настоятельница, что входы и выходы тщательно охраняются, что лекарства и травы она сама пробует, прежде чем пускать их в дело, а вера в колдовство есть не что иное, как суеверие. Регимбальд и сам подтвердил, что кроме матери-настоятельницы и той умудренной летами почтенной сестры, что приходила ее сменить, в келью никто не заходит, но злые чары, вскричал он, замков и преград не боятся. И, противореча себе, приказал поставить еще часового у входа в жилые кельи. Со стесненным сердцем настоятельница подчинилась ему. Хотя она не была суеверна, но слова о том, что в ее обители творится злое, запали ей в душу, и в самой церкви, когда слаженный хор монахинь сменял дрожащий голос отца Бодуэна, ей на ум приходило вдруг, что в своих просторных одеяниях и в покрывалах, спущенных на лицо, сестры покажутся чужому глазу вовсе неотличимыми... Добавочная охрана не принесла облегчения Регимбальду. Но помраченное болями сознание его все еще бодрствовало. И в одну из минут, когда приступы оставляли его, он приказал послать за матерью-настоятельницей и спросил ее, обучена ли она грамоте, и она отвечала, что обучена.

– Своего писца я, по твоему совету, отослал, – сказал Регимбальд, – так что ты послужишь мне писцом. Пусть принесут чернила, перо и пергамент, и ты напишешь то, что я продиктую, и горе тебе, если ты посмеешь изменить в моем письме хотя бы слово! Клянись именем Христовым!

Сам Регимбальд, как большинство благородных людей, грамоты не знал, для того в его звании имелись писцы и секретари. И, когда принесли все требуемое, он продиктовал послание к правителю нашего края. И говорилось там, что монахини нашей обители – убийцы и пособницы мятежников и травят его, Регимбальда, либо ядом, либо колдовством, либо и тем, и другим – короче, весь бред, которым донимал он настоятельницу, решил довести он до высокого слуха правителя. Но затем он требовал, дабы в обитель прислали солдат, которые бы учинили обыск в ее стенах, а помимо того, привезли орудия пыток, и буде потребно, пытать монахинь огнем, водой и раскаленным железом, покуда те не сознаются во всем, особенно кто подтолкнул их к злодеяниям и каковы их связи с северными бунтовщиками. И, хотя рука настоятельницы дрожала, она ничего не посмела изменить в ужасном письме, ибо поклялась великою клятвой. И, окончив диктовать, Регимбальд потребовал, чтобы мать-настоятельница прочла написанное, и, убедившись, что все написано в точности, как он того желал, приказал позвать одного из своих людей и велел ему взять письмо и запечатать в его присутствии, сняв с руки Регимбальда перстень с печаткой. Так и было сделано, а затем Регимбальд велел ему немедленно скакать к правителю.

– Поспешай, мерзавец! – сказал он. – Я крепок телом, и, Бог даст, еще можно успеть...

Все это время мать-настоятельница, ломая в отчаянии руки, ходила по коридору лечебницы. Сама она не боялась мучений, но мысль о том, что ожидает монастырь, повергала ее в ужас. И, пока она молилась, уповая единственно на милосердие Господне, примерещилось ей, что в коридоре мелькнул краешек монашеского одеяния. Побуждаемая неясным чувством, она подбежала к келье Регимбальда и заглянула внутрь. Больной лежал как бы в сонном забытии, скрестив руки поверх одеяла. Мать-настоятельница в задумчивости замерла у входа, и тут снова, как в бесовской игре воображения, послышались ей шаги. Не медля ни минуты, бросилась она в ту сторону, куда, мнилось ей, направлялся неведомый пришлец, – и оказалась прямо перед заколоченной дверью. Переведя дыхание, она попыталась отломать доску, держащую дверь, но тщетно – доски были прибиты прочно.

Наутро началась у Регимбальда неудержимая кровавая рвота, и продолжалось это около двух суток. Все указанное время, терзаемая мыслию о том, что одной ей было известно, мать-настоятельница так и не решилась смутить покой сестер известием о предстоящих им крестных муках. Но вечером второго дня велела одной монахине кликнуть к ней сестру Схоластику. Та со смущением ответила, что названную сестру никто со вчерашнего дня не видел, а поскольку сестра Схоластика часто бывает с утра до вечера занята по хозяйству, никто этим особо не обеспокоился, но, если матери-настоятельнице угодно, они поищут хорошенько... Слабым движением руки настоятельница отпустила сестру.

Ночью обитель огласилась ужасным воплем, и вбежавшие монахини и солдаты застали Регимбальда уже бездыханным, а его искаженное последними конвульсиями лицо было таким, что у всех невольно стеснились сердца. Мать-настоятельница одна сохранила присутствие духа. Она приказала послать за отцом Бодуэном, а сестрам велела отдать усопшему последний долг. Обмытое и облаченное в смертные одежды тело Регимбальда было перенесено в церковь, и так в хлопотах завершилась ночь. За видимой твердостью настоятельница пыталась укрыть безнадежность ожидания. Смерть Регимбальда страшным образом подтвердила его подозрения, и матери-настоятельнице хотелось, чтоб уж скорее прибыли вызванные покойным солдаты и все бы разрешилось. И с наступлением утра она уже готова была встретить у врат конную стражу и телеги с орудиями пыталыщиков. Но никого не было, а подойдя к окну, она увидела сестру Схоластику, как ни в чем не бывало вскапывающую грядки.

Заутра жизнь в обители двинулась своим порядком. Службы совершались как положено, сестры, занятые по хозяйству, трудились в чистоте совести, а охранники, пусть и торчали по своим местам, вели себя тихо. И этот-то порядок и поверг мать-настоятельница в полную растерянность. Она чувствовала, что происходит нечто, чего она не может понять. И она не в силах была успокоиться, все время помня об угрозе, продолжавшей висеть над обителью. Когда настала пора отходить ко сну, она наконец приняла решение. Тем паче что после смерти Регимбальда охранники остались только у ворот и входа со двора, пост в переходе от жилых келий в лечебницу был покинут. Взяв свечу, она незаметно прошла в пустую лечебницу. Обошла ее, хотя никого не предполагала здесь найти. В лечебнице имелся маленький чулан, где были сложены разные ремесленные орудия, коими сестры пользовались вынужденно из-за нехватки рабочих рук. Осветив его свечкой, мать-настоятельница отыскала то, что хотела, – небольшой железный лом, который был ей по силам. И, вооружившись им, мать-настоятельница подошла к забитой двери на заброшенную половину. Она поставила свечу на пол и стала подламывать доски, оборонявшие дверь. По прошествии некоторого времени это ей удалось. Дверь запиралась не на замок, а на засов. Напрягши все силы, мать-настоятельница с трудом отодвинула заржавленную щеколду, и дверь с тяжким скрипом приоткрылась. Мать-настоятельница подняла свечу и, сжимая ломик в правой руке, ступила через порог. Не успела она сделать и нескольких шагов, как сильный сквозняк загасил колеблющийся огонек ее свечи. Мать-настоятельница остановилась. Благоразумие звало ее назад, в известные пределы. Но настоя-

тельница препоручила себя высшим силам и мысленно попыталась восстановить в памяти обустройство левого крыла, кое успела изучить в те времена, когда оно было обитаемо, и, чуя, что это ей удастся, решила продолжать дальнейший путь во тьме. Она бросила бесполезную свечу и пошла, касаясь стены свободной рукой. В темноте, когда зрение не могло ей служить, слух ее необычайно обострился. И внезапно почудились ей шаги. Сжав лом в кулаке и простирая руку перед собой, она устремилась в ту сторону, откуда они слышались... И снова drobный топоток, сопровождаемый мерзким писком, от которого сжалось сердце даже такой бесстрашной женщины, как мать-настоятельница, смутил ее слух. Несколько минут она помедлила, уверяя себя, что малый народец не осквернит своим присутствием освященную землю, но запустелое крыло монастыря стало обиталищем мышей и крыс. Тут опять раздались шаги, совсем рядом. И принадлежали они, несомненно, человеку. Мать-настоятельница направилась вслед. И снова тишина. Так продолжалось неопределенное время. Шаги то возникали, то вновь пропадали. Мать-настоятельница продолжала свое преследование, оказываясь то в ветвящихся переходах, то в пустующих кельях, и, кружа по всему помещению, уже совсем потеряла представление о планировке здания, которое тщила представить по памяти. Она брела наугад, вытянув перед собой руку, и хорошо, что она делала так, потому что настало мгновение, когда рука ее уперлась в стену. Мать-настоятельница оказалась в тупике и к тому же никак не могла вспомнить, где находится. Оставалось одно – ощупью искать дорогу назад. Повернувшись, она уже готова была к этому последнему, когда рядом, совсем рядом послышался тихий смех, лишенный, однако, всякого злорадства. И мать-настоятельница вновь побрела на звук, и вскоре ей почудилось, что стало светлее. Она оказалась в большом помещении, служившем в былые времена общей спальней для послушниц, теперь же, как и все здесь, лишенном всякого убранства. В слуховом окне под самой крышей была видна луна. Под окном, у стены, прислонившись к ней, стояла сестра Схоластика, и бледный лунный свет ложился к ее ногам.

Настоятельница почувствовала себя очень старой и очень усталой и что лом в ее руке – очень тяжел.

– Хватит играть в кошки-мышки, – сказала сестра Схоластика. – Я могла бы и дальше водить тебя, но согласна играть, только когда могу быть кошкой.

Мать-настоятельница ничего не ответила.

– Ты ждешь солдат правителя? – продолжала сестра Схоластика. – Их не будет. Сюда придут лишь для того, чтобы забрать покойника и снять охрану.

– Ты выкрала письмо?

– Подменила. Это вернее.

– А... печать?

– То ли еще делать приходилось... – Медленная усмешка появилась на ее выбеленном луной лице.

– Скажи мне, – тихо попросила мать-настоятельница, – отсюда есть потайной ход в лечебницу?

– Да, и не один. Я все здесь обследовала за эти годы. А теперь ты скажи – когда ты заподозрила?

– С самого начала я чувствовала – что-то не так в твоей истории. Я знала, что ты не лжешь – ведь можно было разузнать, была ли в эйлертском монастыре сестра Схоластика и что с нею случилось после. Но ты не договаривала. Если ты была в своей прежней обители простой огородницей, почему именно тебя выбрали, чтобы послать к королеве? Значит, у тебя были знания, кои ты хотела скрыть. Тогда я не стала задумываться над этим, но потом... только ты и я обладаем достаточными познаниями, чтобы изготовить яд и заменить им лекарство. Я этого не делала, следовательно...

– Логично, – сказала сестра Схоластика. – Итак, ты давно догадывалась и все же не выдала меня. Почему?

- Я не была уверена и хотела знать точно.
- Теперь ты знаешь точно... а мне пора уходить.
- Нет.

Сестра Схоластика сделала шаг вперед, башней возвышаясь над маленькой и сухонькой настоятельницей.

- Я уйду... и не надо кричать. Думаю, отсюда все равно не слышно, но... лучше не надо. У матери-настоятельницы перехватило дыхание.

– Ты достаточно умна, святая мать, чтобы понять – мне теперь все равно, грехом меньше или больше.

- Я все еще не знаю точно, – произнесла мать-настоятельница.

Сестра Схоластика поглядела на нее, склонив голову набок.

- Я знаю кто, – продолжала мать-настоятельница, – и знаю как, но еще знаю, для чего.

– Ты хочешь объяснений? Хорошо. Я расскажу... а ты не будешь мешать мне уйти. Пожалуй, так будет правильнее.

Сызмальства я была подвержена только одному искушению – искушению знанием. Может быть, останься я в Эйлерте, мне удалось бы справиться с ним. Но тамошняя приоресса послала меня в резиденцию, надеясь, что я стану там ее глазами и ушами. И я долго приглядывалась и прислушивалась, но не для нее, а для себя самой. Я наблюдала за теми, кому принадлежала верховная власть, и Боже всемилостивый, до чего они были ничтожны со своей жестокостью, своим развратом, жадностью и полнейшей неспособностью к разумным решениям! И они стали мне противны, и я захотела их гибели и, когда начался мятеж, перебежала к бунтовщикам. Они также были жестоки и беспощадны, темные дикие люди, невинные в своей жестокости, как малые дети, и, как дети, способные только разрушать. Я могла быть довольна. Я познала мудрость власти и мудрость бунта. И я захотела мудрости покоя. Я приказала себе все забыть. И стала копаться в земле. И поначалу все шло хорошо. Но... Можно забыть все, что знаешь, однако меченый – на всю жизнь меченый.

- Ты не выдержала нового искушения?

– Искушения... Я не уверена, что это было искушением. Склонна даже предположить, что Провидение, в неизреченной благодати своей, не зря уберегло мою грешную плоть от расправы. Все, кого я знала, погибли, и погибли страшной смертью. Они были сожжены огнем, посажены на кол, колесованы, и по дорогам нельзя было пройти из-за смрада мертвых тел, ибо даже в погребении было им отказано. Так было, святая мать, так было. И сделал это он, Регимбальд. Разве мог он благоденствовать дальше, когда жизнь его была в моих руках? Но он боялся и тоже стал подозревать. Дальнейшее тебе известно... Я вынуждена была задержаться, переписывая письмо, а потом мне нужно было перехватить гонца, а пешком это не так-то просто сделать, хорошо, что мне известны все окрестные тропы. Обстоятельства мне благоприятствовали. Этот пьяница засел на ночь в корчме, и я без труда добралась до седельной сумки. Я только опасалась, что опоздаю, и все кончится без меня. Но я успела.

- Что же ты написала в том письме?

– То, чему там следовало быть. Что он тяжело занедужил, и даже милосердное попечение добрых монахинь вряд ли отсрочит кончину. Просит позаботиться о подобающем погребении... Хотела было отписать все имение его в пользу обители, да спохватилась – в таких делах надобно знать меру.

Воцарилось молчание, которое прервала сестра Схоластика.

– Теперь я должна идти. Скоро рассвет, и я надеюсь к этому времени быть подальше отсюда...

- А я надеюсь, что ты вернешься вместе со мной.
- Ты хочешь, чтобы я покаялась? Понесла заслуженное наказание?
- В некотором роде. Не в том, как ты думаешь.

– Вот как?

– Ты оценила мой ум. Но и ты достаточно умна, чтобы понять, зачем я тебя искала.

– Ну конечно... как я все это знаю. Лучший способ покончить с искушением – уступить ему. Лучший способ избавиться от врага – сделать его своим другом. – Она снова засмеялась. – А лучший способ избавиться от мятежника – допустить его к власти!

– Да... это верно. Но это – только часть правды. Ты пока не все поняла...

– Что же еще?

– Узнаешь...

«Узнаешь», – сказала настоятельница и, созвав сестер, назвала имя той, кого желала видеть своей преемницей. Те, которые поняли ее, согласились и промолчали, а те, которые не поняли, испугались и промолчали.

И когда в скором времени настоятельница отошла в мир горний, названная сестра заступила ее место. Ее радательным попечением монастырь изрядно укрепился, все здешние дворяне присылают к нам для обучения своих дочерей, щедро жертвуя от своего имения, обитель процветает, закрома полнятся, на лугах тучнеют стада, а окрестные трудолюбивые бедняки, получая обильное вспомоществование, денно и нощно воссылают молитвы о долгой жизни благодетельной матери нашей Схоластики.

3. Одно из имен дьявола

- Обождем.
- Зачем?
- Пусть пройдут.
- А нам что до них?
- Больно веселенькие...
- А ты испугался.
- Послушай раз в жизни совета!

Двое остановились в подворотне у кабака, скрывшись от единственного на темной улице огонька – чадающей плошки у вывески. Тот, который убеждал не торопиться, был человек плотный, коренастый, несомненно, военный, лет сорока с лишним. Левая его рука, неестественно согнутая, пряталась под теплым плащом. Его спутник был почти вдвое моложе. По одежде его можно было бы принять за монаха, если бы не длинный меч у пояса.

Подгулявшая компания, обходившая злачные заведения нижнего города, приближалась. Все они держались плотно, чтобы ненароком не свалиться в грязь, которую не мог укрыть даже снег. Охрипшие плотки вразнобой вопили песню:

Эй, прочь от этих стен,
Где пустота и тлен,
Где всех нас ждет неумолимый плен.
Здесь правит Кен Мелен,
бродяга Кен Мелен,
Проклятый проходимец Кен Мелен!

- Вот как они нынче запели... – пробормотал старший.
- Знаю.
- Позволили бы они себе такое на Горе...
- Разумеется.

Неожиданно отстранив собеседника, чернорясник вышел на середину улицы и остановился там, куда падал свет. На мгновение воцарилось молчание, а затем гуляки с визгом брызнули врассыпную.

- Все. Можем идти.
- Они зашагали дальше.
- Зачем ты им показался? Они могли броситься на тебя.
- Нет. Я знал, что они убегут.
- Еще одну сказку сочинят.
- Теперь это уже не имеет значения.
- И все-таки обидно – после всего, что ты сделал...
- Почему? Я этого ждал. Именно после того, что я сделал. И оставим это. Я пошел с тобой, потому что ты просил. А зачем тебе это нужно, не спрашивал.
- Это тебе нужно, а не мне, Кен. Ей-богу, это очень значительный человек. Вроде тебя.
- Тогда зачем назначать встречу здесь, если он не шпион?
- Потому что он знает, что ночами ты часто бываешь в нижнем городе. И эта прогулка тебе не в труд.
- Старый ты болтун, Бренк. Жалко, что у тебя рука отсохла, а не язык. Сколько он тебе заплатил за то, что ты меня приведешь?

– Ну вот, сразу и «заплатил», – сказал Бренк, нисколько не обидевшись на грубость. Очевидно, он привык к манерам своего спутника. – Бескорыстной дружеской услуги ты не понимаешь? Стой, это, по-моему, тот самый дом... Хотя... Нет, точно.

Дом примыкал к торговым складам на Гончарном валу и выгодно отличался от соседних построек высокой и глухой оградой. На условный стук Бренка в воротах открылась узкая дверь. Бренк решительно просунулся первым, за ним – Кен, наклонив голову в капюшоне. За воротами их поджидал человек такого внушительного сложения, что рядом с ними весь отряд личной королевской охраны показался бы компанией хилых недоносков. Знаком он пригласил или, вернее, приказал следовать за ним. Трое вошли в дом. Пока безмолвный проводник вынимал из чугунного кольца, укрепленного на стене, факел, Кен что-то тихо сказал Бренку. Тот недовольно поморщился в ответ, но кивнул.

Темный коридор, казалось, не имел конца. Но тот все-таки обнаружился, одновременно с ощущением живого тепла, несвойственного складским помещениям. Обитатель круглой комнаты с пылающим камином – узколицый смуглый мужчина – приветствовал гостей изысканным поклоном.

– Прошу благородных господ быть моими гостями.

Бренк расстегнул пряжку плаща, уронив его на сундук. Изуродованную левую руку заложил за ремень. Кен сдвинул капюшон на затылок.

– Не обессудьте, что стол не накрыт. Я с великой радостью угостил бы знаменитого Кена Мелена, но мне известно, что он никогда не пьет и не ест на людях. Поэтому я приглашаю его к пустому столу. Что же касается моего друга Бренка, то его в соседней комнате ожидает ужин и доброе вино.

Бренк хмыкнул.

– Магнус, проводи!

Упрашивать сухорукого не пришлось, и хозяин остался с глазу на глаз с молодым человеком в черном балахоне.

– Взаправду ли я говорю с Кеном Меленом, членом Малого Королевского Совета?

Кивок.

– Тебя называют колдуном.

– А также обманщиком... К чему все эти титулы? Я ведь твоего имени не спрашиваю.

– Я предпочел бы пока его не называть. Но садись же!

Кен Мелен, член Малого Совета, колдун и обманщик, сел в предложенное кресло. Отблеск огня освещал его короткие волосы, темные глаза и тонкие насмешливые губы.

– Чему ты смеешься, гость моего дома?

– Я смеюсь тому, хозяин дома и гость города, что ты посадил меня против огня, а сам остался в тени...

Ему не ответили. Он ждал.

До прошлого сентября имени Кена Мелена в Вильманском королевстве не слыхал ни один человек. Он появился в разгар очередной войны со Сламбедом, неизвестно откуда возникнув в военном лагере вильманцев. В поводу он вел отощавшего, но сильного коня. Одет он был как простолюдин, стрижен почти наголо, как раб, но у пояса носил меч, как подобает благородному. Направился он напрямик к палатке архиепископа. Никто его почему-то не остановил. После получасовой беседы архиепископ представил пришельца королю. Тому новоприбывший поначалу крепко не понравился, и, вероятно, лишь уважение к престарелому примасу удержало его от решительных действий. Но после первого сражения мнение столь же решительно изменилось в пользу Кена Мелена. Война вскоре завершилась выгоднейшим для Вильмана образом, а через месяц Кен Мелен заседал в Малом Совете...

– По-моему, мы молчим достаточно долго. Пора бы и прерваться, иначе бы зачем мне двигаться ночью в такую даль?

- Но ведь сегодня не видно звезд.
- Ты угадал. Когда я не могу беседовать со звездами, я ищу другие занятия.
- Именно поэтому ты стал искать власти, собеседник звезд?
- С чего ты взял, что я ищу власти?
- А как же иначе объяснить возвышение человека твоего происхождения?
- Что ты знаешь о моем происхождении, чужеземец?
- Ничего. Признаюсь честно – ничего.
- Я из рода Меленов – ученых Меленов, которые испокон века ставили благородство ума выше мнимого благородства крови. И каждый из Меленов, сидя в своей башне, был сильнее короля на троне.
- И у тебя есть своя башня. Черная башня в замковой крепости.
- Об этом все здесь знают.
- И ни один человек не подходит к ней ближе, чем на сотню шагов.
- Так будет лучше для них. Слабые умы полезней не смущать.
- Однако ты только этим и занимаешься. А ведь подобный образ действий – тоже способ достигнуть власти.
- Интересно, – сказал Кен Мелен.
- Что тебе интересно?
- Понимаешь, я всегда знаю, чего от меня хотят. Многие начинали, как ты. Купить меня пытались, запугать тоже. Шпионов и церковных фискалов я распознаю с первого взгляда. А вот тебя я пока не раскусил.
- Ты не назвал еще убийц и похитителей.
- Кен Мелен сделал пренебрежительный жест.
- Ну, еще бы. Лучший фехтовальщик в королевстве. («Один из лучших», – педантично поправил его Кен.) А темниц ты не боишься. Ты уверен, что отовсюду сможешь сбежать, как сбежал из Лауды.
- Вот как? Ты и до этого докопался?
- Ты уверен, что сможешь сломать любой замок и любого человека.
- Замок – да. Человека – нет, не любого. Кроме того, я предпочитаю общаться с людьми, а не их обломками. – За стеной было слышно, как Бренк гремит посудой, и собеседники взглянули на дверь одновременно. – А ты знаешь больше, чем хочешь показать.
- Да. Я многое знаю о тебе, Кен Мелен. О катапульте, которая нанесла поражение слабедам. О больных и раненых, от которых отказались все лекари, а ты поставил на ноги. Говорят, ты придумал какой-то способ смешивать краски, чтобы они не меркли?
- Ну, это епископ попросил написать для него пару образов, которые бы не темнели...
- Поэтому я и пришел к тебе. «Кто имеет много, будет иметь больше», – так, кажется предречено?
- Примерно так. Но кто из земных владык может дать мне больше, чем я уже имею?
- Из владык – никто. Но тебе ведь не нужна власть. Я говорю о знаниях. Есть некое братство, принимающее в свои ряды лишь достойнейших.
- Кен Мелен насторожился.
- Я говорю об Одиннадцати мудрецах.
- А! Слышал, как же. Одиннадцать, владеющие всеми тайнами мира... и которых никогда не будет двенадцать. Сказки. Вроде тех, что сочиняют обо мне.
- Но в каждой сказке есть зерно истины. Даже с малыми знаниями – а они малы, поверь мне, Кен! – ты достиг пределов того, что может здесь человек. Подумай, что будет, когда ты овладеешь настоящим знанием!
- И что я должен для этого сделать?
- Последовать за мной и довериться судьбе.

– Нет. – Кен покачал головой. – Нет.

– Как? Ты отказываешься от знаний?

– На эту наживку нужно было ловить меня года три назад, перед тем, как я угодил в Лауданскую крепость. Тогда я жаждал чистого знания. Теперь я понял: знания сами по себе – ничто, их нужно осуществлять. И только для этого я решил стать сильным.

– И полез в грязь войны?

– Я пришел на помощь слабейшим, это во-первых. Ускорил заключение мирного договора, во-вторых. А катапульту потом сжег. Кстати, она больше пугала, чем приносила вреда. Но война-то кончилась. И, пока моих сил достанет, ее не будет. То, что ты обо мне говорил, – правда. Но и это, и приборы, чтоб видеть звезды вблизи, и книги, и все, что я собрал в Черной башне, – это все пустое, мелочь. Сейчас я переделываю кузнечные мастерские города. Когда сойдет снег, я проведу каналы на поля – у нас будет новая система орошения. – Выражение насмешливости, свойственное его лицу, совершенно исчезло. – Перестрою я и рудники. А потом...

– Ничего у тебя не выйдет, Кен Мелен. Ты ослеплен своими замыслами и ради них пойдешь на все. До сих пор тебе удавалось пробить себе дорогу, играя на людских предрассудках, и Церковь тебе не препятствовала. Но при дворе тобой все больше недовольны. Здесь не любят долгого мира. Они боятся и ненавидят тебя и, чтобы оправдать свои страх и ненависть, называют тебя сразу колдуном и проходимцем.

– Проходимец. – Мелен снова усмехнулся. – Неплохо звучит. «Время стоит, проходите вы», – говорят мудрые люди.

– Примас, твой покровитель, – дряхлый старец, а от старости не лечат даже твои снадобья. Те, кто придет ему на смену, не отличаются подобной широтой взглядов. И тогда тебя ничто не спасет. Твою Черную башню с книгами и приборами сожгут до основания. Ты исчезнешь, как пыль на ветру, и если что и останется от тебя, так краткая запись в хронике, где о тебе не скажут ни единого доброго слова.

Кен поднялся из-за стола, пристально глядя на собеседника.

– Можешь не продолжать. Я не могу проникнуть в твою душу. Ты хорошо защищаешься, и строй твоих мыслей для меня неясен. Возможно, ты провидец и знаешь будущее. Но ведь и я провидец. Я тоже многое умею. И знаю, что об Одиннадцати посвященных ты лгал... а про новые знания – нет. И еще ты все время думаешь о дьяволе, хотя не веришь в него! А звезды я читаю еще лучше, чем мысли. Разве не я сам составлял свой гороскоп? Я знаю, что моя жизнь будет короткой. Поэтому я должен спешить. Никогда по доброй воле не согласился бы я бросить работу незавершенной...

– А не по доброй?

– Что ты мне сделаешь? Твой телохранитель – кстати, он может выйти из угла, я его вижу, – возможно, сильнее меня, но вдвоем мы с вами сладим.

– Вдвоем? Есть много способов усыпить человека, кроме тех, что используешь ты...

– Знаю. Бренк!

Сухорукий появился в дверях, положив здоровую руку на эфес меча. В глазах смуглолицего выразилось удивление.

– Ты помнишь, что я тебе сказал на пороге?

Бренк ухмыльнулся.

– Ты сказал: «Возможно, это ловушка. Поэтому ничего не ешь и не пей в этом доме». Вот я и делал вид... будем драться, Кен?

– Думаю, нет. Я на всякий случай предупредил четверых из твоих людей: Конрада, Альберта, Бода и Хеля, чтобы они проследили за нами и, ежели мы задержимся, бежали на Гору и поднимали замковую стражу.

И опять, как в переулке, на миг установилась тишина. Затем смуглолицый вышел на середину комнаты и поклонился.

– Вы совершенно свободны, господа. До свидания. Был рад встрече с таким обаятельным собеседником. Надеюсь, не последней.

И опять двое шагали по пустынной улице, только в обратном направлении.

– О Господи! Прогулялись. Ну ладно, не спать я еще согласен, но не жрать – это уж твоя привилегия. Брюхо как колокол... И почему ты, сатана, от меня скрыл, что предупредил наших?

– Да никого я не предупреждал, старое решето! Так сболтнул, на пробу. А ты и поверил. И они... Пошли, утром я должен быть в Совете.

Телохранитель, проводив ушедших, вернулся в комнату, растирая рукой мышцы лица, уставшего сохранять невозмутимое выражение.

– Порядок, Армен. Они поднялись на Гору.

– Он солгал?

– Конечно. Никого нет.

– Я так и подумал. Потом. Можешь быть спокоен, Магнус, это наш подопечный, а не ваш.

– А у меня были сомнения.

– У меня тоже. Когда я узнал, что сообщает полевой наблюдатель. И внешне он похож на беглеца из Нестабильных Эпох. Но сейчас я уверен – это местный уроженец.

– Отбываем?

– Ты отбываешь. Патруль может ловить дезертиров, диверсантов и психопатов в других отрезках времени. А для нас это был лишь пробный заход.

– Ох, не люблю я работать с экспертами!

– А я – с патрульными.

Они засмеялись.

– Зачем он вам? Он же в астрологию верит. И в дьявола, наверное, тоже.

– Кеплер тоже составлял гороскопы. А в остальном... Химик, механик, военный инженер, художник, врач – это можно было установить и по хронике. И, как мы только что сами убедились, гипноз и, очевидно, начатки телепатии. Возможно, это у него наследственное – недаром он поминал про могущество своего рода. Но и без этого... настоящий Леонардо да Винчи раннего средневековья! Однако и подлинный Леонардо в гораздо более благоприятных условиях не смог изменить ход истории. А Кен и вовсе не оставит в ней следа.

– Значит, напрасно я старался. Подкупал этого Бренка – кстати, он показался мне порядочным жуликом...

– Он такой и есть. Жулик. Но порядочный. Согласно хронике, он единственный в Совете выступил в защиту Кена, когда его изгнали, хотя в отличие от остальных ничем ему не обязан.

– Так, значит, я тебя оставляю. Институт пришлет своих людей, и вы будете добывать носителя еще одного уникального интеллекта... Да, почему он сказал, что ты думаешь о дьяволе?

– Наверное, потому, что я мысленно называл его Леонардо. А «Леонард» – одно из имен дьявола.

– И что будет дальше с этим... Леонардо?

– Через неделю умрет примас. Доносы. Преследования. Изгнание. А дальше... сведения крайне недостоверны. Возможно, плен в Сламбеде, побег. Последний раз его видели во время следующей войны, будущей осенью. И все. Он не ошибся насчет краткости своей карьеры.

– А что вам остается?

– Постараемся перехватить его сразу после изгнания. Если нет – придется прочесать весь полуостров.

– Набегаетесь. И характер, у него кажется, препаршивый. Лжец, интриган...

– Ничего. Встречались и хуже. И потом, он прав – работа есть работа.

4. Камень Великой Матери

I. Деревенское колдовство

Оставалось три дня до полнолуния, и пора было идти за омелой. Иначе пришлось бы отложить поход до ночи святого Иоанна, а тогда и без того будет полно хлопот. Я подумала про омелу еще днем, когда спускалась в деревню. Визуна послала меня снять порчу со старосты. Сама она в деревню теперь совсем не ходит. Там я управилась быстро. Пустить хлеб по освященной воде – всего-то дел. Визуна говорит, что порчу навел колдун из-за перевала, а я так думаю, что сама Визуна. Ей иногда хочется напомнить о своей власти, чтобы нас больше уважали. Это верно. Нас не слишком уважают. За пределами долины давно что-то творится, дороги опустели, и знатные господа не ездят больше к Визуне за амулетами и не шлют ей дорогих подарков. Но мне на это наплевать, я обхожусь и простыми деревенскими чарами, все больше по женской части. Только нужна омела. Первейшая вещь.

Войдя в наш дом, я сразу почувствовала знакомый резкий запах. Тимьян, аир, жабник и все прочие девять трав. Визуна готовила мазь. Давненько они не собирались. Я прошла в чулан, где у нас было спрятано оружие, достала лук и выбрала стрелы с кремневыми наконечниками. Металл для моего дела не годился.

Когда я вышла из чулана, Визуна, не оборачиваясь, сказала:

– Убьешь нетопыря.

Она знала, что я не люблю убивать, даже тварей с холодной кровью, но именно холодная кровь была ей сейчас нужна.

– Обойдешься сажей, – ответила я. – Сажа ничуть не хуже.

– Откуда тебе ведомо, что лучше, а что хуже? Этого тебе знать не положено.

Тут она была права. Этого я знать не могла. Я ни разу не была на круге и не должна там бывать. Я – белая ведьма, не заключала договора, не ношу клейма, поэтому не боюсь ни святой воды, ни серебра, ни соли, ни гвоздей под порогом. Я – белая ведьма, а Визуна промышляла всяким, но я не могу ее судить, потому что она вырастила и обучила меня, хотя и не родная мать. Я – найденыш, неизвестно чья дочь, и Визуна в минуты злости кричит, что меня родила русалка, а вместо крови у меня болотная вода. Визуна стала часто кричать на меня с тех пор, как перестала бить. По-моему, она меня боится. Совершенно напрасно, я не причинила бы ей зла. Хотя, как ни странно, я очень сильная ведьма. Только ленивая, говорит Визуна, и в этом мое спасение.

Она продолжала шуметь, я не прислушивалась. Мне было ее жаль. Она очень постарела в последние годы, высохла и сморщилась, а ведь в прежние времена знатные господа присылали ей подарки не только за ворожбу.

– Посмотрим, – сказала я. – Как повезет.

Я не должна обижать Визуну.

Визуна скоро умрет.

Я вышла из дома. Уже темнело, а до леса совсем близко. Времени в запасе много, близились весеннее равноденствие... кажется в ту ночь у черных большой круг, вот Визуна и засуетилась. Это ее дело. А мое – омела. Мне даже не нужно было ее искать. Дойти до старого дуба и сбить. Сбивать нужно только камнем, а не рукой, не железом. Или такой вот стрелой. У меня глаз верный. А потом я должна подняться дальше по горе и убить нетопыря.

Я шла уверенно. Была удивительно светлая ночь для конца марта. Хотя от старой луны остался только узкий серпик, но звезды высыпали в великом множестве. К тому же я с мла-

денчества привыкла ходить по этому лесу, летом, бывало, неделями из него не выходила и никогда в нем не боялась. Ни один зверь меня не тронет, Ночные Матери мне не страшны, а разбойников здесь отродясь не было. Но на этот раз все было по-другому. Чем больше я углублялась в лес, тем сильнее ощущала в воздухе тревогу. Я слышала звуки, которых не должна была слышать, плеск ручья, по которому шла вброд, треск сучьев, свист и шепоты. Все было очень далеко, но я слышала, и я не дошла до старого дуба. Я решила затаиться и посмотреть.

Он выбежал из орешника и попытался взобраться на склон. Ноги у него заплетались, и поначалу мне показалось, что ему просто мешает длинный плащ. И только когда он упал, я увидела стрелу у него под левой лопаткой. Странно, как он мог еще бежать. Он должен был умереть мгновенно.

Я вышла из-за дерева и подошла к нему. Он был еще жив и поднял голову. Дрожащий свет звезд пронизывал ночь, и я могла видеть его лицо. Вероятно, и он мог видеть мое.

– Помоги, – прошептал он.

Я опустилась на колени, чтобы попытаться залечить рану, хоть это и было бесполезно.

– Нет, – проговорил он. – Не так. – Судорожным движением он вытащил что-то из-за пазухи и протянул мне.

Я взяла. Это был какой-то камешек на цепочке.

– Отдай... – шептал он, и потом еще какое-то слово, кажется, «ему», но, может быть, мне послышалось.

Голова его упала. Я приподняла ее свободной рукой, потом потрогала запястье. Он был мертв. Уж я ли не видела мертвых. Но мне почему-то не хотелось уходить, я пыталась понять... Однако тут я услышала шлепанье сапог по воде и снова отступила в тень. Из-за орешника выбежали четверо вооруженных людей и устремились к убитому. Они завернули его в плащ и подняли. Один из них осмотрелся. Но меня он не видел. Я не хотела, чтобы он меня видел. Я не боялась, однако не желала себе лишних неприятностей. Потом они взяли убитого и понесли. Я стала осторожно отходить назад – знала, что, кроме четверых, в лесу есть и другие. Но я могу ходить в лесу очень тихо... Никто не увидел меня, и я без вреда для себя выбралась из леса. И тут я вспомнила про цепочку, которую продолжала сжимать в руке.

Визуна лежала на своей постели, завернувшись во все шкуры и одеяла, какие были в доме. Ее знобило.

– Что случилось? – спросила она меня с порога. – Я чувствую – в лесу что-то неладное.

Я не видела причин скрываться от нее и рассказала ей все. И выложила то, что мне передали. Это была простая цепочка из толстых колец. Похоже на железо, но уж очень темное – какой-то сплав. На ней припаян черный камень квадратной формы, без оправы. На полированной поверхности вырезаны какие-то неизвестные мне знаки.

– Ага! Талисман! – сказала Визуна, глаза ее блеснули, как в прежние времена.

Конечно, это был талисман, через мои руки прошли десятки их, но такого мне видеть не приходилось.

– Гагат, – произнесла Визуна, рассматривая камень.

– Гагат – это власть над силами ада?

– Невежество! – возопила Визуна. – Власть над силами ада – это агат. А гагат – это камень Великой Матери! Постой, – она запнулась, – но ведь гагат – женский талисман. А нес его мужчина?

– Да. Если только у женщин не может быть на щеках недельной щетины.

– Странно, – сказала она, с опаской дотрагиваясь до камня. – Очень странно. – И тут же отдернула руку. – Знаешь что? Спрячь-ка ты его подальше.

Под утро я немного поспала, а днем решила вернуться в лес. Я хотела посмотреть, не прячутся ли там убийцы. Может быть, мой поступок выглядел необдуманным, но, повторяю, я всегда знала, что в лесу со мной не может произойти ничего дурного. И потом, мне не давали

покая слова умирающего. Может быть, узнав что-то о тех, кто за ним охотился, я от обратного смогу выяснить, какова была цель его путешествия и кому я должна передать талисман.

Я не нашла их. Только следы. Их действительно было в лесу не менее двух десятков. Ночью они прочесывали лес, пока не нашли того, за кем гнались. Странно, но у них не было собак, а вот лошади были. Я нашла следы множества лошадиных копыт в низине, откуда началась горная тропа, ведущая прочь из долины. Я немного прошла по ней, а потом поняла, что напрасно теряю время. Они уже успели выбраться на дорогу, а там мне их пешком нипочем не догнать.

На ходьбу по лесу у меня ушел целый день, и тем не менее я не спешила возвращаться. Что-то мне во всем этом мешало, что-то было неправильно. Хотя ничего такого в них не было – обычные наемники... Но почему они даже не обыскали труп? Просто подняли и унесли.

Потом я все же с неохотой поплелась домой. Может, мне не стоило оставаться в лесу на ночь? Все равно я ведь не достала омелу и не убила нетопыря. Но до новолуния были еще целые сутки...

Подойдя к дому, я сразу почувствовала недоброе. Нет, никаких чужих. Только присутствие зла. Я сделала охранительный знак и вошла. И увидела тело Визуны на полу между постелью и столом. Я бросилась к ней, но она уже успела остыть. На теле не было никаких признаков насильственной смерти, но лицо искажено и губы посинели. Мгновенный приступ, резкая боль... но почему такое острое ощущение присутствия чужих сил? Они ушли, но они побывали здесь... Я подняла тело Визуны и перенесла его на постель. Овернула, будто еще что-то можно было сделать.

Талисман, который я, уходя, тщательно запрятала в тайник, лежал на краю стола, словно Визуна, падая, выронила его из рук.

После похорон Визуны было тяжело и пусто на сердце. Я знала, что Визуна умрет, до того, как нашла талисман, но если бы я не оставила его в доме, Визуна, может быть, не умерла.

Я снова достала его из тайника и стала рассматривать. Я видела много магических камней, когда дороги были еще открыты и разные предметы из большого мира доходили к нам беспрепятственно. Другие талисманы мы делали сами, не только для деревенского обихода, где можно было обойтись травами и корнями, но также из камней, что мы искали в заброшенных штольнях. В привозных встречались похожие черные камешки, но это были обычные обереги от дурного глаза.

Я вспомнила тексты лапидариев, которые наизусть твердила Визуна: «Изображай медведя на аметисте, лягушку на берилле, всадника с копьем на халцедоне, барана на сапфире...» Относительно гагата я не знала указаний. Обычной греческой надписи «Иао, абраксас» тоже не было. Символы – а может быть, просто рисунки – на камне были совершенно незнакомы. Чем-то они напоминали мне изображения, которые можно видеть на древних стоячих камнях, но были сложнее. И я снова вспомнила, как убийцы не стали обыскивать тело. Может быть, они боялись прикоснуться к камню?

Мне нужен был совет. Я и не знала никого, кто мог бы мне его дать. Ведь я никогда нигде не бывала, кроме леса и деревни. Единственное, что мне пришло на ум, – то, что я слышала от Визуны о колдуне из-за перевала, зловредном, но умном старике. И я решила позвать его. Весеннее равноденствие миновало, он должен быть свободен.

Есть много способов заставить колдуна явиться. Я выбрала самый простой. Взяла новый глиняный горшок, бросила туда две иглы, настрогала дубовых щепок, залила водой и поставила на огонь. И я буду доливать воду и кипятить это варево до той поры, пока он не придет.

Он пришел на четвертый день, плюхнулся за стол и сразу же воззрился на очаг. Я молча сняла горшок с огня, а перед стариком поставила кувшин пива, миску с кашей и полкруга сыра

– все, что было в доме. Я соблюдала обычай черных – не здороваться и не называть имени, хотя мне это ничем не грозило.

Он поел, выпил, потом сказал мне:

– А черенки в палисаднике выкопала бы. Сразу видно, что ведьма живет.

– Почему?

– Розы же! Разве любовная ворожба без роз обходится?

– Запросто, – буркнула я. – Берешь свечу, что побывала в руках мертвеца, потом щепку от придорожного креста...

– А вот этого тебе знать не нужно, – перебил он меня. – Ты белая.

– Знаю вот.

– Ох, Визуна... Кто знает, где теперь ее душа? – И без перехода, уставившись острыми глазками мне в переносицу: – Зачем позвала?

Я сняла цепочку с шеи и протянула ему. Но он не взял. Даже толкнулся в сторону.

– Эт-то что?

– Похоже, что из-за этого умерла Визуна.

Я вкратце рассказала ему историю. Покуда я говорила, он немного приободрился.

– Опиши того, кто нес камень.

– Лет тридцати пяти. Худой, волосы черные, короткие. Чем-то похож на монаха.

– Может, то и был монах. Среди них есть монахи.

– Среди кого?

Он не ответил. Потом спросил:

– Ты и вправду ничего не чувствуешь?

– Нет.

– Покажи его мне еще раз.

Но к камню он не притронулся, рассматривал его, вытянув шею.

– Эти знаки... не знаю... очень древние... но не руны, ручаюсь, и не поповская латынь... и вообще это не здешняя работа... Привезено откуда-то издалека. – Он отодвинулся и снова посмотрел на меня. – На этот камень наложены очень сильные чары. И опасные. Не понимаю, как ты не чувствуешь. Может быть, потому что ты – белая и не вступаешь в сделку с силами зла. Но только великий посвященный может взять в руки такое без вреда для себя. Я не возьмусь. Мы колдуны простые, деревенские. И чары у нас простые. А тебе нужно уходить в города, к настоящим магам.

Я знала, о чем он думает.

– Тебе выгодно, чтобы единственная белая ведьма в округе покинула долину.

– Да! Выгодно! Ну и что? Если пообещаешь, что уйдешь, я расскажу тебе, как найти мага.

– Как ты заметил, я не заключаю сделок.

Он опять начал сверлить меня глазами. Как видно, он ожидал, что в ответ я начну творить заклинания, назову его тайное имя или еще что. Но я просто сидела. Тогда он закричал:

– Дура деревенская! Ты даже не понимаешь, с чем соприкоснулась! Может, здесь замешана власть Высокого Дома!

– Что такое Высокий Дом?

– Так ты и этого не знаешь? Будь я проклят на том и на этом свете! Хотя я и так проклят... Духи водные и подземные! Что это делается? Ленивая, глупая, безвольная соплячка – и такая сила! Но... – Он снова быстро успокоился. – Может, твое счастье, что ты ничего не знаешь. Поэтому я и так скажу. Высокий Дом – это маги высшего разряда. Доступ к ним очень труден. Никто из них не якшается с нами, деревенскими колдунами, кроме Меленов, и, будь жив старый Луп Мелен, все было бы проще простого... но Луп Мелен и Кен Мелен умерли. Как найти пути к Высокому Дому, должен знать какой-то ученый-чернокнижник. Сейчас в городах много народу промышляет магией, однако подлинных знатоков – единицы. В старой столице,

в Вильмане, проживает некий Твайт. О нем по-разному отзываются, но знает он много. Он научит тебя, что делать. А я ухожу. – Он встал, немного помедлил и добавил: – Ты думаешь, я рассказал тебе все, потому что боюсь тебя? Да будь ты втрое сильнее, я бы и тогда тебя не боялся. Я боюсь *этого!*

И он кивнул в сторону талисмана.

Миновал апрель, прошел май, наступило лето, а я так и не тронулась с места. Не то чтоб я чего-то опасалась. Мне просто не хотелось уходить. То есть я бы ушла только в лес, чтобы пожить там месяц-другой, как обычно делала летом. Но все время возникали какие-то дела, какие-то мелочи. Приходили женщины из деревни. Ко мне одни женщины и ходят. Мужчины по большей части притворяются, что не верят в колдовство, хотя на самом деле верят почти все. Ну вот, это были обычные деревенские чары, о которых говорил колдун из-за перевала. Я помогала от мужской ревности, от мужской холодности, развязывала узлы, заговаривала и нашептывала... Просили у меня и амулеты, и получали их, не великой мощи, конечно, а те, что я делала собственными руками. Но от них была польза, а мне, следовательно, было что есть. Так с какой стати мне уходить? Если колдун из-за перевала и хотел выжить меня отсюда, он для этого ничего не предпринимал. Ощущение зла, посетившее меня в день смерти Визуны, развеялось. Я была совершенно спокойна, и мне ничего не было нужно. И чем дальше, тем меньше.

Наступил канун святого Иоанна. Ночь, когда все великие силы – и светлые, и темные – выходят на свободу. Кроме того, это лучшая ночь в году для сбора трав. Чем я и собиралась заняться. До праздника в деревне мне не было дела. С наступлением темноты я ушла в лес. Со мной был мешок, а также лук и стрелы с каменными наконечниками. Потому что я снова собиралась к старому дубу.

На сей раз я дошла без всяких приключений, хотя все было как тогда, только очень тепло. Опять было полное небо звезд, и оно светилось. Я пересекла поляну и увидела темную громаду дуба. Дуб заключает в себе священные силы земли, а все растения, что выросли не из земли, а из другого растения, – чародейные, и главное среди них – омела. Омела на дубе имеет и магию силы, и силу магии. Однако сбить ее я не смогла, что-то меня остановило. Я опустилась на землю и замерла в тишине и темноте. Я не могла двинуться. На меня опять накатило знание. Это началось со мной давно, с детства, и талисман здесь был ни при чем. Иногда, чаще всего против моего желания, ко мне приходило знание о людях: что они думают, что говорят, чего желают, что они делают тайно и явно. И я не любила этого знания. Именно потому я всегда избегала больших сборищ и столько времени проводила в лесу. И вот – оно и в лесу достало меня. Но теперь было различие. Знание касалось не других, а меня самой. Колдун из-за перевала совершенно прав – я была невежественна, ленива и безвольна. И я обладала великой силой. Он не мог причинить мне вреда, если б даже очень захотел. И то зло, что посетило мой дом, меня не коснулось. Если знание приходило ко мне, то сила была во мне всегда. О чем было известно тем, кто оставил меня в лесу в том возрасте, когда детей только отнимают от материнской груди... Но откуда я об этом знала? Знала, и все. Раньше – смутно чувствовала, прячась в лесу и не заглядывая дальше деревни. Пряталась от себя и своей силы. Но она настигла меня.

Я лежала на траве. Камень на моей груди нагрелся и был как живой. Я не видела надписи на нем, но знала, что она светится. Надо мной кружились созвездия, все мое тело словно пронзали тысячи игл, и мне совсем не было больно, и я знала, что это – звездный свет. Лучи – звездные копыя, а может быть, путы, привязывающие меня к кругу светил?

Я пришла в себя, когда небо начало бледнеть. Беспольный мешок и оружие валялись рядом. Черный камень охлаждал грудь. Кончалась ночь, самая короткая в году, пришедшая к своему повороту.

Теперь я знала, что уйду из долины.

II. Ученый чернокнижник

До Вильмана я добиралась больше четырех месяцев. Сущим безумием было пускаться в дорогу при тех обстоятельствах, что творились в большом мире. Но, говорят, дуракам счастье, а я точно была душой, потому что только дура могла поступить так, как я. С какой стати я сорвалась с места? Ради какой корысти? Черный камешек с непонятным изображением, висевший на моей груди, ничего не значил. Сознание могущества, причастности к ходу светил бесследно исчезло. Я снова была собой, деревенской колдуньей, владеющей не более чем деревенскими чарами. Они-то, вероятно, и помогли мне достигнуть старой столицы живой и невредимой, несмотря на все усобицы, сотрясавшие большой мир. От деревни к деревне, от мытного сбора к речной переправе, а чаще всего – просто по бездорожью, подальше от тех мест, где могут пройти воинские отряды, проехать какой-нибудь полунищий барон со своей свитой. Я научилась ночевать в поле. Очень трудно привыкать к этому после леса, где каждое дерево тебя знает и защищает, но и мои чары, должно быть, на что-то годились. В городе, однако, я остерегалась прибегать к ним. Не знаю почему. Просто не хотела.

После большой войны со Сламбедом, когда выгорело полгорода, минуло восемь лет, и многие кварталы заново отстроились, но следы разрушения все равно были видны. Пожар не тронул в основном Верхний город, оба собора и улицы за Вторым рынком. Королевский дворец сильно разрушили при штурме, в уцелевшей башне теперь помещался наместник Сламбеда.

Народу на улицах было довольно много. Я шла сутулясь и надвигая на лицо башлык. То ли в долине люди были покрупнее, то ли ко мне там привыкли, но дома на мой рост никто внимания не обращал. А здесь все прохожие попадались мелкие и бледные. Хотя, может быть, в городах так и положено, я же никогда не бывала.

День уже перешел на вторую половину. Вот-вот начнет темнеть. Пора было искать Твайта. Но я остерегалась расспрашивать о нем. Решила снова отдохнуть и поесть. Тут же, как по заказу, набрела на заезжий двор с харчевней. Денег у меня, конечно, никаких отродясь не водилось, а был у меня остаток хлеба, который третьего дня дала мне одна женщина за то, что я заговорила ее кур. А зайти я собралась, потому как здесь я могла спокойно посидеть, не привлекая к себе внимания. Торговые люди ели-пили в харчевне под навесом, а нищие и паломники размещались во дворе на соломе. Я нашла у стены местечко почище, примостилась там и вытащила краюху из сумки. Ворота были распахнуты, и за ними я видела угол площади и темную ограду собора. Хлеб был неважный, с отрубями, но я съела его весь, собрала крошки в рот и проглотила. Помедлила перед тем, как встать, теща усталое тело последними мгновениями расслабления. И тут на меня снова начало напирать знание. Я увидела людей, идущих мимо меня по площади, но не глазами. Я видела их. Вот женщина, семенящая с постно поджатыми губками, а ходила она на похороны лишь затем, чтобы незаметно заменить монету, что кладут мертвецу на глаза, на другую. А ту, что унесла с собой, она омоет вином, а вино даст выпить мужу, чтоб он стал слеп к ее изменам, как покойник. А вот у этого, у которого рожа в складках и угри на носу, у него в кошеле флейта из человеческой кости, заиграешь на ней, и все, кто слышат, уснут, и можно грабить и жечь, не опасаясь, что застигнут. Вот лекарь, он делает мази из жабьей пены и жира медведя, убитого при совокуплении. А вот приходский священник, спешащий по зову страждущего со святыми дарами в руках. Не пройдет и недели, и он будет служить черную мессу в развалинах церкви. От толпы ошутимо тянуло кладбищем и тлением, все были замараны, даже дети. Они либо сознательно вступили в сговор со злом, либо поддались ему, как болезни. Мое сознание взметнулось вверх, и, поднявшись над городом, я отчетливо увидела, как далеко расползлась зараза. Но сам гнойник был там, на площади. Дыхание

стеснилось от ненависти и отвращения. Вырвать несущую балку из-под свода собора и похоронить всю мерзость одним ударом. Я знала, что могу сделать это. Разом покончить со злом...

И тут приступ начал проходить. Я вся взмокла от пота, платье прилипло к спине, а волосы ко лбу, зубы стучали в ознобе. Может, этот озноб и остудил мою голову. С чего вдруг это я собралась узурпировать небесный престол и карать виновных направо и налево? Да в чем таком они виновны? Люди есть люди, плохие, конечно, но ведь жизнь-то какова? Во всяком случае, не мне их судить. Не мое это дело.

«Город на меня действует, город», – подумала я. Я что-то говорила насчет открытых пространств, но когда стены с двух сторон – еще хуже. Давит.

Я поднялась на ноги. В тот краткий миг видения города мне было ясно показано, где живет Твайт. Кстати, не так уж далеко отсюда.

Улица ничем не отличалась от других. Пока я шла, уже стемнело, но урочный час еще не пробил, и за ставнями кое-где пробивался свет. Дом Твайта был узкий, двухэтажный, под черепичной крышей. Из трубы густо валил дым. Несмотря на сумрак, мне показалось, что дым имеет зеленоватый оттенок (дрок? остролист?). Значит – дома... Я постучала в дверь. Никто не ответил. Я подождала и снова постучала, на этот раз взявшись за тяжелое медное кольцо на двери. Наружному грохоту сопутствовало молчание изнутри. Я только собралась разъяриться за то, что намеренно не пускают, когда медное кольцо в моей руке как-то само собой повернулось, и дверь приоткрылась. Замок, видно, изнутри отошел. А, ладно, я так молотила, что могла бы разбудить мертвеца, не отступать же теперь. И я вошла.

Ступила на каменный пол, весь исчерченный мелом. В темноте было трудно разобрать, какие именно значки или надписи были там, но, кажется, они располагались кругами. Комнаты явно окуривали разными зельями. Я пошла вперед. Движение воздуха указывало направление. Миновала еще две неосвещенные комнаты и остановилась на пороге третьей. Она была значительно больше других. В ней горело девять светильников, по три соединенных, у противоположной стороны пылал очаг. Спина ко мне стоял человек в багровой хламиде и, монотонно напевая что-то на неизвестном мне языке, бросал что-то в огонь. Пол и здесь был весь исчерчен, и не только мелом, но и цветными красками. На столе и на полках горами валялись свитки и толстые книги в телячьих переплетах. Под потолком крепилось чучело большой ящерицы. Не сразу разглядела я среди свитков на столе человеческий череп и шар из черного хрусталя. В общем, все как положено настоящему чернокнижнику.

Хозяин, продолжая петь, повернулся зачем-то к столу и тут наконец увидел меня. Пение мгновенно оборвалось. Глаза чернокнижника округлились до предела, и он замахал ручками:

– *Per ipsum et cum ipso et in ipso!*¹ Прочь! Прочь! Я тебя не вызывал!

Он был маленький, круглый, бледный. В тех же летах, что колдун из-за перевала, но при этом сходство кончалось. Силы в нем не было. Никакой. Но ведь я не за силой сюда пришла.

– Добрый человек, – сказала я, – ты меня явно с кем-то путаешь.

Я ошиблась, выразившись «до предела». До предела округлились его глаза сейчас. Он рухнул в кресло и некоторое время пребывал в неподвижности. Затем спросил пересохшим горлом:

– Как ты вошла?

– Очень просто. Через дверь.

– Этого не может быть! – взвизгнул он.

– Как не может, когда есть?

Он уже успел настроиться враждебно.

– Зачем?

¹ Через него самого, и с ним самим, и во имя его (*лат.*). Заклинание демонов.

– А ни за чем. Просто хотела проверить, не тебе ли адресовано вот это. – И я бросила талисман на стол.

Он испугался, как и прочие до него. Но не только. Талисман его притягивал. Твайту безумно хотелось взять его в руки и повертеть. Однако он не решился.

– Что сие значит?

– А я надеялась, что ты мне это объяснишь.

Твайт сполз с кресла, придвинулся к столу, потирая руки, а может, он сам себя удерживал. Потом покосился на меня.

– В общем, я так понимаю, – сказал он после долгой паузы, – раз ты могла миновать все преграды и даже не заметить их – ты существо не вполне обыкновенное и с тобой можно говорить открыто... но все же я хотел бы знать, откуда у тебя камень Великой Матери и как ты нашла меня?

– Камень попал ко мне случайно, а к тебе меня направил Хошан. (Это было тайное имя колдуна из-за перевала. Не для меня, конечно, тайное.)

– Так. – Твайт задвигался вокруг стола. Его прямо-таки распирало от любопытства и страха. – Ты не ошиблась! Я знаю много, очень много... здесь древние знаки... тысячи лет прошли с тех пор, как умерли те, кто ими пользовался, а они были нашими общими учителями... Все забылось обо всем обитаемом мире есть лишь несколько человек, знающих малое количество этих знаков, может быть, я один... – Он бросился к полкам, стал копаться в книгах, смел кучу ни на что не похожих обрывков. – Где же я видел? У Гермеса... нет, не у Гермеса, хотя Трисмегист знал все... и не в «Сефер Йецира», точно... именно у саисцев... – Он хлопнул себя по лбу. – Вспомнил! «Шу» и «Тефнут» – вот как читаются знаки. Они трактуются как символ единства сил... мужское и женское... движение и дыхание... но почему? – Он опять впал в забытие, как в первое мгновение, бормоча: – Ведь для этого есть другие знаки, столь же могущественные, но более употребляемые? Почему не обычный гексагон? Почему не звезда Соломона? Почему? – Он уже обращался ко мне, будто я сама вырезала надпись на камне.

– Мать Божья, я и слов-то таких не слышала!

И этим я его добила окончательно. То ли «Матерью Божией», то ли своим невежеством. Я уж думала, что мне придется приводить его в чувство, но он с трудом вымолвил:

– Как тебя зовут?

– Ирруби.

– Странное имя... Тайное или явное?

– У меня одно имя.

– Вот как. – Снова молчание. – И что ты, Ирруби, вообще умеешь?

– Почти ничего. Заговор снять. Бородавки вывести.

– А как ты добралась до Хошана?

– Никак. Я велела ему, и он пришел.

Твайт поднялся – хламида по полу, ручки подъяты к потолку, заменяющему небеса, сам – мне по плечо.

– Все прекрасно! Ты правильно сделала, придя ко мне. Немного усилий, Ирруби... и ты будешь управлять миром!

«Семь светил проходят по дорогам Олимпа, и лучами их соткана вечность, Солнце, дающее смех, это свет вдохновенья, Луна, создающая боязнь, молчание и память, Сатурн, отец справедливости, Юпитер, дарующий удачу, мир и производительность, Марс, отец порывов и борьбы, Венера, подарившая людям желание и наслаждение, от нее же они получили улыбку для смягчения их доли в мире падения, Меркурий, который дает человеческой природе мудрость, слово и убеждение, он же послал им изобретательность».

Зубрили Трисмегиста. «Изумрудную скрижаль» я уже помнила лучше, чем святоша «Pater noster». Теперь я принялась за «Деву мира».

Для Твайта я была подарком судьбы. Он действительно знал много, но распорядиться своими знаниями не умел, главным образом из-за недостатка решимости. Поэтому он не занял заметного места среди чернокнижников, не говоря уже о Высоком Доме. И тут являюсь я – одаренная, но невежественная. Я буду управлять миром, а он будет управлять мной. Таковы были его устремления, хотя он сам себе не отдавал в них отчета. Мне, впрочем, было все равно. Я вступила в мир, где все черпалось из книг. Ничего здесь не было общего с прежним деревенским ремеслом, когда распускают волосы и машут веревкой, чтобы вызвать бурю, или дают беременной женщине съесть первый плод с дерева, чтобы был хороший урожай. Упущенные знания нужно было наверстать. С самого начала я прикидывалась душой большей, чем была, потому что Твайту это было приятно и подстегивало его учительское рвение. «Сила без мудрости – ничто», – говаривал он. И он меня ею напичкивал. Мудрость греческая, мудрость римская, мудрость египетская, мудрость иудейская, мудрость коптская, мудрость сиро-халдейская – меня скоро должно было начать рвать мудростью!

– Ты перестала слушать, – сказал Твайт. – Нельзя отвлекаться, когда речь идет о столь важных вещах. *Vir sapiens dominatur astris.*²

– А я не *vir*, а *virgo*.³

– Если ты будешь со мной спорить, то никогда не научишься ничему, кроме как выводить бородавки!

– Тоже неплохое занятие, – огрызнулась я. – От него-то польза есть.

В дверь постучали, и я подошла к окну глянуть, кто. Это был Руфий, каноник от Святой Бригиты, баловавшийся тайными науками и потому заглядывавший к Твайту. Хозяин приказал впустить, а самой убираться куда-нибудь. Он всегда боялся, что кто-то проницательный разглядит во мне нечто иное, чем простую служанку. Я с удовольствием оторвалась от колодца знаний, подхватила корзину и отправилась в торговые ряды. В околотке у нас говорили: «Наконец-то Твайт решился завести домоправительницу» и понимающе ухмылялись. Совершенно, между прочим, напрасно. Никаких поползновений на мой счет Твайт не предпринимал, отчасти по причине своего преклонного возраста, а также потому, что продолжал меня бояться.

Шел снег. В этом году зима настала рано, и люди по привычке с опаской ждали установления льда, ибо в это время обычно возобновлялись военные действия. Но пока ничего такого не было слышно. Видно, потеряв независимость, город получил-таки передышку. И голода здесь не было. Во всяком случае, в лавках было что выбирать, а выбирать мне приходилось тщательно, даже если путь мой не лежал дальше пекаря. Причиной привередливости был Твайт, который следил, как бы я не съела чего нечистого. Это тоже было новшество, раньше я ела только для утоления голода.

Я вернулась с наступлением темноты. Каноник ушел. Не знаю, о чем они говорили, по моему, Твайт всегда морочил ему голову, но в этот раз вид у него был озабоченный. Мне он ничего не сказал, только сообщил, что ночью решил повторить опыт с зеркалами, хотя все предыдущие были неудачными. Должно быть, несмотря на самоуверенность, его терзала неопределенность, и он хотел, чтобы я увидела в магическом зеркале какие-нибудь указания относительно своей судьбы. Отсюда и его отчаянные попытки составить мой гороскоп. Я считала это занятие бесполезным, так как не знала времени своего рождения, но Твайт, хоть и твердил строку Вергилия Мага насчет мудреца, повелевающего звездами, в то же время все ставил в зависимость от этих звезд. Звезды, числа, буквы – все у него мешалось и одно подменяло другое.

² «Мудрец управляет звездами» (*лат.*). Вергилий.

³ *Vir* – мужчина, *virgo* – девушка.

Необходимые приготовления он сделал сам. У него были сомнения относительно праведности производимых манипуляций, а я, пока не прошла всех испытаний, должна оставаться незапятнанной. Твайт расставил зеркала, начертил на полу неполный круг и зажег свечи, которые также сделал сам. Когда я в чистой льняной одежде вступила в круг, он его замкнул. Конечно, у этих книжечеев «круг» означал совсем иное, чем сборище деревенских колдунов. Я стала смотреть, как обычно, в центральное зеркало. Твайт, перед тем, как отойти, проверил, прочно ли заперты ставни – по городским законам все огни в этот час должны быть давно погашены. Потом засел в углу со своими вычислениями.

Время шло, чародейские свечи таяли, а я по-прежнему ничего не видела за тусклым стеклом, кроме собственного лица – широкие скулы, короткий нос, зелено-карие глаза, серые волосы в скобку. За эти месяцы я налюбовалась на них больше, чем за всю предшествующую жизнь. Потому что дома у меня не было зеркала.

– Ну, что? – не выдержал Твайт.

– Все то же.

Он опять погрузился в свои вычисления. У него была привычка бормотать, когда он думал.

– Есть планеты мужского начала – Сатурн, Юпитер, Марс и Солнце, и планеты женского начала – Венера и Луна. И одна планета общая для мужчин и женщин – Меркурий. Есть планеты благодетельные – Юпитер, Венера, Солнце, и планеты зловредные – Сатурн и Марс. Луна и Меркурий несут в себе в равной мере добро и зло. Тобой, несомненно, владеет Меркурий, и он обращен к тебе светлой стороной. Пока что ты не вступила на путь зла, и судьба тебя хранила. Но если твоя звезда повернется к тебе темной своей стороной... – Он надолго умолк.

Я вышла из круга.

– А Высокий Дом – они черные или белые?

– Ни то и ни другое, – прошептал Твайт. – Высокий Дом – потому и высокий, что превышает категорий. Черное, белое – это для таких, как мы, им подвластно все. Но убивать высший маг не может, так установлено, иначе нарушится связь вещей... Почему ты заговорила о Высоком Доме?

– А почему ты заговорил об убийствах?

Он не ответил.

– Только и слышу – Высокий Дом, Высокий Дом, а говорить о нем не хочешь. Ты знал кого-нибудь, кто принадлежит к нему?

– Н-не думаю... Это раньше они держались больше на виду и действовали открыто... Теперь у них другие обычаи. А раньше... Говорили, что Луп Мелен принадлежал к Высокому Дому, но он уже тогда отошел от них. На долгие годы уезжал в полуденные страны...

Мелен. Это имя я услышала сперва от колдуна из-за перевала, а потом, довольно часто, в Вильмане. Но Хошан говорил про Лупа Мелена, а здесь упоминали только его сына Кена Мелена... Кен Мелен по прозвищу Престиагар, советник короля Сигберта, ученый-механик, впоследствии изгнанный и убитый.

– А Кен Мелен?

– Наверняка нет. Но его кончина темна. Это было еще до войны, и никто не знает... – Он вцепился руками в ворот. – Мне страшно, Ирруби, а тут еще этот Кайс...

– Что? – Мне послышался какой-то щелчок. Наверно, ветер ставнем. – То есть я хочу сказать – кто?

– Мне рассказал о нем каноник, а он слышал от других... Это приемный сын одного рыцаря из Эйлерта, ставший командиром наемников. У него есть дар... сильный дар, но злой... и начатки второго зрения. Он опасен... что, если он пойдет на Вильман, и опять настанут смутные времена?

Я знала, что во время последней войны Твайт где-то скрывался и приехал в Вильман, когда уже все успокоилось. А ведь у меня больше оснований бояться. Но я не чувствовала страха. Вообще ничего. Я подошла к окну и открыла ставень. Ворвавшийся в комнату ветер и снег взметнули свитки и загасили огарки свечей. Твайт кинулся перебирать свои записки.

– Зачем ты это сделала?

– Так. – Я смотрела в окно, в ночь. – Душно здесь...

Но прошли дни, недели, а ничего не стряслось. Твайт успокоился и продолжал учить меня. Поэтому я удивилась, когда однажды (дело уже шло к весне) застала Твайта в величайшей растерянности. Он выбежал мне навстречу.

– Ирруби! Ирруби! Подавай на стол! У нас гость!! Лучшее, что есть в доме! И, – тут он понизил голос до шепота, – будь осторожнее. Не разговаривай с ним. Он многое видит...

– Ладно, прикинься дурочкой. А в случае чего – отведу ему глаза.

Твайт был так растерян, что не сделал мне в ответ своего обычного замечания насчет деревенских глупостей, к которым он причислял умение отводить глаза.

У нас никто никогда не обедал. Твайт сам в еде был настолько неприветлив, а меня, как уже говорилось, держал на особом корму, так что мне пришлось поломать голову над тем, что же у нас «лучшее». Сидели они в центральной комнате нижнего этажа, которая обычно пустовала. Гость восседал за столом. Это был крупный вальяжный мужчина с круглой головой и тяжелыми веками, из-за которых почти не было видно глаз. На левой руке у него был перстень с дымчатым топазом. Я налила им вина, и гость выпил первым.

– Ты никогда в этом не разбирался, Твайт.

– Прости, Вартег.

– Ничего, пивал я и худшее. Пусть она несет обед. Как ты ее назвал? Ирруби? Странное имя. Не христианское. Похоже на древний язык... Что-то оно мне напоминает... Хотя не будем отвлекаться.

Твайт облегченно вздохнул, видя, что гость не обращает на меня внимания. Но мне пришлось вернуться с мисками. Вошла я на фразе гостя:

– Им не нужны человеческие осведомители, у них другие способы разузнавать новости...

Его явно не смущало мое присутствие, он говорил спокойно и уверенно. Я все же вышла. Вартег был более сведущим чернокнижником, чем Твайт, и если не обладал силой, то по крайней мере знал к ней пути. Мало ли что. Однако, когда некоторое время спустя я подошла к дверям, что-то заставило меня замедлить шаг. Может быть, потому что я услышала знакомое имя.

– Кен Мелен открыто нарушил обычай и углубился в светские науки. Хотя ты должен был знать его, последние свои годы он провел в Вильмане.

– Нет. Я же приехал сюда после войны.

– После смерти отца он совсем не общался с нами, искал какие-то свои пути... А здесь у него был покровитель.

– Да, примас королевства.

– Архиепископ, светлая ему память, ценил ученость. И Кен Мелен посещал его резиденцию в монастыре Всех Святых не меньше двух раз. Ходил слух, что он собирается там постричься, но он предпочел карьеру королевского советника. Похоже, архиепископ со временем метил его в канцлеры...

– Но не успел. Умер, а остальная церковная партия в Вильмане Мелена крепко не любила... А теперь говорят, что, если б Кен Мелен остался жив, Вильман бы не проиграл войну.

– Все может быть... Надеюсь, ты меня понял?

– С чего ты взял, будто Кайс как-то связан с Меленами?

– У тебя привычка все толковать превратно. – Я услышала смешок. – Я имел в виду совершенно обратную возможность. Кайс – не ученый и механик, он – маг и солдат. Высокий Дом уже показал, что может напрямую вмешиваться в события, а не только влиять исподволь. А что будет, когда он завладеет камнем Великой Матери?

У меня чуть миски не выпали из рук. Но я их удержала и с невозмутимым видом вошла в комнату и стала расставлять кушанья. Оба чернокнижника и не взглянули в мою сторону, похоже, они вовсе забыли обо мне.

– Откуда ты знаешь, что им нужен именно камень Великой Матери? – тихо спросил Твайт.

– Я бы мог ответить, что у меня есть свои способы раскрывать секреты, но я не стану лгать старому другу. Кайс сам открыто говорил о том, что он ищет, и не делал из этого тайны.

– Кайс! А не Высокий Дом!

– А я просил тебя смекать!

– Что же это, что ж это, что ж это такое, – забормотал Твайт своей обычной скороговоркой. – Какая сила в этом талисмане?

– Не знаю. У меня, видишь ли, всегда был иной, более прикладной, взгляд на магию. Сами по себе эти камешки Великой Матери ничего не представляют, обычные обереги. Но якобы на этот – именно на этот – наложены очень сильные чары. Неподвластные никому из нас. Какая-то не наша магия, чужеземная...

– Давно ли об этом стало известно?

– Слухи распространились в прошлом году. Но поиски, несомненно, велись и раньше.

Твайт поднял глаза и увидел меня у противоположной стены. Вздыхнул.

– Оставим это. Надеюсь, ты будешь ночевать у меня?

– Надейся, надейся. Вильман до и после войны – два разных города. В прежние времена я плюнул бы на фискалов и пошел в гостиницу. Но с тех пор, как в Вильмане больше нет двора, у вас здесь стало очень скучно жить. Думаю, что не задержусь в вашем городе.

Когда стемнело, Твайт сам проводил гостя в спальню на верхнем этаже, а я собрала посуду, отнесла ее на кухню и принялась мыть. Несколько позже вернулся Твайт.

– Я заглянул к нему. Он спит. Он не распознал тебя, и это хорошо. Но остальные известия не сулят ничего доброго.

– Можешь не пересказывать. Я слышала часть вашего разговора.

– Выходит, ты знаешь? – Он сел на табурет, сжав пальцы на коленях.

– Кайс – ставленник Высокого Дома? – Я ожесточенно терла блюдо мочалкой.

– Вартег так считает. Я бы не сказал, что он меня убедил. Но иногда мне кажется, что он прав.

– А говорил – выше понятий добра и зла, запрет на убийства...

– Говорил. И все это правда. Высокий Дом создавался из самых благих побуждений как противовес силы – насилию. Но обладание силой неминуемо приводит к жажде власти. Настоящей власти. – Он помолчал немного. – И разве ты не замечала, с какой готовностью люди стали впадать во зло?

– Замечала. Но это все же простые люди.

– Разве ты не помнишь великий закон Трисмегиста?

У Трисмегиста много законов, и все великие. Но на сей раз я сразу поняла, что Твайт имеет в виду.

– Что наверху, то и внизу?

– Да. И этот закон распространяется на все. И на всех.

– Кроме того, – заметила я, – не обязательно ведь убивать своими руками. Можно нанять убийцу, можно убить с помощью чар... – Я начала расставлять миски и блюда на полке. – Зло

укрепляется в мире, а я мою посуду в городе Вильмане. А ты, Твайт, собирался править миром, а испугался обычного рыцаря-разбойника.

– Кайс – не обычный разбойник! Если он не выпестован Великим Домом, то что же тогда он такое? Ведь он – маг, а маг не может быть воином! Как же это у него получается?

– Глупости. – Я вылила грязную воду в ведро. – Я тоже могу делать много того, что мне не положено.

– Не говори так! Кроме того, Кайс может и не знать, кому он служит, а про камень ему умело подсказали.

– По-моему, ты сам запугиваешь себя больше, чем Вартег.

Он посмотрел на меня жалобно.

– Но, Ирруби, ты должна понимать, почему я боюсь. Если Высокий Дом или Кайс найдут нас прежде, чем мы овладеем всей силой талисмана или хотя бы узнаем, в чем она заключается... почему именно «Шу» и «Тефнут»...

– Вартег сказал тебе – ничего особенного в этом камне нет. А «Шу» и «Тефнут» означает всего-навсего созвездие Близнецов!

– Что?

– Да, ты сам мне назвал главные значения: единство, движение и дыхание, что еще? Меч и арфа, огонь и вода, сила мужская и женская – но самое простое, великий знаток звезд, ты забыл – Близнецы!

– Но Небесные Близнецы – это братья Диоскуры... Gemini...

– У греков и римлян. У египтян, чьими знаками помечен камень, – брат и сестра.

– Откуда ты узнала?

– Да из твоих же книг, которыми ты меня напичкал!

– Почему ты сразу не сказала мне?

– Забыла, наверное. Только сейчас в памяти всплыло. Так что это – обычный астрологический талисман и ничего больше.

– Нет. – Твайт покачал головой. – Если так, то почему за ним охотятся Высокий Дом и Кайс? Ты не права. Кроме того, есть еще одна вещь, которой ты не замечаешь. Чары, которые наложены на талисман, для знающего заметны. Но когда талисман на тебе, никакого влияния не чувствуется. Будто ты своим существованием снимаешь его действие. Поэтому Вартег, могущество которого гораздо больше моего, ничего не заметил. Однако стоит тебе его снять... Нет, судьба не совершает ошибок, талисман предназначен тебе.

– Не мне. Человек, который мне его вручил, ясно произнес: «Отдай». Кому?

– Мы поговорим об этом позже. Я устал, Ирруби, и хочу спать.

Он ушел, а я осталась сидеть на темной кухне. У меня было чувство, будто я совершила ошибку. Но какую? И что делать дальше? Я так привыкла к талисману, что совсем забыла о нем. А ведь он не мой. Я и талисман никак не связаны между собой. А Твайт думает иначе. Кто из нас прав?

Весна наступила так же рано, как и зима. Вартег отбыл из Вильмана через день после того разговора – он поступил на службу к какому-то владельческому господину на севере, и сюда за ним прислали специальный эскорт, так что все было вроде как обычно. Но меня все время что-то грызло, а я к этому не привыкла. Я привыкла, что с душой у меня все в порядке. Но прошло уже больше года с тех пор, как талисман попал ко мне в руки, а я все не знала, кому его передать.

И пришла пора удивляться мне, когда однажды заколотили в дверь и на пороге появился Вартег. Вид у него был такой, будто он проделал очень долгий путь по очень плохой дороге в очень тряской телеге, его прежняя самоуверенность заметно отступила. Он быстро прошел

мимо меня и направился в мастерскую Твайта. Твайт был дома, он вообще выходил чрезвычайно редко. Он всплеснул руками.

– Ты? Какими судьбами? А я думал, что...

– Я без работы, Твайт. – Вартег устало опустился в кресло. – Моего барона разбили, его земли разграбили, а сам он бежал на побережье, так что ему сейчас не до придворного чародея.

Твайт сделал мне знак, чтобы я принесла гостю выпить. И на сей раз Вартег выпил принесенное мною вино без всяких замечаний. Жадно, залпом, до дна. Поставил кружку на стол и сказал:

– А хочешь знать, кто разделал моего барона? – И не дождавшись вопроса: – Кайс.

Твайт мелкой рысцой приблизился к столу.

Я снова налила вина. Вартег схватил кружку, но пить не стал.

– Кайс это сделал. Так, походя. И земли грабить не стал, этим занялись наши соседи.

Кайс там не задержался. И, похоже, движется сюда, на Вильман.

В голубых, со слезой, глазах Твайта было отчаяние.

– Когда... – Он не договорил.

– Примерно месяц тому.

– Но тогда он должен уже быть здесь!

– Дороги еще размыты. А у него – отряд. Думаю, что я его обогнал.

– Почему же... почему ты бросился сюда, а не к морю?

– Потому что Вильман – ближайший город, и у него, несмотря ни на что, крепкие стены!

А Кайс – не правящий совет Сламбеда, у которого под началом тысячи солдат. У Кайса не хватит людей, чтобы взять Вильман.

– И все же он идет сюда.

– И что из этого следует? – Вартег поднялся. – Что в данном случае Кайс уповает не на военную силу. Я люблю жизнь, мой друг, и буду всячески стараться ее сохранить, но я не так труслив, как ты, и не прочь посмотреть, что это за сила. А сейчас я собираюсь пойти передохнуть, завтра же напрошусь на прием к наместнику. Предосторожности никогда не мешают.

После ухода Вартега Твайт сказал:

– Не исключено, что нам придется бежать, Ирруби.

– Тебе. Я никуда не побегу.

– На что ты рассчитываешь?

– Это нечестный вопрос, Твайт.

Но когда я осталась одна, я задала себе тот же вопрос. В самом деле, на что я могла рассчитывать, если война придет в город?

На астрологические таблицы Твайта? Или... на ту странную силу, приступы которой я ощутила в ночь летнего солнцестояния и в день своего прихода в Вильман?

Я попыталась сосредоточиться. Ничего. Только странное чувство, будто внутри меня находится огромный колодец или шахта и я могу в любой момент туда рухнуть. Внутри себя. Это надо осмыслить.

А что ж тут осмысливать? Сила здесь, она в глубине, что же может выволить ее? Соблазн зла, который был мне всегда известен – недаром же я изучила все пути Черных, никогда на них не вступая.

Но еще больший соблазн – уничтожить зло. Его я тоже испытала, и, по моему разумению, был он ничуть не лучше. И долго ли мне будет служить спасением моя лень?

Наместник принял Вартега, но чем кончилась их встреча, я не знаю. Вартег продолжал жить у нас, однако приходил только ночевать. Пару раз являлся каноник Руфий, и все трое, вместе с Твайтом, беседовали при закрытых дверях. Я не делала попыток узнать, о чем они говорили. Но то, что Руфий допускался к беседе, свидетельствовало за себя. Судя по некоторым прежним его замечаниям, Вартег относился к Руфию крайне пренебрежительно. Чувство-

валось, что еще пара недель, и Твайт не выдержит. Не будь здесь Вартега, он бы просто удрал, а так – он им все про меня выложит.

Ну и пусть.

Однажды Руфий прибежал в неурочный час. Именно прибежал, а при его дородстве и сане это было не совсем уместно. Твайт и Вартег воззрились на него.

– Я был в канцелярии епископа, – промолвил он, отдышавшись. – Это важно.

– Мы слушаем тебя.

– Епископский викарий – мой старый приятель, и он по секрету сообщил мне известие, полученное его преосвященством. Кайс не пошел на Вильман, а повернул западнее. Судя по всему, он приближается к монастырю Всех Святых.

– Значит, мы спасены! – воскликнул Твайт.

– А монастырь? – с тоской спросил Руфий.

– Это уж забота наместника.

– Верно, гонец и прибыл просить у наместника солдат для защиты монастыря.

– А что Кайсу понадобилось в монастыре? – вдруг с подозрением спросил Твайт.

– Возможно, ничего, – сухо ответил Вартег. – Показывает себя. Я же говорил: он – чудовище.

– Что ж, будем надеяться на наместника.

Я ушла на кухню, чтобы подумать без посторонних. Стала вспоминать, что слышала о монастыре от горожан и Твайта. Это место благословенное и проклятое одновременно. Раньше, в забытые времена, там было языческое капище Реты, здешней богини войны и охоты, потом – римский храм Дианы, а после на его развалинах выстроили монастырь. Одна сила приходила и низвергала другую, а камни храма были все те же.

Но не эта мысль смущала меня. Другая. Другая!

Вся троица вновь собралась через два дня, под вечер. Вартег уже успел посетить наместника, Руфий – викария.

– Наместник знает, что монастырь обложен. И он не даст солдат. Говорит – это не его дело.

– Но что же делать, что же делать? – Руфий был близок к рыданиям. – Гонец рассказывал, что в монастыре собрались, спасаясь от огня, жители всех окрестных сел. Монахи поклялись не открывать ворот, но они же не воины...

– И все же наместник не желает даже слушать. Земельные владения монастыря не подлежат его власти, и он говорит, что не будет рисковать своим гарнизоном из-за церковных распрей. Вот если бы монастырь по-прежнему оставался резиденцией примаса...

Так. Я прислонилась к стене. Трое беседующих перестали для меня существовать.

Покойный примас – покровитель Кена Мелена, который наезжал в монастырь. Луп Мелен, посещавший «полуденные страны». Талисман с Востока. И передавший мне его человек, похожий на монаха. Цепь выстраивалась. Камень, несомненно, хранился в монастыре. И Кайс думает, что он до сих пор там.

Теперь я знала, что нужно делать. Недаром же я пробралась прошлым летом через воюющие земли, недаром Вартег и Руфий забывали о моем присутствии – я умела отводить глаза людям! Но это умение было надобно мне до поры до времени. Пусть Кайс увидит, что в монастыре нет талисмана, пусть узнает, у кого талисман, а потом...

Нет, нельзя отдавать талисман. Мне этот камешек не нужен, но раз из-за него льется кровь, он важен. Пусть Кайс попробует отловить меня, если сумеет. Потому что за монастырем начинаются леса, а в лесу меня защитит каждое дерево.

Прощайте, Твайт, астрология и мантика!

Назавтра меня уже не было в Вильмане.

III. Злой маг

Ветер шел с северо-запада, мне в лицо, и я всем существом старалась уловить запахи леса. Мне казалось, что я их ощущаю, хотя лес был далеко от меня, а монастырь близко. Один переход...

То, что я делала сейчас, было еще хуже прошлогоднего безумия. Но воля, двигавшая мной, уже не было моей. Напрасно я пыталась прибегнуть к логике, убеждая себя, что любое вмешательство в естественный ход событий уже есть зло. Напрасно же я пыталась опереться на самое спасительное свойство – свою лень. Ведь если бы лень взяла верх и я вместе с талисманом осталась в Вильмане, то и зла бы никому не причинила, и Кайс талисмана точно бы не получил. Блистательный довод! Беда только в том, что моя лень начисто исчезла. Совсем. Оставалось надеяться на то, что Кайс, подобно мне – стихийный маг, малообученный, и что он, охотясь за камнем, как и я, не знает в точности, что с ним делать.

От Вильмана к монастырю пролежала хорошая дорога, еще с римских времен, когда там был храм Дианы. Но эта дорога наверняка была перекрыта Кайсом, поэтому мне пришлось делать крюк. И вот – обходной путь кончился. Оборвался. Я стояла на краю обрыва, прислонившись к старой накренившейся сосне, и смотрела вниз. Монастыри обычно стоят на возвышенности, но здесь, судя по всему, часто случались оползни. Дорог было две – та, о которой я упомянула, и другая, врезанная между высокими краями обрыва, уводящая туда, где голубел Великий лес. А передо мной лежал монастырь. Было около полудня, день стоял ясный, а у меня, как уже сказано, острый глаз. Сначала я постаралась разглядеть людей, толпившихся на стенах монастыря. Я могла различить только рясы и холщовые одежды крестьян. Ни лат, ни шлемов я там не заметила, хотя многие были вооружены. Зато заметила кое-что другое. На сей раз монахи поступились своими строгими правилами и пустили женщин за стены. Женщин и детей.

Осаждающие были видны мне лучше. Они не походили на солдат регулярной сламбедской армии, составлявшей гарнизон Вильмана. Просто люд разбойный. Из чего вовсе не следовало, что они хуже знают свое дело. Судя по выжженной и вытопанной земле, монастырь уже пытались брать приступом. Но до сих пор мощные стены выдерживали. Теперь осаждавшие готовились к новой попытке. И все развертывающиеся вокруг стен действия стягивались к единой точке, за которую зацепился мой взгляд. Это был высокий человек в круглом шлеме без всяких украшений и кожаной куртке, обшитой бронзовыми бляхами. Из оружия у него были меч и длинный нож. Вроде меня, железа не боится... Если он и в самом деле маг.

Тяжелый рокот донесся до меня со стороны дороги. Кайс обернулся. Хотя он находился далеко и лицо его отчасти было скрыто лобной и щечной пластинами, мне показалось, что я где-то уже видела его раньше. Потом я посмотрела туда же, куда и он. Дюжина громил перла к дверям монастыря обшитое медью бревно. Хорошего дерева не пожалели...

Готовился новый штурм. На стенах было тихо. То ли у осажденных кончились стрелы и они ждали, когда враги полезут на стену, чтобы вступить в рукопашную, то ли воля их уже была парализована другой, более сильной волей.

Пора.

Прежде чем таран ударил в ворота, я отклонилась от дерева и заорала:

– Кайс!

Никогда не думала, что у меня такой голос. У самой и то заложило уши.

– Кайс! Ты ищешь камень Великой Матери?

Думаю, меня хорошо было видно на краю обрыва. Я сорвала цепочку с шеи и взмахнула ею в воздухе.

– Он у меня! Вот он!

В дерево рядом с моей головой вонзилась стрела. Стрелял не Кайс, а кто-то из его людей. Но мне некогда было разглядывать. Сейчас они полезут вверх. Я развернулась и побежала, срезая наискосок, туда, где так же наискосок дорога уходила от низины к лесу. Она была далеко внизу...

Это был прыжок, на который прежде я никогда бы не осмелилась. Как я не переломала себе руки и ноги, не знаю. Но я, кажется, даже не ушиблась особенно. Повернувшись, задержала дыхание. Нужно было только сосредоточиться... Когда-то я знала, что силой одного только желания могу выбить из опор несущую балку собора и обрушить ее на голову прохожим. А тут только земля, склонная к оползням, и я никого не собиралась убивать...

Это оказалось гораздо легче, чем я предполагала. Когда пласты земли начали мягко сползать на дорогу, мне даже не понадобилось делать передышки. И я помчалась к лесу. У них были лошади, а я не стану утверждать, будто бегаю быстрее ветра. Но им нужно будет расчистить завал, или искать объезд, или лезть наверх пешим манером. На все нужно время – если только Кайс не уберет завал иным способом. Хотя вряд ли. Иначе ему не понадобился бы таран.

А дальше, мне кажется, действовала уже не я. Не помню, ни как я бежала, ни как добралась до леса. Я полностью вложила себя в этот бег, и ни для мыслей, ни для впечатлений уже не было места. Помню только, как рухнула где-то глубоко в чаще, во влажном хвойном сумраке Великого леса. И пока я валялась там, обессиленная, что-то странное стало происходить со мной. Будто я скovyрнула верхний пласт не только с обрыва, но и со своего существа... О нет, это не был приступ силы, подобный прежним. Сила, я знала, всегда была со мной. Знала я теперь тоже много. Но раньше это существовало во мне как бы обособленно. Сейчас же сила и знание начали воссоединяться. И пустые формулы и заученные жесты обретали смысл. И еще я помнила затверженные когда-то слова: «Сила полна, когда обращена в землю».

Я поднялась на ноги. Первым делом нужно было обеспечить защиту. Погоня не появлялась, но это не значит, что ее не будет совсем. Задержка помогла лишь понять, что Кайс не способен уничтожить завал. Но границы его умения по-прежнему неизвестны. Иногда достаточно самых простых способов... Я вгляделась и увидела большую старую ель. Не очень подходящее дерево для женщины, но подходящее к моему предприятию. Я полезла за ножом и тут только обнаружила, что больше не держу камень в руке. Цепочка снова висела у меня на шее. Когда я успела ее надеть, тоже не помню. Достав нож, я срезала сухую ветку примерно в две трети моего роста и очистила ее, так что получилось нечто вроде посоха. Я могла бы обойтись и без этого, но лучше знать, что можешь на что-то опереться. Во всех смыслах. Затем я нашла небольшую поляну, начертила посохом круг на земле и трижды обошла по ходу солнца, повторяя: «Земля, я не причиню тебе вреда. Вода, я не причиню тебе вреда. Ветер, я не причиню тебе вреда. Я ваша, я ваша, я ваша». Замкнув круг, я села на землю и нарисовала вокруг себя знаки «Алеф», «Мем» и «Шин». Но и установив защиту, я не позволила себе отдыха. Прошло уже несколько часов с тех пор, как я видела Кайса, успело стемнеть. Я не могу оставить его в покое. И не могу обнаружить себя. Я положила посох на колени и закрыла глаза, успокаивая дыхание и концентрируя мысль. Как это мне тогда казалось – колодец... внутри себя? Ну, так я загляну в этот колодец.

Там не было ни тьмы, ни света. Вернее, свет существовал, но не было его источника. Пространство светилось само собой. Не было также и теней. Я стояла в пустоте, в центре ее, а вокруг меня во всех направлениях тянулись разные нити, исчезая в бесконечности. Одни были толсты, как канаты, другие тонки, как паутина. Я провела рукой над этими нитями, я знала, что не ошибусь, но хотела убедиться. Та, над которой я задержала руку, стала обволакиваться серебристым свечением. Я схватилась за нее, и нить натянулась. Там, на невидимом для меня другом конце, нить дернули, и она стала похожа на струну. Теперь я знала, что меня услышат.

– Кайс, я здесь. Талисман со мной. Приходи за ним. Но только один.

Я быстро выпустила нить и открыла глаза. Приоткрыться можно лишь на мгновение. Еще немного – и он бы меня обнаружил. А он должен искать. Поэтому ради быстроты связи я не могу позволить себе дожидаться ответа. А может, его и не будет – ответа. Но, во всяком случае, теперь я знаю, как сделать, чтобы он меня услышал. И, перекрыв внутреннюю защиту, я могла позволить себе немного отдыха. Хотя я впервые прибегала к подобным чарам, я знала, что они очень сильны.

И мне не нужно было докапываться, откуда я знала. Просто знала, и все.

Спать, однако, мне пришлось недолго. Среди ночи меня разбудил отдаленный звук. Он был страшен и похож на вой существа, каких не бывает в природе. Или, может быть, звук рога, но такого чудовищного, какого еще не приходилось мне слышать. А потом – другой звук, ближе. Это было хлопанье тяжелых крыльев. Но, сколько я ни вглядывалась в темноту, птицы мне не удалось разглядеть. Невидимое существо пронеслось мимо, не задев очерченной границы круга. Словно там было дерево или скала. Так и должно быть. Кайс, несомненно, вступил в сговор с Черными. Но если все, на что он способен, – насыщать слепые мороки, то я могу спать спокойно. И я уснула.

Звук рога меня и разбудил. Но на сей раз в нем не было ничего сверхъестественного. Обычный охотничий рог... Я открыла глаза и бессознательно крепче сжала посох.

Между деревьями мелькали человеческие фигуры. Двое показались в просвете. Я их сразу узнала. Из того сброда, что осаждал монастырь. Ну, Кайс, так мы не договаривались! Не смог достать меня силой чар, так устроил облаву. Однако нужно было что-то предпринимать. Пока они меня не заметили. Хорошо, что у них не было собак, собаки и лошади умеют распознавать чары лучше всех живых тварей... А если они наткнутся на преграду... да и сработает ли она против них? Чары, неодолимые для мага, зачастую бессильны перед обычным человеком. Следовательно, нужно отвести им глаза.

В кустах что-то зашуршало. На поляну между мной и преследователями выбежала лань. Вот на кого я наведу чары! Я сосредоточилась. Вместо лани они должны увидеть девушку... и я придам ей сколь можно больше сходства со мной. Ну же...

Через мгновение я и сама увидела ее. От меня она отличалась только тем, что в руке у нее не было посоха. Один из охотников сорвал рог с ремня и затрубил. Увидел! Предупреждает остальных! Девушка-лань мгновенно рванулась с места, те – за ней. Я подождала еще немного, хотя охота явно откатывалась в сторону. Лани бегают быстро, уж наверняка быстрее, чем я.

Я дала им некоторый срок погоняться по лесу. Вторым зрением мне удалось уследить за ними. Они стреляли в беглянку, на открытых местах гнались за ней верхом, но всякий раз она уходила от них, порядком измотав всю ораву. Но вот что важно – самого Кайса мне ни разу не удалось увидеть, хотя он, конечно же, должен был находиться среди них. Он тоже установил внешнюю защиту! Не так он прост, значит, и быстро усвоил преподанный урок. Посмотрим, сумею ли я снова достать его, как в прошлый раз.

Получилось! Внешнюю защиту он все-таки делать не умел. Я снова схватилась за серебристую нить.

...Запомни, Кайс, я сказала – один! Сам! Убери из леса своих людей, иначе никогда не увидишь камня Великой Матери!

На последних словах мне пришлось молниеносно прерваться, потому что я ощутила сильнейший толчок. Он ответил! Ну что ж, посмотрим.

Ночь прошла тихо. Очевидно, мое предупреждение возымело действие, и он вывел свой отряд. Однако и мне – что за склонность по-дурацки играть словами? – следовало сделать выводы. Развивая свои способности, Кайс сможет в конце концов обнаружить меня сам. Пора менять расположение. Не то чтоб я впрямь чего-то опасалась. Но моя вновь приобретенная натура требовала действия. Мне прискучило просто сидеть на одном месте, вот уж чего не ожидала от себя!

Прежде чем уйти, я решила на всякий случай соорудить обманку. Я стерла начертанные на земле знаки и разомкнула круг. При этом никаких враждебных влияний в воздухе я не ощутила. Я подобрала несколько веток и воткнула их в середину разомкнутого круга. Поперечный прут укрепила заговоренной сырой землей и пучком прошлогодней травы. Установив чучело, снова замкнула круг – снаружи. Уходя, обернулась, и мне самой показалось, что я вижу смутные очертания женской фигуры. А они, если вновь вернуться сюда, будут видеть ее ясно, пока не схватят руками.

Выйдя на свободу, я почувствовала приступ голода и жажды. Ведь я ничего не ела около двух суток. Впрочем, заниматься магией всегда сподручнее на пустой желудок... Так же, как, говорят, идти в сражение. Я погрызла сухарь, который завалился в моем заплечном мешке. А вот с водой дело обстояло хуже. Я не чувствовала вблизи ни одного родника. Ладно, я могу потерпеть.

Прикинув, я решила пробираться севернее, ближе к горам. Почему-то близость гор меня успокаивала, может быть, потому что я всю жизнь провела в горах. Кроме того, где-то в том направлении должна быть река.

Я шла несколько часов, пока не наткнулась на нее. Это был не ручей, каких полно в предгорьях, а именно река, хотя и не слишком полноводная. Выше по склону, с которого она бежала, образовался завал из веток и плавника, за которым крутился небольшой омут. Больше я ничего не успела рассмотреть, потому что жажда взяла верх. Зажав посох в одной руке, я наклонилась, чтобы зачерпнуть воды. А когда поднялась на ноги, увидела, что на другом берегу стоит Кайс. Так быстро он нашел меня!

Он выглядел так же, как у монастыря, в той же куртке и круглом шлеме. И снова мне показалось, что я где-то уже видела его раньше. А потом...

Он легко выхватил меч из ножен и повел им по воздуху в мою сторону. И в то же время посох у меня в руке вспыхнул, как пучок соломы, с обоих концов, и, не успев сообразить, что делаю, я отшвырнула его прочь. Посох отлетел на середину реки и воткнулся, пылая, на середину отмели. Ах вот как! Ну что ж... Я взмахнула руками, и меч сам собой вывернулся из рук Кайса и, описав в воздухе дугу, вонзился в песок рядом с остатками посоха.

По-моему, Кайс не ожидал, что я смогу действовать без посоха. Он потянулся за кинжалом, потом передумал и ступил в воду. Похоже, он исчерпал запас своих магических сил и решил прибегнуть к обычному оружию. Он шел, чтобы схватить свой меч. А у меня боевого оружия не было, да если бы и было... Вода! Ну конечно, вода! Я посмотрела вверх и шепнула пару слов. Запруда рухнула, и высвободившаяся вода хлынула вниз и сбила Кайса с ног. Пока он барахтался, я успела скрыться.

Успокоилась я только когда оказалась в глубине леса. Не стоило мне выходить оттуда. Я почему-то чувствовала, что Кайс опасается заходить далеко в лес и предпочитает открытые места. А я – наоборот. Но я так же не ожидала, что Кайс использует меч в качестве чародейского посоха. Насколько мне известно, в магической практике это нечто исключительное. И как он нанес удар... Проклятие! Огонь-то я не заклала! И как я заклала землю и воду, Кайс мог догадаться заковать огонь и железо. А теперь уже поздно... Что он может предпринять дальше? Поджечь лес, чтобы выгнать меня отсюда. А я обещала не причинять лесу вреда. Значит, нужно сделать так, чтоб лес не загорелся.

Я посмотрела на небо. Ни облачка.

Теперь мне предстояло прибегнуть к чарам, о которых я знала с детства, но никогда ими не пользовалась. Собственно, власть над погодой относится к разряду того самого деревенского колдовства, к которому ученые-маги испытывают презрение, но я что-то не встречала никого, кто бы этим занимался по-настоящему. Визуна... конечно, она учила меня. Однако предпочитала давать погоде меняться своим порядком.

Дождь. Для начала.

Мне удалось сделать это, хотя понадобилось напряжение всех внутренних сил, чтобы притянуть тучу с самого Святого перевала. И не верьте тем, кто говорит, будто для этого достаточно снять башмаки и вывернуть чулки наизнанку. У меня ушло столько сил, что, когда хлынул дождь, я не сразу смогла подняться. И только когда меня начало заливать со всех сторон, я отползла под разлапистую ель. Я вымокла с ног до головы, и меня била дрожь. Подумать только, совсем недавно я страдала от жажды! Но нужно суметь согреться. Самой. Огонь нельзя зажигать, он и не загорится, я сама сделала так...

Дождь шел еще сутки, сперва настоящий ливень, потом просто морось. Я сумела разбудить в себе скрытые силы, и мне больше не было холодно. Лес был мрачным, темным и сырым, а я сидела под деревом и пела Песню Тумана.

Так это было. Слова песни медленно выплывали со дна моей памяти, тяжелые, тягучие и смутные, и так же медленно наплывал туман, петлями захватывая стволы, волнами укрывая верхушки деревьев. На сей раз, устанавливая защиту, я решила обойтись природной магией, не прибегая к высшей. Что-то говорило мне – нельзя тревожить высшие силы слишком часто. Теперь я знала, чего не может Кайс, и плела для него преграду из этих элементов: вода, растения, мокрая земля, туман. Они должны были составить новый круг, а не заклинания и тайные знаки. И новый круг должен быть гораздо больше, чтобы я могла свободно передвигаться внутри него.

Песня кончилась. Туман заполонил лес. Я вышла из своего укрытия и побрела без цели. Заговор позволял мне не наткнуться на деревья, и я блуждала по лесу. Похоже, что Песня Тумана повлияла заодно и на мой рассудок. Странные видения проносились в моем мозгу. Звезды... много звезд, хотя откуда им было взяться в тумане? Не знаю. Сколько я проблуждала – день, два? И остановилась только когда среди тумана образовался четкий коридор. И одновременно прояснилось мое сознание. Я находилась на просторной поляне. Оттуда, где расходился туман, ко мне шел Кайс.

Он двигался медленно. Разбивая мои чары, он потратил слишком много сил и шел с трудом.

Камень у меня на груди стал горячим, и знаки на нем – или мне так казалось – загорелись огнем. Я сдернула цепочку с шеи, и Кайс, повторяя мое движение, провел рукой у горла и опустил руку. Тогда я медленно подняла вверх руку с талисманом, и он точно таким же движением поднял свою. Он видел. Он знал. Но почему он повторяет мои движения? И при этом не сводит с меня глаз.

У меня была еще возможность скрыться. Но я не двигалась с места. И внезапно я с пронзительной ясностью поняла: я шла сюда вовсе не для того, чтобы отвлечь Кайса от монастыря. Я шла, чтобы передать ему талисман.

«Отдай ему».

Я вспомнила человека со стрелой в спине, мертвую Визуну, скорчившуюся у стола, расширенные от ужаса зрачки Твайта.

Кайс все смотрел на меня сквозь прорези шлема как зачарованный.

Он зачарован или я?

Я больше не могла этого выносить. Пусть все кончится поскорее! И я швырнула ему талисман. Кайс поймал его на лету... и тут же другая его рука дернулась к горлу, хватая ворот, губы искривились, и он стал падать на траву.

Я сразу же забыла обо всем, кроме того, что человеку плохо. Метнулась к нему, склонилась над распростертым телом. Он был жив, но без сознания. Пальцы вцепились в камень. Я растегнула на нем куртку, чтоб ему было легче дышать, стянула шлем. Впервые я увидела его вблизи.

И тут я поняла, почему лицо Кайса все время казалось мне знакомым. Я уже много раз видела это лицо.

В зеркале.

Ночь была сырая и холодная, хотя туман рассеялся. От ручья сквозило. Котелок с целебным настоем булькал на костре – теперь уже можно было разжечь костер. Мой брат спал, но это уже был сон, а не обморок. Один раз он пришел в себя, когда я давала ему пить, сказал: «А, это ты...» и снова закрыл глаза. Я думаю, он тоже все понял и не нуждался в объяснениях. Мне нужно было снова удерживать внешнюю защиту, но сейчас я могла не отдавать ей много внимания. Я размышляла.

Раньше мне казалось, будто я видела, как выстраивается цепь. Но я видела лишь ее обрывки. И только теперь она начала складываться.

...Близнецы, с рождения наделенные такой силой, что даже тогда они не могли нас убить. Только попытаться сделать так, чтобы мы никогда не узнали ни друг друга, ни своего предназначения. И они преуспели. Я впала в лень и безволие, а мой брат – во зло и жестокость. Он ушел по своей дороге дальше, чем я. Спасти его и сделать каждого из нас собой мог талисман Великой Матери. Тот, кто сохранил талисман в монастыре (кто его там спрятал – Кен Мелен? Архиепископ? – уже не имеет значения), нес его мне, чтобы я, в свою очередь, передала его Кайсу. Наемники Высокого Дома выследили его и убили. Но судьба не совершает ошибок. В то мгновение, когда стрела вонзилась в его спину, он увидел меня при свете звезд и успел передать мне камень.

Дальше. Визуну убил не талисман. Талисман лечил, а не убивал. А Визуну убил Высокий Дом. Обнаружив, что у посланца камня не оказалось, они стали разыскивать нового владельца, справедливо предположив, что он не владеет искусством защиты. И они нашли Визуну, когда талисман был у нее в руках, и уничтожили ее с помощью чар. Поэтому никто из них в течение года меня не разыскивал. Я для них была мертва. А разузнать подробности у деревенских колдунов было ниже их достоинства. Я же натворила множество ошибок, и каждая ошибка приводила меня на правильный путь. Камень у того, кому он предназначен.

– Я никак не могу привыкнуть. Мы слишком похожи.

– Сейчас уже не слишком. Ты здорово отощал, и борода отросла.

– Все равно. Когда ты говоришь, я могу угадать следующее слово. Когда ты делаешь движение, мне тоже хочется его сделать. Кто из нас отражение, а кто – настоящий?

– Мы оба – настоящие, и оба – отражения. И не горячись. Это тебе вредно.

– Неправда, я уже здоров.

Это ему так казалось. Он все еще был слаб и передвигался с трудом. Талисман не хотел снимать. Вдобавок у нас почти нечего было есть. Через границу защиты никто не мог проникнуть, животные в том числе. Я собирала ранние грибы, выкапывала корни, но разве это еда для мужчины?

Мы много разговаривали. Брат рассказал мне о себе. Как вырос среди солдат и на войне. Его приемный отец, сам родом из Эйлерта, служил наемником Сламбеда и погиб в сражении у Больших Болот, том самом, где показали себя боевые машины Кена Мелена. И он, Кайс, тогда понял: знание – это оружие, а потом, еще подростком, обнаружил в себе силы, которые давали власть и, следовательно, годились для войны. А что еще он, прости Господи, мог подумать? И с чего я решила, будто Кайс – чудовище? По свидетельствам Твайта и Вартега – тоже мне пророки! О камне Великой Матери Кайс услышал около года назад от одного бродячего монаха. Теперь он думает, что монах был к нему подослан, но кем – неизвестно. Какие силы противодействовали за пределами моей долины все прошлые годы, еще предстояло узнать...

Когда я высказалась на сей счет, Кайс перебил меня:

– Что же мы будем делать дальше?

– Разве не ясно? Если они с самого начала так боялись нас, значит, было чего бояться. Мы – угроза Высокому Дому. Следовательно, мы должны найти его и разрушить.

– Ты собираешься драться с ними?

– А ты разве нет?

Он впервые вспыхнул по-настоящему.

– Я дрался всю свою жизнь! Здесь, в лесу, я впервые узнал покой, и я больше ничего не хочу! Я устал... Я хочу жить в лесу, никуда не выходить и никого не видеть!

Господи всемилостивый! Он говорил совсем как я когда-то! И он был прав. Бесчеловечно тащить его за собой, больного, измученного.

– Хорошо! Я приведу тебя в долину, в дом, где я жила многие годы, там тебе будет спокойно.

– А ты? Разве ты не останешься?

– Нет. Я тоже не могу жить, как жила раньше.

– Ты хочешь, чтобы я оставил тебя врагам, а сам спрятался?

– Нет. Ты неправильно...

Мы оба замолчали. Потом Кайс сказал:

– Я пойду с тобой, если ты ответишь на один мой вопрос. Помнишь, тогда, у реки, ты отобрала у меня меч? Ты легко могла бы убить меня. Почему ты этого не сделала?

– Ты мог бы заметить, что я не заключаю сделок, – произнесла я надменным тоном, которого едва хватило до конца фразы. – Я тебе и так скажу.

– Ты уже тогда догадалась, что я – твой брат?

– Нет. Но, очевидно, я чувствовала, что, убивая любого человека, можно убить брата.

Мы долго сидели молча. Потом Кайс сказал:

– Я пойду с тобой. Близнецы на то и близнецы, чтобы быть рядом. И не воображай, что ты убедила меня. У меня свои причины. Я хочу, например, узнать, кто наши родители и что с ними случилось. Высокому Дому это должно быть известно.

Я вынуждена была признаться, что подобный вопрос мне никогда не приходил в голову.

– Дети Великой Матери, так? – усмехнулся он.

– Может быть, – пробормотала я, – может быть.

Тогда мы стали собираться. Свои пожитки я сложила в заплечный мешок, который не разрешила нести брату. Достаточно того, что у него остался меч, тоже весивший дай Боже. Мы засыпали костровище. Потом я разомкнула круг. И ветер, ударивший мне в лицо, был теплым.

– Лето наступило. – Я вспомнила таблицы Твайта. – Солнце входит в созвездие Близнецов.

– Иррубикайс, – сказал брат.

– Что?

– На древнем языке это созвездие называлось Иррубикайс. Можно, я задам тебе еще один вопрос?

– Спрашивай, конечно.

– Что будет, когда мы победим Высокий Дом?

И я ответила честно:

– Не знаю.

5. Самоубийство по сговору

Любовная история? Отчего же нет? В бытность мою начальником городской полиции в Форезе... Я понимаю, как грубо это звучит для ваших ушей, сударыни, но именно там произошел случай, о котором я собираюсь рассказать. Речь идет о двойном самоубийстве в гостинице «Дельфин». Не слышали? Действительно, никто об этом уже не помнит. Хотя странно – единственное ведь происшествие такого рода на моей памяти. Не в духе нашего города. Форезе – город хоть и старинный, но небольшой и вдобавок портовый. И все «происшествия», какие там случаются, такие же, как в любом небольшом портовом городе. Драки, поножовщина, контрабанда и все такое прочее.

Гостиницу «Дельфин», где все произошло, не миновала общая участь. Это маленькое заведение на окраине. Хозяин понемножку приторговывал краденым, укрывал контрабандный товар, сдавал комнаты... ну, в определенных целях. Я, конечно, знал о его делишках, припугивал порой, но не больше. Знаете, если бы я всех за подобное отправлял на каторгу, город остался бы без жителей. Этот тип еще знал меру, а я не зверь какой.

Короче, когда одним прекрасным летним вечером туда заявила молодая пара ради комнаты на ночь, хозяин... нет, я не буду называть его имени. Просто оно не имеет никакого значения.

Так вот, хозяин на этот счет никогда не колебался. Он даже и не смотрел на них особенно. Ну, один-то раз посмотрел, когда деньги брал. Сговаривался с ним, само собой, мужчина. Он был не в мундире, но по выправке хозяин сразу определил, что это военный. Женщина держалась в стороне и в тени, и хозяин заметил, что она скромно, бедно даже одета и очень молода. Он мне сказал, что еще подумал – вот, мол, швейка или служанка выбралась на свидание с любовником, а ему, потому как на казарменном положении, некуда ее повести, кроме как сюда. Во всем этом он, кстати сказать, не ошибся, не мог только предвидеть, чем дело кончится.

Короче, молодой человек расплатился, поднялся со своей подружкой наверх, хозяин вскоре отправился спать, а утром его разбудили выстрелы. Когда высадили дверь, то обнаружили в комнате два трупа.

Хозяин, ясное дело, предпочел бы ничего не сообщать властям, а покойников куда-нибудь сплавить. Но у подобных людей всегда бывают недоброжелатели – соседи там, конкуренты, – и ко мне тут же послали, а он узнал, что послали, и решил, что лучше ничего не трогать.

Как только я узнал про два смертоубийства в «Дельфине», так тут же явился. Зрелище было такое. Девушка лежала на постели, молодой человек на полу. В руке у него был зажат пистолет, второй валялся рядом. Совершенно ясно было, что он сперва выстрелил в сердце своей спутнице, а потом себе в голову.

Оба они были одеты, постель тщательно застелена, всякие следы борьбы отсутствовали – короче, не надо быть человеком большого ума, чтобы понять, что перед нами чистое, как слеза, вполне сознательное самоубийство – даже если бы они не оставили записки. Записку, однако, они оставили. На столе лежал лист грубой бумаги с тремя строчками, включая подписи:

Умираем по собственной воле.

Жанна Арден.

Матье Матюрен.

В общем, все ясно, можно успокоиться. Но меня смущали некоторые обстоятельства. Да нет, в том, что это самоубийство, я не сомневался. Но, во-первых, хозяин божился, что новопредставленные постояльцы не спрашивали письменных принадлежностей. И я склонен был ему верить – чернила на бумаге давно высохли. Следовательно, они явились в гостиницу, уже

имея предсмертное послание с собой. Я не очень-то имел дело с влюбленными, решившими покончить счеты с жизнью, вернее, совсем не имел, но мне всегда казалось, что такие письма пишут в последний момент.

Второе – где-то я недавно слышал фамилию Матюрен. Точных обстоятельств я не помнил, но что обстоятельства были связаны с уголовным делом – определено.

И главное – сама записка. Не в том дело, что она казалась чересчур уж сухой и сжатой, – хотя в этом тоже. А в том, что слова «Умираем по собственной воле» и «Жанна Арден» были написаны одним и тем же почерком. Я опять же полагал, что в подобных делах решающую роль играет мужчина. И в общем-то был прав – оба убийства совершил он. Но записку писала женщина. И первой поставила подпись.

Я подошел и посмотрел на убитую. Вы знаете (а впрочем, может, и не знаете), как меняет смерть лица людей. Иногда они бывают ужасны. Иногда приобретают спокойствие, которого не хватало им при жизни. Это лицо казалось воплощением спокойствия. И я откуда-то знал, что оно уже было таким, когда к сердцу был приставлен пистолет, и смерть только закрепила это выражение покоя. У нее были темно-каштановые прямые волосы, широкие скулы, короткий нос. Глаза закрыты. Миловидна, но не более. И действительно, очень молода. Вряд ли ей было больше восемнадцати лет (впоследствии я узнал, что ей едва исполнилось семнадцать). Именно она написала: «Умираем по собственной воле».

Несмотря на безусловную ясность обстоятельств, было в них нечто странное. Пугающе-притягательное, если можно так сказать. И я решил выяснить, почему эти двое убили себя, хотя никто не заставлял меня этого делать. И принялся раскручивать события, как водится в нашем деле, с конца.

Тела самоубийц я не сразу передал похоронной команде, а велел переправить в портовый госпиталь – тамошний врач по бедности работал и на нас. Правда, никаких новостей от его осмотра я не ждал. Просто я человек добросовестный. Затем я отправил своих людей выяснить, не числятся ли пропавших среди приезжих. Главным образом из-за мужчины. Видите ли, я был знаком со всеми офицерами, проживающими в нашем городе, не так уж их здесь много, а он, похоже, был офицером. Его я не знал, следовательно, приезжий. Простая логика. Другое дело – девушка. Она могла быть и здешней, всех горничных и швей в лицо не упомнишь... А также принялся искать свидетелей.

Как ни странно, таковые нашлись почти сразу. Похоже, почти весь предыдущий день, по крайней мере от полудня, Жанна Арден и Матье Матюрен провели на людях. Точнее, на набережной. Не меньше десятка прохожих видели там молодого человека с девушкой, соответствующих данному описанию. Они ходили вдоль набережной или сидели на парапете. На вопрос, чем они были заняты, все свидетели отвечали одинаково: «Разговаривали». Из этого разговора никто не слышал ни слова. Ни единого. Никому, понимаете, не пришло в голову прислушаться. Ну, болтает влюбленная пара, ну, ведет себя так, будто ничего кругом не замечает. Прицепившись к последним словам, я потребовал свидетеля объяснить, что он имеет в виду. Тот сказал: «Вид у них был очень сосредоточенный, как будто что важное обсуждали, а не то, что у них на уме». Но я-то уже знал, что у них было на уме.

Во второй половине дня они зашли в харчевню, там же, на набережной. Служанка бы и не запомнила их, если бы спросили не только обед, но бумаги и чернил. Вот тогда-то, надо думать, они и написали послание, обнаруженное мною на столе в номере «Дельфина». И снова ушли бродить. Куда они пришли, известно.

Неожиданно обнаружили следы девушки. Один из моих людей разговорился с владелицей швейной мастерской возле городской площади. Оказалось, что пропала и не вернулась ночевать одна из ее работниц, а именно Жанна Арден. Как пропала? А вот вышла на площадь и не вернулась. Раньше за ней такого не водилось. Нет, она не была местной, эта Жанна. Появилась она около месяца тому назад – точнее мадам не помнила. Мастерицы были нужны, потому

что выбыли сразу две – одна померла от чахотки, другая удрала с любовником, ну, ее и наняли, тем более что она сразу согласилась на предложенную плату, и до вчерашнего дня никаких нареканий из-за нее не было. Жила она тут же, при мастерской, работала старательно, говорила мало, правда, водилась за ней одна странность – как только представлялась возможность, выходила на площадь поглазеть на прибывающие кареты. Ни разу, сколько другие за ней замечали, ни к кому не подошла.

Ладно, сказал я себе, и отправился в госпиталь. Про обстоятельства смерти ничего нового доктор не сказал – одна пуля в сердце, одна в голову. Мгновенная смерть – а как же, с такого расстояния не промажешь, разве что рука дрогнет. Но он сообщил мне еще одну подробность деликатного свойства... не знаю, как выразиться, чтобы не смутить ничьей стыдливости. Правда, вы и так наверняка догадались, что эти двое ночью в гостинице не «Отче наш» читали. Но доктор сказал мне, что до прошлой ночи девушка и в самом деле имела право называться таковой.

Я вернулся к себе и стал думать о причине самоубийства. Придумались мне две версии. Жестокие родители, запрещение на брак, проклятие, побег из дома и все такое прочее, что звучит романтической дребеденью, но нередко кончается кровью. Или так: любовь с первого взгляда, бедность, бездомность, никаких видов на будущее, хоть день, да наш, а там...

Додумать я не успел: явился один из моих с данными о молодом человеке. Кстати, их обнаружить было проще всего, и этот бездельник где-то зря болтался почти целый день. Итак, молодой человек прибыл в Форезе вчера утром верхом, остановился в гостинице «Сирена», самой, между прочим, большой и приличной гостинице нашего города, расплатился, оставил вещи в номере, а лошадь в конюшне, вышел из гостиницы, примыкающей, кстати, к городской площади, и более уже не вернулся. Записался он следующим образом: «Матье Матюрен, лейтенант драгунского полка из Кейна, в отпуске».

Когда я услышал название города, у меня в мозгу что-то повернулось. Я вспомнил, по какому поводу слышал фамилию Матюрен. Матюрен из Кейна... Обе мои версии были ошибочны.

Но прежде чем я продолжу, сделаю одно замечание, чтобы успокоить тех, кому моя история покажется слишком безнравственной, хотя сознаю, что этим нарушаю стройность повествования.

Матье Матюрен и Жанна Арден были женихом и невестой. И помолвлены они были больше двенадцати лет.

Как я уже сказал, с того мгновения, как я услышал слово «Кейн», кое-что стало мне ясно. Но я человек последовательный, как уже упоминал, добросовестный и люблю доводить дело до конца, даже если приходится выбираться за пределы округа. И через десять дней был уже в Кейне. Это провинциальный город, пыльный и скучный. Достопримечательностей там мало, разве что тюрьма. Тюрьма там большая, еще с тех времен, когда город был резиденцией Южного приората ордена святого Маврикия. А главное, она непосредственно связана с нашей историей. Потому что ее начальником до недавнего времени был человек по имени Николас Матюрен.

Он, вероятно, рожден был начальником тюрьмы. Честный, неподкупный, истово религиозный. Лет на пятьдесят раньше, когда еретиков у нас, да и в более просвещенных странах еще вовсю жгли и вешали, он был бы сущим проклятием для заключенных (впрочем, и после бывали события... но это я забегаю вперед), а сейчас – просто суровым чиновником. А также домашним тираном. Может быть, тираном – это сильно сказано, но уж самодержцем – точно. Для чад и домочадцев его слово было законом.

Чад было много – шестеро, правда, двое умерли во младенчестве. Не довольствуясь этим, однажды он привел в дом маленькую девочку – ей и пяти лет не было – и заявил, что намерен вырастить ее у себя в доме, а по достижении ею зрелых лет выдать замуж за своего старшего

сына Матье. Никому из домашних даже не пришло на ум оспорить это категоричное решение, более смахивающее на приговор, меньше всего самому Матье, который был на семь лет старше своей нареченной. Хотя, возможно, он просто не думал о столь удаленных по времени событиях.

Я же должен добавить, что все сведения, собранные мною в Кейне, стоили мне огромных трудов. И не потому, что горожане неохотно распространялись о Великом Скандале. Напротив. Просто о годах, прошедших с появления Жанны до преступления, мало что можно было сказать.

Матье Матюрен, достигнув юношеского возраста, покинул отеческий дом (но не против воли родителя, а наоборот, повинувшись ей) и поступил в драгуны. Если бы дело было в столице, происхождение сильно отравило бы ему жизнь. Но в городах, подобных Кейну, где хорошее общество крайне невелико, начальник тюрьмы – это просто государственный чиновник, вполне уважаемый человек. И клеймо «сын тюремщика» Матье Матюрена не коснулось. По службе он продвигался прилично, но не блестяще. Вообще о нем мало кто мог поведать что-то определенное. Он был из тех, о ком говорят «звезд с неба не хватает». Впрочем, ничего плохого о нем тоже нельзя было сказать. Вы таких людей наверняка встречали, знаете – молодой человек, исполнительный, доброжелательный, чаще всего белобрысый. (Я помнил, что у Матье Матюрена были светлые волосы. Обо всем остальном в его наружности после того, как он разнес себе череп, я предпочту умолчать.) Вполне уместен как на военной, так и на гражданской службе. Если за ним водились какие-то грехи – а как же без грехов по молодости лет в драгунах? – то столь незначительные, что согражданам не запомнились. Судьбу, предуготовленную ему отцом, он, похоже, принял не только покорно, но и с легким сердцем.

Если Матье Матюрен почитался окружающими за человека ординарного, то его невеста представлялась и вовсе пустым местом. Я сомневаюсь, что до дня преступления ее вне семейного круга вообще кто-то замечал. Впрочем, для женщины, говорят, это ценное качество. Все свое время эта маленькая, бледная, круглолицая девушка отдавала домашним трудам. Если кто-нибудь заподозрит, что Матюрен-старший взял в дом бедное дитя, чтобы обзавестись бесплатной прислугой, позволю себе возразить. Собственные дочери Матюрена вели тот же образ жизни. Взгляды Матюрена на женское воспитание были чужды новейших веяний – женщина должна знать свое место, полагал он, и быть хорошей хозяйкой. Вот умению вести домашнее хозяйство девушку и учили. Ну и еще грамоте (в чем я имел несчастье убедиться) и основам счета, чтобы на рынке не обманули. Правда, в этой сфере вряд ли и сыновья Матюрена получали лучшее образование.

Жанна хорошей хозяйкой, без сомнения, была. А вот о чем она думала и думала ли вообще, никто не интересовался.

Матье Матюрен посещал отцовский дом по праздникам и, следовательно, с невестой своей виделся. Однако, учитывая строгие порядки дома и суровый надзор старших, они никогда не оставались наедине, да и в присутствии посторонних вряд ли сказали когда-нибудь друг другу что-либо, выходящее за рамки «здравствуй», «до свидания» и «передай, пожалуйста, чашку».

Наконец Николас Матюрен назначил день свадьбы. Жанне исполнилось семнадцать лет – вполне созрела для брака. Матье – двадцать четыре, уже не мальчик, пора обзаводиться семьей.

За две недели до назначенного срока Николас Матюрен найден был в своей комнате зарезанным. В груди у него торчал кухонный нож, которым Жанна накануне чистила рыбу.

По осознанию этого факта кинулись искать девушку. Она исчезла.

Из-за суматохи не сразу была замечена раскрытая рукописная книга, лежавшая на столе убитого. Тем более что книга подлежала ведению тюремной канцелярии и находиться на столе начальника тюрьмы имела полное основание. Только после обыска в комнате пропавшей невесты удосужились взглянуть на страницу, на которой был раскрыт тюремный гроссбух. Запи-

санное в ней в сочетании с письмом, найденным в комнате Жанны (точнее, оставленном на видном месте), и пролило свет на произошедшее.

Письмо было анонимным. Неизвестно, каким образом оно попало к Жанне. Скорее всего ей подсунули его в церкви или на рынке – больше она нигде не бывала. Автор письма сообщал, что по воле Господней успел попасть в Кейн раньше, чем свершилось тяжкое преступление, которое, впрочем, есть лишь отголосок еще более тяжкого преступления, совершенного около тринадцати лет назад.

Я уже упоминал о печальных происшествиях, которые случаются, когда установившиеся были принципы веротерпимости колеблются. Именно в указанное время учинились в нашем королевстве очередные гонения на протестантов. И тогда же, сообщал автор письма, преследуемый протестант по имени Ефрем Арден попросил помощи и убежища у друга своей юности Николаса Матюрена. Тот убежище обещал. Но когда Ефрем Арден с женой и маленькой дочкой явились в указанное убежище, их арестовали, причем возглавлял солдат не кто иной, как сам Николас Матюрен. Дитя оторвали от родителей, а последних направили в Кейнскую тюрьму. Там они пробыли некоторое время, а потом их перевели в столицу, где состоялся большой процесс над диссидентами. Всю эту историю рассказчик слышал лично от Ефрема Ардена. Их судили на одном процессе, но повезло рассказчику больше, ибо ему смертный приговор заменили каторгой, а Ефрем Арден и жена его Герда были казнены. И хотя петли на их шеях затянул палач, убийца их – Николас Матюрен, да будет он проклят вовеки. И вот теперь, вернувшись с каторги, автор письма узнал о предстоящей свадьбе Матье и Жанны. Он заклинал Жанну отказаться от этого брака, ибо смешивать кровь убитых с кровью убийцы есть мерзость и грех перед Господом.

Неизвестно не только от кого получила Жанна письмо, но как и когда. Потому что она, по обыкновению, промолчала. Но действия предприняла. Нет, она не сразу схватила за нож. Письмо ведь могло быть и наветом, а воспоминания детства – обманчивы. Ей нужны были доказательства, и она их добыла. Никого не расспрашивая при этом и, следовательно, ни в ком не возбуждая подозрений. На ее действия повлияло то, что она выросла при тюрьме, даже можно сказать, в тюрьме, потому что жилище коменданта находилось в тюремном замке. А Жанне, входившей в семью коменданта, был открыт путь в различные помещения тюремного замка, том числе туда, куда не следовало бы. Привыкли, да и просто не обращали внимания. А тюрьма, надо вам сказать, такое заведение, где документы сохраняются весьма тщательно. Даже провинциальная тюрьма.

Одним словом, Жанна как-то добралась до тюремных архивов и откопала книгу записей за нужный ей год. И нашла даты заключения в тюрьму Ефрема и Герды Арден, а также их перевода в столицу. Теперь сочетание документа, письма и собственной памяти дало результат.

Очевидно, Николас Матюрен полагал, что, предав друга и его жену, исполняет долг перед Богом и государством, а приняв на иждивение его дочь и устроив наилучшим образом ее будущее, исполняет долг перед другом.

Очевидно также, что Жанна так не считала. Понятия не имею, успела ли она ему сказать, за что она его убивает. И успел ли он увидеть, как сдвинулась невыразительная маска и из-под нее выглянул дьявол? Или обошлась без этого?

Зато я совершенно уверен, что она могла бы все проделать так, чтобы ее никто не заподозрил. Но она до этого не снизошла. Вообще все обстоятельства, связанные с убийством, ясно продемонстрировали холодную рассудочность, жестокость, отсутствие страха и презрение к мнению окружающих – то, что составляло истинную сущность этой тихой и незаметной девушки.

Как я уже говорил, после убийства Жанна исчезла. А Матье, как согласно утверждали окружающие, «стал словно бы не в себе». И в самом деле. Достаточно уже и того, что невеста прирезала его же отца. Тем более что после убийства Матюрена по городу поползли разномы-

разные слухи, в том числе самые грязные. Николасу Матюрену приписывалось соращение своей будущей снохи – и наоборот. Однако Матье, без сомнения, были известны подлинные причины убийства. Еще один удар – то, что Жанна оказалась совсем не такой, какой он и все остальные ее считали, но полной этому противоположностью. Но главным, похоже, было другое. Он понял, что всегда любил свою невесту. Только никогда над этим не задумывался. Принимал как должное, как и все в жизни. И если бы она не убила его отца, он так никогда бы об этом и не узнал.

Но любил ли он отца? Не знаю. Может быть, и нет. Однако Николас Матюрен был его отцом, а его учили почитать отца. Чего же он хотел? Наверняка он и сам этого не знал. Он был потрясен, растерян, полностью вышиблен из привычных представлений о жизни. Впрочем, исходя из дальнейшего, мы знаем, чего он хотел – найти Жанну. Зачем? Вряд ли он смог бы ответить на этот вопрос.

И все же прошло более двадцати дней, прежде чем он сдвинулся с места. Полковое начальство с пониманием относилось к такому предмету, как кровная месть, и не чинило ему никаких препятствий по поводу отъезда. Может быть, он пытался дать Жанне время бежать, скрыться так, чтобы он ее никогда не нашел? И отправляясь в путь, он не знал, что ему делать и что он сделает.

Отъехав от Кейна к югу, Матье обнаружил, что, немного удалившись от города, Жанна перестала скрываться. Вызывающе перестала. Она показывалась в людных местах и везде называлась собственным именем – это я сам в пути установил. Откуда у нее взялись деньги на дорогу, не знаю, но предполагаю, что остались от хозяйственных расходов в доме Матюреных. (Она была хорошей хозяйкой, следовательно, экономной.) И Матье не понадобилось много времени, чтобы понять, что направляется она в Форезе.

Форезе – окраинная точка королевства, город, соединенный с материком только узким перешейком. Ведет туда единственная дорога, и сбиться с нее никак невозможно. Так же ясно, как Жанна указала убийцу и причины убийства, она указывала, где ее искать. А теперь на некоторое время отвлечемся от Матье и вернемся к Жанне. Я совершенно уверен, что она в это время переживала то же, что и он. Но если Матье не знал, что ему делать и чего он хочет, Жанна знала твердо и то, и другое. Жизнь свою она вовсе не ценила. Не исключено, что та просто стала ей противна. Для юной девушки убить человека, который ее вырастил, не такое уж простое дело (хотя, возможно, я приписываю Жанне чувствительность, которой она была лишена). Однако она не сдалась властям. Плевать она хотела на власти, с печалью должен признаться, ибо являлся в то время их представителем. И если бы она обнаружила, что ее ищут, то сумела бы скрыться. Но, по ее жуткой, неумолимой логике, покарать ее имел право – и обязан был – только один человек. Именно для него она оставляла следы на дороге, ведущей в тупик. И каждый день, выходя на залитую солнцем площадь, она дожидалась своего жениха и убийцу.

Они первоначально разминутись на несколько часов, так как он приехал верхом, а не с почтовой каретой, как она предполагала. И все же ее расчет был верен. Миновать площадь Матье никак не мог. Он вышел из гостиницы. И они увидели друг друга.

Как я уже упоминал, из того разговора, что далее последовал и который продолжался до ночи, никто не слышал ни единого слова. В общем-то не мудрено, что они говорили так долго. Им действительно многое нужно было друг другу сказать. Ведь это был первый настоящий разговор за всю их жизнь. И, зная его финал, я в целом могу предположить его содержание.

* * *

Без сомнения, она сразу же сказала ему, зачем она его ждала и что он должен сделать. Убить ее. Без сомнения, он сразу же отказался. Он хотел говорить совсем о другом – о своей

любви к ней, любви, как он знал теперь, разделенной. Какая любовь может быть при таких обстоятельствах? – говорила она. Она отомстила за своих родителей, и это справедливо. Теперь он должен отомстить за своего отца, и это тоже будет справедливо. Вероятно, он уговаривал ее забыть о прошлом и уехать вместе, уплыть за море, туда, где их никто не знает (не может быть, чтобы они ни разу не упомянули о море. Они же ходили по набережной), и начать новую жизнь. Разве о таких вещах забывают? – отвечала она. Разве она когда-нибудь сможет забыть, что он – сын убийцы ее родителей, а она – убийца его отца? Какие дети родятся от подобного союза? (Нет, я не думаю, чтоб она сказала, будто смешивать кровь убитых и кровь убийцы – мерзость и грех перед Господом, как-то не представляю подобных слов в ее устах.) Кроме того, продолжала она со свойственной ей упорной рассудительностью, совершенное ею не только справедливо, но и ужасно. И чтобы эта повторяющаяся цепь убийств не превратилась в бесконечный кровавый круговорот, где одно неминуемо вытекает из другого, эту цепь следует оборвать. А это можно сделать только одним способом.

Так они говорили, а в жарком летнем небе пылало солнце, у ног их тихо плескались волны, и пестрые златанные паруса торговых шхун и фелюг толпились в гавани.

Хорошо, сказал он, пусть убить ее – его долг. Но и он тоже должен умереть. Она воспротивилась – нет! Его отец был виновен, и она тоже виновна, но он-то, Матье, не повинен ни в чем. Он не должен расплачиваться за чужие преступления. Она не затем его ждала, чтобы вместе умирать, умереть – это ее право!

Неужели она думает, отвечал он, что после этого он сможет жить? После стольких лет ожидания, после всего, чем они стали друг для друга, она собирается оставить его одного?

Ты хочешь, чтобы я тебя пожалела, говорила она, но в данном случае жалость и есть худшая жестокость.

Я не знаю, как он сумел ее убедить. Полагаю, он взял на вооружение ее собственное оружие – логику. Ты отомстила за своих родителей, сказал он, я отомщу за своего отца, но кто отомстит за тебя? У тебя нет близких, кроме меня. И я, твой жених, обязан отомстить за тебя твоему убийце. И тогда цепь действительно оборвется и не станет бесконечной.

Так или иначе, они пришли к соглашению. И, по-видимому, им сразу стало легче. Они даже пошли обедать. Написали свое письмо. И снова направились бродить. А вечером пришли в ту гостиницу.

Еще раз для тех, кто считает мою историю безнравственной. После двенадцати с лишним лет они имели право хотя бы на одну ночь. И если бы ничего не случилось, они к этому времени были бы женаты.

Почему они не вернулись в «Сирену»? Это большая гостиница, там слишком много людей, им могли бы помешать. Поэтому они ушли в «Дельфин», на окраину города. Дальше вы знаете.

Думаю, я угадал, почему Жанна обставила дело именно так, сама написала записку и первой поставила подпись. Не только потому, что она во всем шла первой. Нет, она все еще надеялась, что, убив ее, Матье передумает и не последует за ней. Он мог оторвать край листа со своей подписью и переписать первое слово, смазав букву.

Как вам известно, надеялась она напрасно.

К тому времени, как я вернулся в Форезе, Жанну и Матье давно похоронили. Как хоронят самоубийц: без подобающих обрядов, за кладбищенской оградой, без креста или могильного камня, даже не в гробу. Так полагается.

Кстати, когда я впервые рассказал эту историю, наш доктор – тот, из портового госпиталя, – почему-то принял ее необычайно близко к сердцу и обратился к приходу с просьбой перезахоронить их на кладбище. Несчастные, говорил он, были не преступниками, а жертвами обстоятельств. Приходской священник выступил с резкой отповедью, а в случае упорства-

ния пригрозил пожаловаться епископу. Умершие, говорил он, были убийцами, самоубийцами и прелюбодеями и получили то, что заслужили.

Доктор, очевидно, ждал, что я поддержу его ходатайство. Но я не стал этого делать. Во-первых, я уверен, что Жанна и Матье не признали бы себя жертвами. А во-вторых, думаю, они хотели бы, чтобы их забыли.

И их забыли. Хотя в Форезе, как я говорил, преступления из-за любви происходят не часто. Более того, я и сам порой думаю, что «любовь» вовсе не является ключевым словом в этой истории.

«Умираем по собственной воле».

Собственная воля.

Воля.

6. Веселый Джироламо

Если бы в теле не было корня холода, невозможно было бы ощущение тепла. Поэтому же вполне справедливо утверждение, что тот, в ком нет ни сил, ни материала для зла, бессилен и для добра.

Шеллинг. *«Философские исследования сущности человеческой свободы»*

Жалюзи были опущены, солнце било прямо в глаза. В этот послеполуденный час все жители города, независимо от пола, возраста и состояния, искали тени, но даже в тени было слишком жарко. Особенно для приезжего с севера. Хотелось снять мундир, улечься где-нибудь поудобнее и ни о чем не думать. Однако Роберт Дирксен никогда не позволял себе следовать подобным желаниям. Поэтому он ограничился тем, что передвинул стул подальше, чтобы солнечные лучи, пробивающиеся сквозь щели, не падали на его лицо.

Что касается его собеседника, то за годы, которые он прослужил начальником полиции бывшей Итальянской колонии, он привык к здешнему климату и, несмотря на жару, расхаживал по комнате.

– ...вы напрасно двигаетесь – в это время здесь везде солнце. Ничего... Впрочем, вернемся к нашим бандитам.

– Он что, действительно веселого нрава или это насмешка?

– Не сказал бы.

– Так что же все-таки представляет собой этот Джироламо?

– Если б я мог это объяснить... Я – полицейский старой формации и привык, чтобы вор был вором, бандит – бандитом и мятежник – мятежником. Раньше мы, как всякий порядочный приморский округ, славились своими контрабандистами. Прекрасная была у дела организация, налажена связь с внутренними кругами... хотя я опять отвлекся. Так вот, теперь с контрабандистами стало проще, зато появился какой-то новый уклон... – Он остановился. – Может, мне стоило дать вам отдохнуть пару дней с дороги, привыкнуть немного... Но ваш Менкарт уж слишком подробно расписывал вас в своих письмах... благодарите его, если желаете. А я счел нужным сразу ввести вас в курс наших дел. А дела наши не слишком утешительны. Впрочем, как и везде... Вот возьмите Англию. Казалось бы, государство самое просвещенное, и вдруг – гордоновский бунт.⁴ Уж если в цивилизованных странах творится такое, то чего ждать от нашей провинции? Что, думаете, заболтался старик? Не такой уж я старик, Дирксен. Хотя, может, вы и правы. Здесь состаришься. Поэтому я и решил, что вы лучше разберетесь в этом деле. Как молодой с молодым. Вам сколько? Двадцать семь? Так вот, он даже моложе вас. Есть еще одна причина, пожалуй, более важная.

– Какая же?

– Вы, как я понял, – прирожденный охранитель, таков склад вашего ума. А Джироламо по натуре прирожденный разрушитель, вот ведь какое дело.

– Продолжайте.

– Вы никогда не работали в портовых городах? Арвен не в счет, это столица. Смешанное население и все, что из этого вытекает.

– А Джироламо?

– Джироламо? У нас описание его наружности. Около двадцати пяти лет, роста среднего, лицо смуглое, глаза, волосы темные, бороды, усов не носит, особых примет не имеет. Между

⁴ Парламентский билль о правах для католиков (1778) вызвал недовольство лондонской черни, вылившееся в открытый бунт, который разразился 2 июня 1780 г. и был возглавлен лордом Джорджем Гордоном (1751–1793). Вооруженные беспорядки в Лондоне продолжались неделю и были подавлены правительством.

прочим, соответствует действительности. И внешности каждого третьего жителя провинции. А конкретно – если вы скажете любой городской девице, что Джироламо не писанный красавец, она вцепится вам ногтями в физиономию. Герой, понимаете ли, должен быть красив, как Аполлон, шести футов ростом, иметь пронзительный взор и громовой голос. Но хотя Джироламо и не уродлив, красивым его тоже не назовешь. Есть в нем, пожалуй, что-то обезьянье – в смысле неправильности и подвижности черт. Роста он скорее небольшого, чем среднего... Впрочем, вы знаете, этот тип, еще с детства, – подвижный жилистый мальчик незавидного роста, но в случае драки с ним лучше не связываться, а драчлив он необыкновенно. И наверняка у вас в памяти следующая картина из школьной жизни: этот вот недоросток нападает на самого здорового парня во всей школе. Все стоят вокруг и не вмешиваются. Верзила бессмысленно молотит кулаками по воздуху, а малыш подскакивает к нему с самых неожиданных сторон, избивая почем зря. А ведь если б тот его достал, мог бы убить одним ударом. Представили? Кстати, это довольно точная картина наших внутренних обстоятельств...

– Откуда такие подробности?

– А я, молодой человек, видел Джироламо, причем так же близко, как вижу вас.

– Вот как. И при каких обстоятельствах?

– До этого я дойду. Дело в том, что его многие видели. Почти все. Он любит появляться открыто. Дней десять назад он объявился в Бранке, пробыл там почти двое суток и отбыл при всенародном ликовании. У него было три спутника, но провожала его целая толпа. Женщины бросали ему цветы, и не хватало только оркестра. Он выехал за ворота – и исчез. Это тоже входит в его привычки – исчезать. И где он – не знает никто из тех, кто толпился на улице и вопил: «Ура, Веселый Джироламо!» О представителях власти я и не говорю...

– Почему же они не арестовали его, когда он был в городе?

– Боялись. Просто боялись. Вы никогда не сталкивались с таким явлением природы – народный герой? В ряду общественных бедствий он стоит сразу за чумой и землетрясением. С чумы-то все и началось. Вернее, с холеры, поразившей Итальянскую колонию двадцать лет назад, а точнее, в тот день, когда купец Джузеппе Ридольфи, дом которого не затронула эпидемия, дал обет усыновить какого-нибудь сироту. Здесь все католики... И он исполнил этот обет, положив начало нашим бедствиям, – просто взял с улицы маленького бродяжку, которых после эпидемии много шаталось, и усыновил. Никто не знал, какого он вероисповедания, и мальчик был заново крещен именем Джироламо. Я не верю в судьбу и не склонен считать это имя предзнаменованием. Мотивы же, побудившие почтенного купца дать приемышу имя безумного монаха,⁵ остались мне неизвестны. Детские и отроческие его годы, как говорится, покрыты мраком, но я не сомневаюсь, что его способность привлекать к себе окружающих проявилась уже тогда. Во всяком случае, Ридольфи всегда относился к нему как к родному сыну. Но сам он ни к кому не прилепился сердцем... и ни к чему... кроме бунта. Бунтовщик-профессионал. Это тянется с изматывающим душу постоянством уже лет семь – провокации против армии и полиции, разоблачения, призывы, и все это обильно поливается кровью. Человеческой кровью. Нас упрекают, и, может быть, не без основания, в излишней жестокости. Но именно такие, как Джироламо, обесценивают человеческую жизнь.

А теперь я расскажу вам, как встретился с ним. Это было четыре года назад, и он уже тогда был таким, как сейчас, – всем известным невидимкой... От одного надежного агента я получил известие, что определенной ночью Джироламо поедет по дороге на Козий Брод. В указанное время отряд вооруженной стражи задержал на дороге двоих мужчин и доставил в Бранку. Арестованные были люди молодые, явно местные жители. При начале допроса один

⁵ Джироламо Савонарола (1452–1498) – монах-доминиканец, проповедник воинствующего аскетизма. Возглавил государственный переворот во Флоренции (1494), способствовал установлению теократической республики. В 1497 г. отлучен от Церкви, впоследствии казнен.

из них сразу заявил, что он-де и есть Джироламо. И мы ему поверили. Я поверил. Я сам находился в плену у легенды о красавце шести футов ростом, с огненными очами, а он был действительно высокий и красивый малый. Поэтому на второго, довольно-таки невзрачного парнишку, никто не обратил внимания. Он стоял у стены, скалил великолепные зубы в ухмылке, и рожа у него была добродушная... Я думал тогда, что добродушие является признаком тупоумия. Увы! Самые закоренелые преступники часто бывают добродушны. А какой добродушный вид у наиболее крупных хищников! Они могут себе это позволить.

– Значит, это и был Джироламо?

– Да. А тот, высокий – Альдо Хейг его звать – его помощник и телохранитель. Но тогда мы усердно допрашивали его как Джироламо, и он произвел на меня впечатление угрюмого упряма. Или упрямого угрюмца – как вам больше по нраву. Потом их рассадили по разным комнатам, приставили охрану и стали ждать утра. До сих пор не знаю, где он взял кинжал – украл, когда его обыскивали, или украл у кого-нибудь...

– Кто?

– Джироламо, конечно. Настоящий Джироламо. Он зарезал обоих охранников, освободил Хейга, и они бежали, причем все это он проделал еще до рассвета. Нужно ли говорить, что неделю спустя, отправившись на встречу с тем самым надежным агентом, я нашел его мертвым? Каким образом его разоблачили, не знаю, но чувствовалась рука... И вот что я тогда подумал: «Он плохо кончит, этот Джироламо. Он слишком легко убивает».

– Однако...

– Да. Четыре года. Время пришло. Всякая мера нарушена. Он должен быть уничтожен. Да, разумеется, я предпочел бы официальную казнь – рассвет, палача, барабанный бой и прочие необходимые атрибуты. Но я не требую от вас невозможного. Важно, чтобы он перестал существовать, каким образом – не имеет значения.

– А ведь вы, Армин, его ненавидите.

– Да. – Он помолчал. – Я ненавижу его. Поэтому я и не могу с ним сладить. Там, где замешаны чувства, – дело конченное. А вам он безразличен. На это я и надеюсь.

– Интересно... Вы что, предназначаете меня на роль убийцы?

– Охранителя. Я уже сказал. Ну а если вы так щепетильны, попробуйте арестовать его. Я буду только рад.

– И как вы себе это мыслите?

– Виноват, мыслить должны вы. А я предоставляю необходимые сведения.

– Выход на окружение?

– Примерно так. Хотя «окружение» – слишком громко. Есть люди, общение с которыми может кое-что дать.

– Именно?

– Во-первых, вероятно, все тот же Ридольфи. Нет никаких сведений, что он встречался с Джироламо в последние годы, да и сам он, конечно, все отрицает. А всякое отрицание есть в то же время и утверждение. Ну и потом, все-таки отец...

– Приемный.

– Какой-никакой... Между прочим, я ни разу не слышал, чтобы Джироламо нуждался в деньгах, хотя суммы он тратит порой значительные. На одном народном энтузиазме долго не продержишься. Значит, кто-то его финансирует... А Ридольфи богат... Второй – уже упомянутый Альдо Хейг. Тоже хорошо известная личность. Уроженец города Форезе. Вашего примерно возраста. До встречи с Джироламо примечателен только тем, что к двадцати годам был полным алкоголиком. Опустившийся грязный оборванец. Попрошайка. Предмет насмешек и издевательств всего округа. Конченный человек. И вот такого типа Джироламо – сам Веселый Джироламо – выбирает себе в друзья. Всеобщее потрясение. Не знаю, что там было – предвидение или просто ловкий ход, скорее последнее, но в данном случае он себя оправдал. Хейг

мало того что перестал пить, он совершенно преобразился. И все вдруг увидели, что он парень храбрый, красивый и неглупый. И – друг самого Джироламо. Престиж творит престиж, и так без конца. Но Хейг-то чувствовал, кому он обязан тем, что из ничтожества стал уважаемым человеком. Результат? Я его видел. Джироламо вырастил себе цепного пса. Хейг для него не пожалеет ни своей жизни (я свидетель), ни чужой. Он не жесток. Он предан. Не знаю, что хуже.

Дальше. Контрабандисты. Они еще действуют, хотя и поутихли в последнее десятилетие. Среди них я бы обратил внимание на Браччо – владельца шхуны «Амфитрита». Думаю, что именно он закупает для Джироламо оружие. Прожженный тип. Ни разу не попался на горячем. Я бы ему и морского песка не доверил, но с Джироламо, очевидно, он ведет себя честно, иначе тот нашел бы себе другого агента. Может, впрочем, есть и другие. Насколько я догадываюсь, у Джироламо обширные связи в горах, но среди горцев, в отличие от портовых, у меня нет своих людей...

– Женщины?

– Ну-ну. Разумеется, молва приписывает Джироламо невероятный успех у прекрасного пола. И я склонен в это поверить. Но не называли никаких конкретных имен, во всяком случае, я не слышал. И никаких инцидентов, связанных с ревностью, обманом, изменой. Если женщин у него действительно было много, то они с этим примирились. Ему – как и в других отношениях – прощается то, чего не простили бы никому. И вообще я уверен, что женщины, сколько бы их ни было, не занимают в жизни Джироламо заметного места, так же, как и деньги. Он бескорыстен, он действительно бескорыстен, как это ни печально...

– Значит ли это, что он бесчувственен?

– Вот так вы это понимаете.

– Да. Если чувства – проявление слабости, а он силен, вывод...

– Н-не думаю. Какие-то чувства, хотя бы в зачаточной форме, ему доступны. Благодарность...

– Тщеславие.

– Возможно. Одним словом, ищите. С чего начать – решите сами.

– Тогда, – Дирксен встал, подошел к окну, за которым, скрытые сейчас жалюзи, в бледно-голубом мареве колыхались верхушки мачт, – все-таки с порта. Это единственное место, где появление нового человека не вызовет излишнего любопытства. Наоборот, это вполне естественно... – Он не закончил.

– И в каком качестве вы предполагаете там появиться?

– Отставной офицер с севера. Уволен из флота его величества за какую-то провинность – дуэль, растрата... Приглядывается к местным торговым кораблям.

– А справитесь?

Дирксен отвернулся от окна.

– Это не проблема. Если бы я не был, как вы изволили выразиться, прирожденным охранителем, то стал бы моряком. Все-таки Арвен – не только столица, но и портовый город.

Справка о бывшей Итальянской колонии

Основана в середине XIV века итальянскими купцами. Первоначально, сохраняя зависимость от Арвена, управлялась автономно. В 1662 году потеряла свою самостоятельность. Административный центр – Форезе, около 6 тыс. жителей. Другие города – Бранка, Азорра. Занятия – рыбная ловля, торговля, овцеводство, виноградарство. Кустарные ремесла. Состав населения – смешанный, подавляющее большинство – католики. Мелкое частное

судовладение. Больница – одна (Форезе). Тюрьмы – уголовная (Форезе), военная (Азорра). Там же расквартирован драгунский полк.

Основные силы были размещены не в Форезе отнюдь не по недосмотру. Город, расположенный на острове, соединенном с материком искусственным перешейком, был достаточно защищен как природой, так и сильными укреплениями, возведенными еще в пору религиозных войн. Правда, в случае осады сказалась бы нехватка пресной воды. Однако нападения извне не случалось уже более шестидесяти лет. Местные беспорядки подавлялись полицией.

Наступал сентябрь 1781 года.

Письмо, которое Энгус Армин получил от Дирксена на адрес одного из своих агентов, было коротким.

«Остановился в портовой гостинице «Генуя», но предполагаю скоро съехать. Уверен, что никто из сброда, ошивающегося здесь, не знает настоящего местопребывания Джироламо. «Амфитрита» – в плавании. Связать эти два обстоятельства?»

Размышляя над тем, что вы сообщили мне, я все больше убеждаюсь, что Джироламо должен сохранять связь со своим приемным отцом. Поэтому я бы рекомендовал арестовать Ридольфи. Разумеется, он будет все отрицать. Пусть. Сам старик в конечном счете меня не интересует. Мне важны последствия, которые произведет его арест. Потому желательно, чтобы старик содержался не в Форезе...»

* * *

За эти две недели он уже примелькался в порту, хотя не слишком стремился вступать в разговоры. Впрочем, от приглашений в компанию он не отказывался – сиди, пей, никто в душу не лезет. Историями, которых он наслушался здесь, можно было заполнить целые тома. Многие предоставляли интерес с точки зрения его профессии. Так он узнал историю величия и падения «Малой Ломбардии» – организации контрабандистов, о которой упоминал Армин, – называлась она так, вероятно, потому, что ее учредили выходцы из настоящей Ломбардии. Вспоминали и знаменитый рейд капера «Морская ведьма», уничтожившего пиратство в здешних водах восемнадцать лет назад, – и противоположная сторона имела своих героев. Однако нынешняя береговая охрана знатоками и в грош не ставилась, так же, как и контрабандисты, на проверку оказавшиеся выродившимся потомством предприимчивых колонистов. Все это помогло узнать местную жизнь и стиль мышления, но дела не продвигало ни на йоту. Однако Дирксен был терпелив. Из многоголосого хора он умел выуживать реплики, характеризующие разыскиваемого, известного как Веселый Джироламо.

– ...и ни разу не промахнулся. Хоть с правой, хоть с левой руки. Серьгу из уха у красотки соьбет, а уха не заденет.

– ...а голосина у него мощный. Гаркнет – стекла в трактире напрочь вылетят.

– Ты сам-то хоть видел его?

– Видел. Даже дважды. Только давно...

Большинству из них приходилось видеть Джироламо, и они восхищались его храбростью, остроумием, а более всего удачливостью, но никто из них и понятия не имел, где он находится сейчас. И еще один вывод сделал для себя Дирксен – Джироламо давно не появлялся в Форезе, во всяком случае, открыто – очевидно, какую-то осторожность он все-таки соблюдал.

Делались неоднократные попытки проследить за домом Джузеппе Ридольфи, но кто может выявить всех посетителей купца, ведущего дела с моряками? Именно это и привело Дирксена к мысли изолировать старика – кстати, он действительно старик, ему уже за семьде-

сят. Посмотрим, как себя поведет Джироламо. Раз он герой, то и поведение у него должно быть геройское. А для этого надо слегка подогреть общественное мнение.

Известие об аресте Ридольфи пришло в «Геную» вечером, когда в зале было полно народу, и никто не обратил внимания на появившуюся среди клубов табачного дыма фигуру, надсадно прокричавшую:

– Люди! Слушайте все!

Крики здесь были не в диковинку, скорее удивило бы молчание, и потому лишь некоторые повернули головы в сторону крикуна.

– Что блажишь?

– Старика Ридольфи взяли!

– Как – взяли?

– Дурак! Повязали старика! Я сам там сейчас был. Разгром полный. Пух по всей улице летает...

– Легавые?

– Черта с два! Солдат нагнали! Сколько уж, не считал, а полно, и со штыками наголо, как охрана короля мавританского!

Теперь уже слушали все, как и желал вестовщик, причем не столько слушали, сколько били кулаками по столам, топали и бранились. Проклятия, призываемые на головы представителей местных властей, падали с большим обилием, чем дождевые капли осенью. Во всем зале молчал единственный человек – Дирксен. Это не осталось незамеченным.

– А ты что же? Не слышал?

– Слышал. Ну и что?

– Так ведь позор на всю провинцию! Невинного человека, ни за что...

– Правильно, позор, беззаконие. – Он говорил спокойно, но к нему почему-то прислушивались. – Только справедливость глоткой не установишь. И битьем посуды тоже.

Сказав это, он поднялся и пошел к выходу.

– Гляди, какой умник выискался! – брякнул кто-то ему в спину.

Он остановился в дверях.

– Я с севера. У нас люди привыкли не орать, а действовать. Что ж, каждый живет как знает.

Дирксен понимал, что рискует нарваться на драку, оскорбляя местный патриотизм. Однако ответом ему было лишь настороженное молчание. Он ушел. Итак, зерно было посеяно. Следовало ждать всходов. А ждать он умел.

Было уже темно за порогом. Тьма стояла тяжелая и одновременно живая, как это бывает только на юге. Может быть, это ощущение возникало из-за близости моря. До самого моря нужно было спуститься. Гостиница стояла на высоком обрыве. Но он сошел по вырубленным в скале ступеням. Прошел по узкой полосе, усыпанной мелкой галькой, край которой ворочался слабой волной. И так же слаб был ветер – не ветер, а дыхание, касавшееся тела. Он расстегнул пуговицу камзола. Перед ним было море – то же самое море, что оmyвает арвенские пристани, и все же другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.